

Philippe CORCUFF

Les nouvelles sociologies

Programme
Pouchkine

*Издание осуществлено в рамках
программы «Пушкин»
при поддержке Министерства
иностраннных дел Франции
и посольства Франции в России*

*Ouvrage réalisé dans le cadre du
programme d'aide à la publication
Pouchkine avec le soutien du Ministère
français des Affaires Etrangères et
de l'Ambassade de France en Russie*

Éditions Nathan, Paris

1995

Филипп Коркюф

НОВЫЕ СОЦИОЛОГИИ

Перевод с французского

Е.Д. Вознесенской

М.В. Федоровой

«Институт экспериментальной социологии», Москва
Издательство «АЛЕТЕЙЯ», Санкт-Петербург

2002

УДК 316.2
ББК Ш51(0)
К 66

Филипп Коркюф

К 66 Новые социологии / Пер. с фр. Е. Д. Вознесенской, М. В. Федоровой; науч. ред. Н. А. Шматко — М: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2002 г. — 172 с. — (серия «Gallicinium»).
ISBN 5-89329-518-8

В книге рассматривается «пространство новых социологий», связанное с именами П. Бергера, П. Бурдьё, Л. Болтански, Э. Гидденса, И. Гофмана, Т. Лукмана, Л. Тевено, Н. Элиаса. Впервые критический анализ обращается одновременно ко всем этим социологам, обычно рассматриваемым порознь. Коркюф объединяет данных авторов рамками социального конструктивизма. Он пытается выйти за границы традиционно устоявшихся и ставших бесплодными оппозиций социологии: (объективное/субъективное, коллективное/индивидуальное), интерпретируя социальную реальность не как данность, а как результат конструирования.

Книга решает, прежде всего, учебные задачи, но она безусловно полезна для специалистов: социологов, философов, историков.

*В оформлении первой страницы обложки
использованы работы Пауля Клее*

ISBN 5-89329-518-8

9 785893 295184

© Éditions Nathan, 1995 г.
© Институт экспериментальной
социологии, 2002 г.
© Издательство «Алетейя», 2002 г.
© Е. Д. Вознесенская,
М. В. Федорова, перевод, 2002 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	8
Глава 1. О НЕКОТОРЫХ КЛАССИЧЕСКИХ ОППОЗИЦИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК	11
1. Наследие философии	12
1.1. Идеализм и материализм	13
1.2. Субъект и объект	15
2. В центре социологии: коллективное и индивидуальное	18
2.1. Преобладающее значение коллективного у Эмиля Дюркгейма	19
2.2. Методологический индивидуализм	20
3. К проблематике конструктивизма	24
Глава 2. ОТ СОЦИАЛЬНЫХ СТРУКТУР К ВЗАИМОДЕЙСТВИЯМ	30
1. Актуальность идей Норберта Элиаса	31
1.1. Социальные науки: между ангажированностью и дистанцированием	31
1.2. Преодолеть оппозицию между «индивидом» и «обществом»	32
1.3. Формы взаимозависимости, рамки свободы и структуры личности	35
1.4. Взаимозависимость против взаимодействия?	40
1.5. Историзм и ловушки эволюционизма	41
2. Структуралистский конструктивизм Пьера Бурдьё	42
2.1. Структуралистский конструктивизм	43
2.2. Два ключевых понятия: габитус и поле	45
2.3. Символическое измерение социального порядка	50

2.4. Социология действия: логика практики	52
2.5. Рефлексивная социология	56
2.6. Ведущая роль объективных структур	57
3. Вклад критического анализа в дальнейшее развитие структуралистского конструктивизма ..	59
3.1. Структуры доминирования и народные практики: вопросы Клода Гриньона и Жана-Клода Пасрона	60
3.2. Пластичность структур: социология политических кризисов Мишеля Добри	64
4. Теория структуризации Энтони Гидденса	68
4.1. Дуальность структурного	69
4.2. Компетентность акторов: практическое и дискурсивное сознание	70
4.3. Непреднамеренные последствия действия	73
4.4. Критика эволюционизма	74
4.5. Система, социальная и системная интеграция, или микро-, поглощенное макро-	76
Глава 3. ОТ ИНТЕРАКЦИЙ К СОЦИАЛЬНЫМ СТРУКТУРАМ	78
1. «Социальное конструирование реальности» Петера Бергера и Томаса Лукмана	79
1.1. Феноменологический конструктивизм: вклад Альфреда Шюца	80
1.2. Общество как объективная и субъективная реальность	84
2. Когнитивная социология Аарона Сикурела	88
2.1. Исходный пункт этнометодологии	89
2.2. Когнитивная социология	92
2.3. О новых связях между микро- и макросоциальным	94
3. Социология науки и техники Мишеля Каллона и Бруно Латура	97
3.1. Программа социологии науки Дэвида Блора ...	98
3.2. Социальное конструирование научных фактов .	99
3.3. Перевод, смещения и сети	100
3.4. Вопросы	104
4. Джон Эльстер: границы индивидуалистической рациональности и скрепы общества	107
Глава 4. КОНСТРУИРОВАНИЕ ГРУПП И СОЦИАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ	112
1. Основополагающий труд «Становление английского рабочего класса» Эдварда П. Томпсона ..	113

1.1. Класс как социоисторическое образование ..	114
1.2. Развитие идей и дискуссии	116
2. Люк Болтански и объективация групп	120
2.1. От критики субстанциализма к истории социальной группы: пример кадров во Франции ...	121
2.2. Обвинения и конструирование групп	124
3. Социальная категоризация	126
3.1. Актуализация наследия Дюркгейма: Мэри Дуглас	127
3.2. Ален Дерозьер, Лоран Тевено и «Социопрофессиональные категории»	129
4. Новые работы о социальных группах и категориях ..	131
4.1. Алессандро Пиццорно и проблема идентичностей	131
4.2. Генетический подход	133
Глава 5. МНОЖЕСТВЕННЫЕ ИНДИВИДЫ	136
1. Ирвинг Гофман и «Рамки опыта»	138
2. Социология опыта Франсуа Дюбе	144
3. Джон Эльстер и проблематика множественного «Я»	147
4. Понятие репертуара	150
5. Множественность режимов действия у Люка Болтански и Лорана Тевено	153
5.1. Публичное оправдание	153
5.2. Режимы действия, доступные одному и тому же индивиду	158
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	163
БИБЛИОГРАФИЯ	168

ВВЕДЕНИЕ

Какие социологические понятия разрабатывались и обсуждались во Франции в 80-е и в начале 90-х годов? Какие направления избрали французские социологи и в какой мере они использовали достижения социологии других стран? Результаты научной деятельности этого периода таковы, что в определенной мере они дают основания для пессимистического ответа: налицо множественность парадигм и теоретических источников, соперничество между «школами», гиперспециализация отдельных разделов науки, редкость научных дебатов и т. д. Порой возникает вопрос, имеем ли мы дело действительно с *одной* научной дисциплиной или же перед нами нагромождение очень разнородных направлений и научных работ? Но это лишь одно и далеко не самое продуктивное для будущего утверждение, безусловно, вызывающее известную инерционность в работе и в научных дебатах. Между тем в то же самое время в исследованиях, имеющих весьма различные исходные позиции и концептуальные подходы, обнаружилось новое, хотя и не всегда отчетливо осознаваемое, сходство. Так, многие французские социологи, зачастую опираясь на зарубежные исследования, пыта-

ются различными путями вырваться из круга классических антиномий (таких как материальное/идеальное, объективное/субъективное, коллективное/индивидуальное или макро/микро), которые если и остаются составной частью социологии, то сегодня все чаще обнаруживают свою несостоятельность. Вместо этих все более неэффективных оппозиций стало постепенно складываться новое пространство вопросов и проблем, которое мы назвали здесь *социальным конструктивизмом*, поскольку в этом случае социальная реальность постигается в качестве *сконструированной* (а не в качестве «естественной» или раз и навсегда «данной»). С этой целью заново прочитывались классические авторы, анализировались или пересматривались работы иностранных социологов (и не только «новых»), разрабатывались новые области исследования. В результате поле современной французской социологии характеризуется не только раздробленностью, среди активно работающих социологов появляются и общие точки зрения.

Всю совокупность усилий, во многих отношениях различных, но в то же время ставящих целый ряд схожих проблем, и в особенности все те концептуальные базы, на которые они опираются, мы называем *новыми социологиями*. Не следует забывать и о тех междисциплинарных обменах, которые способствовали этому обновлению проблематики, о взаимосвязи между философией и социологией, а также между социологией и другими науками о человеке и обществе (политологией, историей, этнологией, экономикой, лингвистикой, психологией и т. д.). Окунувшись в пространство работ, к которым может быть приложимо понятие научной корректности,

мы исключили из нашего рассмотрения все сочинения, которые, провозглашая себя «новыми», в большей степени примыкают к журналистской эссеистике и не соответствуют требованиям, предъявляемым к социальным наукам. Вместе с тем, несмотря на то, что мы попытались выявить наиболее существенные направления, наша работа отнюдь не претендует на исчерпывающее исследование. Одним словом, эту книгу можно считать приглашением к знакомству с наиболее важными работами, она служит путеводителем в этом чтении, но ни в коей мере не заменяет его.

* * *

Предлагаемое в данной книге путешествие¹, протекающее через различные способы описания, понимания и объяснения социальных миров, ориентировано в первую очередь на студентов, а также на преподавателей и исследователей, работающих в области социальных наук, однако педагогическая направленность работы делает ее также доступной для всех тех, кто стремится разгадать тайну мира, в котором живет, даже если — и об этом не следует забывать — научный инструментарий и научные результаты носят всегда временный характер...

¹ Я хотел бы поблагодарить здесь все тех, кто способствовал выходу в свет этой работы, в частности тех, кто незамедлительно и благожелательно откликнулся на мои последние просьбы, и в частности, Алена Аккардо, Филиппа Шаньяля, Анни Колловальд, Патрицию Коркюф и Клодет Лафай.

Глава 1

О НЕКОТОРЫХ КЛАССИЧЕСКИХ ОППОЗИЦИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

С момента своего зарождения социальные науки вступили в борьбу с целым рядом парных концептов, таких как материальное/идеальное, объективное/субъективное или коллективное/индивидуальное. Эти *paired concepts**, как их называли Рейнхард Бендикс и Беннет Бергер¹, пытаются заставить нас смотреть на социальный мир с точки зрения дихотомий. Они приглашают исследователей выбрать свое поле (коллективное в противовес индивидуальному или субъективное в противовес объективному). Между тем повторение и закрепление этих бинарных способов мышления предстает в достаточной степени разрушительным для понимания и объяснения сложных социальных явлений. *Конструктивистские теории*, которые будут представлены в следующих

* Парные понятия (англ.). — Прим. перев.

¹ См.: Images of Society and Problems of Concept Formation in Sociology // Symposium on Sociological Theory/Ed. by L. Gross. New York: Harper and Row Publishers, 1959.

главах, как раз пытаются преодолевать эти оппозиции, осмысляя аспекты реальности, традиционно воспринимаемые в качестве антагонистических, в их целостности. Таким образом, эти конструктивистские подходы открывают путь, позволяющий исключить из научных дискуссий целый ряд ложных проблем. Сама по себе оппозиция между макросоциологиями, оперирующими самыми крупными социальными целостностями (подобно макроэкономике в экономике), и микросоциологиями, отсылающими нас к наименьшим социальным структурам (подобно микроэкономике в экономике), стоит несколько в стороне от современных социологических дискуссий, и в настоящее время эта антиномия далека от желаемого преодоления. Безусловно, уже намечены пути такого преодоления, но они еще ждут своего дальнейшего обоснования и развития, а дискуссии по этому вопросу — дальнейшего углубления.

1. НАСЛЕДИЕ ФИЛОСОФИИ

Социология в значительной степени вышла из философской традиции. От философии она сохранила некоторые концептуальные черты, в частности, традиционную оппозицию между материализмом и идеализмом, между субъектом и объектом. Чтобы идентифицировать это наследие, для начала полезно было бы заглянуть во всеми признанный «Технический и критический словарь философии» Андре Лаланда¹.

¹ См.: *Lalande A. Vocabulaire technique et critique de la philosophie*. Paris: PUF, 1992.

1.1. Идеализм и материализм

Согласно философской традиции, *идеализм* заключается в том, что он «сводит всякое существование к мысли»¹, тогда как *материализм* есть «доктрина, в соответствии с которой не существует никакой иной субстанции, кроме материи»². Оппозиция между идеями и материей в свою очередь часто ассоциируется с другими парными оппозициями, как, например, дух/тело или идеальное/реальное.

Карл Маркс (1818–1883) ввел философское различие между материализмом и идеализмом в область исторического анализа, установив определенную форму материализма, который в некоторых его текстах, наиболее поверхностных, но и чаще всего комментируемых его «марксистскими» эпигонами, получил механистическое толкование с позиций сугубого экономизма. Ярким примером этому может служить следующий отрывок из его предисловия к «Критике политической экономии» (1859): «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания»³. Таким образом, мы получаем «над-

¹ Ibid. P. 435–436.

² Ibid. P. 591.

³ Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Изд-во политической литературы. 1959. Т. 13. С. 7.

стройку» (следовательно, «общественное сознание»), своими корнями уходящую в «базис» («экономическая структура»). Такой подход сыграл известную роль в 1950–70-е годы, когда дискуссии вокруг «марксизма» оказывали серьезное влияние на развитие социальных наук, о чем сегодня уже никто не вспоминает. Во всяком случае, оппозиция базис/надстройка, «реанимирующая» такие пары предшествующих философских оппозиций, как сущность/видимость или реальность/видимость, и по сей день бытует в наших науках, проявляясь в бинарной манере противопоставлять «подлинную» реальность (более «прочную» и «детерминирующую») более «искусственной» или «иллюзорной» реальности (более «ложной» и «детерминируемой»).

Следует заметить также, что впоследствии в социальных науках стало развиваться не столь механистичное и экономистское прочтение Маркса, опирающееся на другие, более сложные его сочинения, как, например, «Тезисы о Фейербахе» (1845), где Маркс, критикуя одновременно все предыдущие разновидности материализма и идеализма, пытается преодолеть их полярность. Этому направлению следует американский социолог Дэвид Рубинштейн, который, перечитав Маркса и установив параллели с поздней философией Людвиг Витгенштейна (1889–1951), наметил пути преодоления классических оппозиций. В антропологии Морис Гodelье, в начальном периоде своего творчества следовавший марксистской традиции, развил в дальнейшем свои мысли об «идейной компоненте реальности»: «всякое общественное отношение, каковым бы оно ни было, включает в себя идейную составляющую, частицу мысли, представлений; эти представления являют-

ся не только формой, которую обретает данное отношение для сознания, но составляют часть его содержания», и мысль в таком случае «не предстает более в виде уровня, отделенного от всех прочих уровней», «из чего вовсе не следует ни то, что в реальности все идейно, ни то, что представления действующих акторов непременно исходят из сознания»¹. Конструктивистские подходы развиваются именно в этом направлении совмещения.

1.2. Субъект и объект

Другая схема классической философии выводит на сцену *субъекта*, противостоящего миру *объектов*. Чаще всего оба эти понятия определяются через их оппозицию. Определения понятия *объективного*² раскрывают нам известное число семантических вариаций, которые сложились в результате философского толкования этого термина:

- «Противостоящее субъективному (в смысле кажущееся, нереальное): то, что составляет объект, реальность, пребывающая “в себе”, т. е. независимо от какого бы то ни было знания или идеи»;

- «Противостоящее субъективному (в смысле индивидуального): то, что действительно для любого разума, а не только для того или иного конкретного индивида»;

- «Не зависящее от воли, как не зависят от нее все физические явления»;

- «Противостоящее субъективному (в смысле сознательному, ментальному): объективный метод

¹ Godelier M. L'idéal et le matériel. Paris: Fayard, 1984. P. 171, 182, 199, 222.

² Vocabulaire. Op. cit. P. 695–701.

есть метод внешнего наблюдения», направленный в этом случае на «объективный или внешний мир» (противопоставляемый «внутреннему миру»).

Совершенно очевидно, что мы имеем дело с целой совокупностью семантических разветвлений *paired concepts*, уже упоминавшихся или иных (как, например, индивидуальное/коллективное, произвольное/непроизвольное, сознательное/бессознательное или внутреннее/внешнее).

Социологическое употребление этих понятий связано с историей их предшествующего употребления в философии. Укажем два наиболее важных типа такого употребления, которые избрали в качестве мишени для критики исследователи в области социальных наук, пытающиеся найти иной путь развития последних. Так, Пьер Бурдьё в своей книге «Практический смысл», подвергая двойной критике объективизм и субъективизм, дает два последовательных определения объективизма¹:

1. Объективизм имеет целью «установить объективные закономерности (структуры, законы, системы отношений и т. п.), независящие от сознания и воли индивидов»². Здесь мы имеем, с одной стороны, *закономерности, структуры и — имплицитно — коллективное и внешний мир*, а с другой стороны, — *сознания, воли, индивидов, а следовательно, внутренний мир*. С этой точки зрения объективизм утверждает примат объективного в анализе социальных явлений, а субъективизм — превосходство субъективного.

¹ Бурдьё П. Практический смысл / Пер. с фр. Общая редакция перевода и послесловие Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя; 2001.

² Там же. С. 51.

2. «Объективизм трактует социальный мир как спектакль, предлагаемый наблюдателю, стоящему на некоей “точке зрения” в отношении действия. Внося в предмет принципы собственного отношения к нему, этот наблюдатель ведет себя так, словно его единственным предназначением является познание»¹. В этом определении более или менее явно противопоставляются *наблюдатель, спектакль и внешне-теоретическое познание — актору, действию и внутрипрактическому познанию*. Объективизм в таком случае является типом отношения к социологическому объекту, которое стремится *a priori*, в частности, в силу своего внешнего положения, не распознающего конституирующие его практические употребления, придать объекту определенную устойчивость и однородность некой вещи, расположенной непосредственно перед субъектом. И наоборот, субъективистская позиция относительно действия будет строиться на точках зрения действующих субъектов.

Таким образом, в обоих этих определениях объективизм и субъективизм предстают в социальных науках как подходы, способные более или менее очевидным образом объединить два уровня анализа: 1) конкурирующие концептуальные универсумы, описывающие социальные явления, исходя из различных точек отсчета (примат объективного мира или субъекта), и 2) различные подходы, привлекаемые исследователем относительно социологического объекта, который он пытается сконструировать. Во всяком случае, объективизм и субъективизм являются двумя полюсами социологического анализа,

¹ Там же. С. 100.

а в массовой продукции по социальным наукам мы можем найти множество работ, которые довольствуются тем, что противопоставляют объективистский и субъективистский подходы.

Таким образом, перед социологами, пытающимися сойти со слишком проторенных дорог, стоит двойная задача: 1) в концептуальном плане — выявление связей между объективными и субъективными аспектами социального мира и 2) в плане конструирования социологического объекта — установление связи между внешней точкой зрения наблюдателя нато, что он изучает, и способами восприятия и переживания акторами того, что они делают в ходе своих действий. Вторая задача вовлекает социологическую рефлексию самого исследователя, поскольку последний должен включить в свое построение объекта рефлексию по поводу своего отношения к объекту.

2. В ЦЕНТРЕ СОЦИОЛОГИИ: КОЛЛЕКТИВНОЕ И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ

Как мы только что отметили, социология унаследовала от философии известное количество *paired concepts*, но особенно характерной для социологии с самого начала ее становления была оппозиция между коллективным и индивидуальным, «обществом» и «индивидом». Для иллюстрации постоянно возобновляющихся дебатов вокруг этой оппозиции остановимся на социологии Эмиля Дюркгейма (1858–1917), а затем на том, что сегодня именуют «методологическим индивидуализмом».

2.1. Преобладающее значение коллективного у Эмиля Дюркгейма

Для Дюркгейма времен написания им работы «Метод социологии» коллективное (или социальное), в отличие от индивидуального, принадлежащего психологии, лежит в основе самого определения социологии. Социальное составляет специфическую целостность: «общество — не простая сумма индивидов, но система, образованная их ассоциацией и представляющая собой реальность *sui generis*, наделенную своими особыми свойствами»¹. Это общество, именно потому, что оно «бесконечно превосходит индивида как во времени, так и в пространстве», «в состоянии навязать ему образы действий и мыслей, освященные его авторитетом»². Отсюда — следующее «правило» для социологии: «определяющую причину данного социального факта следует искать среди предшествующих социальных фактов, а не в состояниях индивидуального сознания»³. Собственно социальный факт определяется следующим образом: «всякий способ действий, устоявшийся или нет, способный оказывать на индивида внешнее принуждение; или, иначе: распространенный на всем протяжении данного общества, имеющий в то же время свое собственное существование, независимое от его индивидуальных проявлений»⁴. Таким образом, у

¹ Дюркгейм Э. Метод социологии // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995.

² Там же. С. 101–102.

³ Там же. С. 109.

⁴ Там же. С. 14.

Дюркгейма коллективное связано одновременно с понятием внешнего принуждения, навязываемого индивидам, а также с такой областью достоверности — в пространстве и во времени, — которая выходит далеко за рамки индивидуальных сознаний, что позволяет этому коллективному обрести существование, независимое от составляющих его индивидов. Коллективное также связано с объективистской точкой зрения: «наш основной принцип — объективная реальность социальных фактов»¹.

Конечно, подобное традиционное и беглое прочтение Дюркгейма весьма относительно. Подобно большинству авторов, Дюркгейм не оставил нам ни одного труда, который был бы настолько цельным и однородным, чтобы его можно было интерпретировать единственно возможным образом. В его сочинениях равным образом можно найти и элементы более конструктивистской направленности, т. е. такого подхода к социальным процессам объективации и отвердения реальности, который не ограничивается только объективистскими положениями, регистрирующими лишь «объективно» данное. Именно в таком духе объясняют Дюркгейма Франсуа Эран и Бернар Лакруа. Но тем не менее такой новый взгляд на Дюркгейма не отменяет присущего ему гипостазирования коллективного и общества в ущерб составляющим это общество индивидам.

2.2. Методологический индивидуализм

Акцент на коллективном в дюркгеймовской социологии вызвал обратную реакцию преимуществен-

¹ Дюркгейм Э. Метод социологии. С. 21.

ного интереса к индивидуальному. Наиболее радикальная реакция приняла форму того, что Раймон Будон и другие именуют сегодня «методологическим индивидуализмом». Социологи этого направления исходят из отрицания того, что они называют «социологизмом» или «холизмом» (рассматривающим в первую очередь *целое*, а не его составляющие), т. е. из отрицания «постулата, в соответствии с которым в ходе анализа можно пренебречь индивидом, являющимся продуктом социальных структур»¹. Методологический индивидуализм, напротив, провозглашает, что «для объяснения какого-либо социального явления, относящегося к области демографии, политологии, социологии или любой другой отдельно взятой социальной науки, необходимо реконструировать мотивации индивидов, затрагиваемых данным явлением, и рассматривать это явление как результат агрегирования индивидуальных действий, продиктованных этими мотивациями. Данное положение действительно для любой формы объясняемого явления — независимо от того, идет ли речь о частном случае либо о статистической закономерности, выражается ли данное явление совокупностью количественных или качественных данных и т. д.»². Таким образом, индивиды рассматриваются в качестве базовых атомов анализа социальных процессов, коллективное же представляется в качестве простого результата индивидуальных действий, получаемого путем *агрегирования и сложения*. Так,

¹ Boudon R., Bourricaud F. Dictionnaire critique de la sociologie. Paris: PUF, 1982. P. 287.

² Boudon R. Individualisme et holisme dans les sciences sociales // Sur l'individualisme / Eds. R. Birnbaum, J. Leca. Paris: Presses de la FNSP, 1986. P. 46.

«поскольку социальные явления всегда состоят из совокупности действий, социолог должен сводить эти явления к индивидуальным действиям, из которых они слагаются»¹. Экономика (в ее неоклассическом виде, близком к парадигме рынка) в этом случае представлена в качестве отправной дисциплины, поскольку такая методология является для нее «традиционной». Соответственно, индивидуалистическая социология разделяет с ней «постулат о рациональности» акторов. Именно поэтому противники индивидуализма говорят иногда о «либеральной социологии» (в смысле экономического либерализма с его *homo oeconomicus*, производящего подсчеты расходов и доходов). И все же следует заметить, что сами работы Раймона Будона зачастую гораздо сложнее, чем прямое следование этим систематическим и всеобъемлющим принципам в научной практике.

В привычном противопоставлении коллективного и индивидуального особенно проявляются характерные для социальных наук трудности в осмыслении *взаимопорождения частей и целого*. Именно эту проблему некоторое время назад попытался поставить психолог Жан Пиаже (1896–1980) в своих социологических размышлениях: «социальное целое не есть ни объединение существовавших ранее элементов, ни новая целостность, но есть система отношений, каждое из которых как таковое порождает изменение элементов, которые оно соединяет»². Этот же вопрос недавно был вновь сформулирован философом-экономистом Жаном-Пьером Дюпюи в его весьма неоднозначном толковании истории эконо-

¹ Dictionnaire. Op. cit. P. 4.

² Piaget J. L'explication en sociologie // Études sociologiques. Genève: Droz, 1965. P. 29.

мического либерализма, которое подводит его к идее «взаимодетерминированности целого и частей»: «Целое продолжает оставаться результатом соединения элементов, но сами элементы одновременно зависят от целого. Не существует более отношения дедукции — есть только отношение взаимной детерминированности»¹. Теоретические подходы, именуемые конструктивистскими, в самой разной форме бросили вызов традиционным взглядам, что предполагает смещение самого предмета социологии: это и не общество и не индивиды, представленные как отдельные целостности, но отношения между индивидами (в широком смысле, а не только взаимодействия «лицом-к-лицу»), а также объективированные миры, которые индивиды производят и которые служат им основаниями, являясь конституирующими одновременно и для индивидов, и для социальных явлений. Методологический индивидуализм включает в себя не только *интерсубъективное* измерение (связи между индивидами) социальной реальности, но так же, как отмечает философ Микаэл Сандел в своем анализе индивидуалистических предпосылок американского либерализма², и его *интрасубъективное* измерение, т. е. множественность идентичностей, конституирующих одного индивида, его многочисленные лики. Итак, новые социологии в противовес холизму и одновременно индивидуализму пытаются постичь множественных индивидов в качестве продуктов и производителей разнообразных социальных отношений.

¹ Dupuy J.-P. L'individu libéral, cet inconnu: d'Adam Smith à Friedrich Hayek // Audard C. et al. Individu et justice sociale. Paris: Seuil, 1988. P. 81–82.

² Sandel M. Liberalism and the Limits of Justice. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. P. 62–63.

3. К ПРОБЛЕМАТИКЕ КОНСТРУКТИВИЗМА

То, что мы определяем в качестве конструктивистской проблематики, не следует рассматривать как новую «школу» или новое единое «направление». Речь идет скорее о пространстве проблем и вопросов, над которыми работают исследователи, весьма отличающиеся друг от друга в том, что касается их интеллектуальных траекторий, используемых методологических концептов, вводимых в оборот методов или их отношения к эмпирической работе. Используя выражение Витгенштейна, можно сказать, что мы имеем дело скорее с *неким фамильным сходством* между этими различными работами и авторами, чем с единой субстанцией, которая скрывалась бы за понятием «конструктивизм». Тем не менее, несмотря на реальные различия, могут быть выделены некоторые точки соприкосновения, и прежде чем обратиться к анализу каждого из упоминаемых авторов, мы попытаемся дать общую характеристику этих совпадений.

С конструктивистской точки зрения, социальные реальности постигаются как исторические и повседневные конструкции индивидуальных и коллективных акторов. Именно это переплетение множественных конструкций, как индивидуальных, так и коллективных, не зависящее, впрочем, от отчетливо выраженной воли, ускользает от контроля со стороны участвующих акторов. Понятие конструкций возвращает нас к продуктам (имеющим относительно длительное существование или временным) предшествующих разработок и одновременно к процессам, находящимся в состоянии реструктуризации. Таким образом, для конструктивизма историчность

является главным понятием в трех аспектах. Во-первых, социальный мир конструируется, исходя из прошлых пред-конструкций; в этом аспекте конструктивизм следует Марксу, который писал: «Люди делают свою историю, но они делают ее не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого»¹. Во-вторых, прошлые социальные формы воспроизводятся, присваиваются, смещаются и видоизменяются, а другие формы изобретаются в ходе действий и во взаимодействиях (при контактах «лицом-к-лицу», в ходе телефонных, письменных и т. п. взаимодействий), имеющих место в повседневной жизни акторов. В-третьих, это прошлое наследие и этот повседневный труд открывают поле возможностей в приходящем будущем (*l'a-venir*). Как замечает философ Жан Ладриер, «действие, являясь историческим, располагается и объективируется в некоей внешней сфере, которая неуничтожимым бременем давит на существующее, но в то же время открывает этому существующему будущее»². В этом историческом процессе социальные реальности являются одновременно объективированными и интериоризированными. С одной стороны, они соотносятся с объективированными мирами: индивиды и группы пользуются словами, предметами, установлениями и институтами и т. д., оставленными предшествующими поколениями, люди изменяют их и создают на их основе новые

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 8. С. 119.

² Ladrrière J. Philosophie politique et philosophie analytique / Eds. J. Ladrrière, P. J. Van Parijs // *Fondement d'une Théorie de la Justice*. Louvain-La Neuve: Éditions de l'Institut supérieur de philosophie, 1984. P. 220.

слова, предметы и т. п. Эти объективированные, а следовательно, внешние по отношению к людям ресурсы в свою очередь оказывают давление на их действие, являясь одновременно точкой опоры для этого действия. С другой стороны, эти социальные реальности вписываются в субъективные и интериоризированные миры, образованные главным образом формами чувствования, восприятия, представления и познания. Методы обучения и социализации делают возможной интериоризацию внешних миров, а индивидуальные и коллективные практики акторов приводят к объективизации внутренних миров. Речь идет о двойном движении интериоризации внешнего и экстериоризации внутреннего, которое рассмотрел Жан-Поль Сартр (1905–1980) в своем историческом анализе диалектической философии Гегеля (1770–1831)¹. Поскольку внешние социальные миры характеризуются относительным разнообразием, то и внутренние миры также обнаруживают (в большей или меньшей степени) свою множественность.

Эти точки зрения следует отличать от тех, согласно которым социальная реальность является «лишь представлениями». Такой подход присущ, например, работам, стоящим на пересечении психологических дисциплин и наук о коммуникациях, например, работам Поля Вацлавика, которые, впрочем, также иногда называют «конструктивистскими»². Подобные взгляды, в отличие от конструктивизма, о котором мы говорим, склонны к отрицанию механизмов объективации, материализации и стабилиза-

¹ *Сартр Ж.-П.* Проблема метода / Пер. с фр. В.П. Гайдамака. М.: Изд. группа «Прогресс», 1994.

² См.: *Watzlawick P.* L'Invention de la réalité. Contributions au constructivisme. Paris: Seuil, 1988.

ции социальных реальностей и, следовательно, того способа, посредством которого миры объектов, составляющих наши универсумы, образуют одновременно ограничения и отправные точки наших действий. Если верно, что представления участвуют в конструировании социальной реальности, то они, тем не менее, отнюдь не исчерпывают эту реальность. С другой стороны, высказывания, превращающие социальный мир только в продукт наших представлений, выражают своего рода скептицизм и даже нигилизм относительно существования мира, мало совместимые с научными целями. Если конструктивистские точки зрения, в том виде, в каком мы их здесь рассматриваем, и предусматривают момент де-конструктивизма, подвергающего сомнению все то, что представляется как «данное», «естественное», «вневременное», «необходимое» и/или «однородное», то, вслед за этим, они предполагают исследование процессов конструирования социальной реальности (момент ре-конструкции). Сказать про дом, что он «сконструирован»*, означает просто, что он есть результат человеческого труда и что он не существовал вечно, а вовсе не то, что он не существует, совсем наоборот. Таким образом, конструктивистские подходы суть новые формы реализма, которые, тем не менее, отличаются от классических форм позитивизма, поскольку они задаются вопросами относительно «данности» и оставляют простор для множественности реальностей, отношения с которыми следует осмыслить.

* Следует учитывать, что в отличие от французского глагола *construire*, который имеет двойное значение «конструировать» и «строить», русский глагол «конструировать» не означает «строить» в смысле построить дом. — *Прим. перев.*

Речь здесь идет лишь о моментах совпадения разных тенденций, выраженных в обобщенном виде. Между тем позиции авторов, о которых мы упоминали, различаются по целому ряду более или менее связанных между собой вопросов. Так, в частности, авторы

— в разной степени отступают от традиционной концепции историчности, а именно от *эволюционистского* видения развития истории как *однонаправленного* (в одном только направлении) и *одномерного* (различные аспекты общества эволюционируют вместе в одном направлении);

— они по-разному подходят к двум сторонам одного вопроса: с одной стороны, об относительном постоянстве или прерывности движения одного и того же актора в различные периоды его жизни, а с другой — относительно целостности актора или кризиса его идентичности на протяжении одно и того же момента;

— в процессе конструирования социологического объекта не все уделяют одинаковое место *социологической рефлексии*, т. е. обращению к собственному «Я», к своей деятельности, к используемым средствам или к своим взаимоотношениям с опрашиваемыми;

— не все сходятся в том, что касается отношений между научными формами познания социальной реальности (свойственными социологам) и обычными формами (свойственными акторам): некоторые настаивают на «эпистемологическом разрыве» между этими формами, тогда как других больше интересует то, что эти формы сближает;

— некоторые из позиций предстают, по выражению Альфреда Шюца (1899–1959)¹, *конструкциями второго порядка*, т. е. научно смоделированными конструкциями, построенными на основе обыденных знаний и повседневных взаимодействий акторов, а следовательно, *конструкциями конструкций*. Другие включают в свои схемы более широкие пространственно-временные связи между акторами, которые вовсе не обязательно осознаются последними и которые осуществляются не через прямые взаимодействия. Каждому из этих двух полюсов соответствует разное видение различных измерений социального мира;

— наконец, если каждая из этих позиций пытается преодолеть противоположность между макро- и микросоциологиями, между познанием объединяющих социальных структур и анализом действий и взаимодействий «лицом-к-лицу» самих акторов, то происходит это по-разному в зависимости от того, исходят ли эти позиции из структур или из взаимодействий. Именно в этом смысле разница позиций, указанная в предыдущем пункте, распространяется и на вопрос о макро- и микроотношениях.

Таковы общие и специфические черты различных конструктивистских подходов, которые мы попытаемся проанализировать в последующих главах.

¹ Schütz A. Le Chercheur et le quotidien. Phénoménologie des sciences sociales. Paris: Méridiens-Klincksieck, 1987. P. 79.

ОТ СОЦИАЛЬНЫХ СТРУКТУР К ВЗАИМОДЕЙСТВИЯМ

Начнем наше путешествие в мир конструктивизма с трех авторов — Норберта Элиаса, Пьера Бурдьё и Энтони Гидденса, которые развивали свои идеи в разное время и в разных национальных контекстах. Хотя их взгляды и не являются принципиально «новыми», однако они пробудили во французском социологическом сообществе интерес — постоянно возраставший на протяжении всего последнего периода — к установлению связей объективного и субъективного или коллективного и индивидуального. Особенностью всех этих трех авторов является то, что, продолжая уделять преимущественное внимание социальным структурам и макросоциальным аспектам реальности, они — каждый по-своему — вводят субъективные и интеракционные измерения. Мы проанализируем основные достижения каждого из трех авторов и одновременно выскажем те критические замечания, которые им можно было бы предъявить.

1. АКТУАЛЬНОСТЬ ИДЕЙ НОРБЕРТА ЭЛИАСА

Норберт Элиас родился в Германии в 1897 г., в 1933 г. эмигрировал во Францию, затем — в Великобританию, где преподавал, главным образом, в университете Лестера. Он умер в 1990 г. в Амстердаме. Во Франции Норберт Элиас известен главным образом своими работами по исторической социологии, посвященными «цивилизационному процессу» на Западе. Однако он также проводил исследования и по более современным вопросам (исследования социальных групп, спорта и т. д.).

1.1. Социальные науки: между ангажированностью и дистанцированием

В своей работе «Ангажированность и дистанцирование. В помощь социологии познания» Норберт Элиас развивает мысль о научном статусе социологического знания, относительно которого он выстраивает свои «эмпирико-теоретические» исследования. По мнению Элиаса, социальные науки, являясь безусловной принадлежностью мира науки, тем не менее отличаются от наук о природе двумя существенными особенностями, связанными между собой¹:

— во-первых, «объекты» социальных наук являются в то же время «субъектами», наделенными представлениями о собственной жизни в обществе (в отличие, например, от атомов в физике);

¹ *Elias N. Engagement et distanciation. Contributions à la sociologie de la connaissance / Avant-propos de R. Chartier. Paris: Fayard, 1993. P. 24.*

— во-вторых, сами исследователи составляют часть их собственного исследовательского объекта.

Эти особенности приводят Элиаса к определению позиции исследователя в социальных науках через диалектику (возвратно-поступательное движение и балансирование) «дистанцирования» и «ангажированности». *Дистанцирования* — поскольку в любой из социальных наук исследователь, стремящийся к научной точности, обязан сам отмежеваться от предустановленных идей (собственных идей, идей акторов, которых он изучает, или, в более широком смысле, идей, имеющих хождение в исследуемой области). *Ангажированности* — «поскольку для того, чтобы понять структуру молекулы, нам не нужно знать, что означает ощущать себя одним из атомов, тогда как для того, чтобы понять способ функционирования человеческих групп, очень важно иметь доступ к внутренней стороне опыта людей относительно их собственной группы и других групп»¹.

1.2. Преодолеть оппозицию между «индивидом» и «обществом»

Через все работы Норберта Элиаса красной нитью проходит критика классической оппозиции между индивидом и обществом.

Поставить под сомнение эту оппозицию означает прежде всего дистанцироваться от субстанциалистских тенденций, связанных с нашим разговорным использованием языка, уже выявленных Витгенштей-

¹ *Elias N. Engagement et distanciation. Contributions à la sociologie de la connaissance / Avant-propos de R. Chartier. Paris: Fayard, 1993. P. 29.*

ном в его поздней философии и состоящих в «поисках субстанции [*substance*], которая отвечала бы имени существительному [*substantif*]»¹. Речь идет о факте априорного полагания, будто бы за используемыми нами словами стоят однородные и хорошо различаемые реальности. Сходным образом Норберт Элиас отмечает, что за используемыми нами именами существительными (например, «индивид» или «общество») мы автоматически различаем наличие существа, «отчетливо видимых и осязаемых вещей»². Это приводит к тому, что «индивид и общество выступают как две совершенно различные вещи, как если бы речь шла о столе и о стуле»³.

В связи с этим Норберт Элиас предлагает обратиться к истории. Ведь согласно Элиасу представление отдельного «Я», внешнего по отношению к обществу, каким мы знаем его сегодня, существовало не во все эпохи и не во всех обществах. «Наше собственное обычное видение, наш собственный образ человека возник довольно поздно в истории человечества, он формировался медленно и существовал первоначально на протяжении достаточно короткого периода в узких кругах античных обществ, затем появился вновь уже в период, который в истории западных обществ называли Возрождением (конец XIV — начало XVII в.)»⁴. Позднее в своей работе «Общество индивидов» Норберт Элиас в общих чертах исследует в историческом аспекте возникновение проблематики

¹ *Elias N. Le Cahier bleu et le Cahier brun. Paris: Gallimard, 1965. P. 51.*

² *Elias N. Qu'est-ce que la sociologie? Paris: Pandora, 1981. P. 16.*

³ *Ibid. P. 134.*

⁴ *Elias N. La Société des individus. Paris: Fayard, 1991. P. 137.*

самосознания и внутреннего мира (как противостоящих другим и внешнему миру) в западной философии, отдавая особую дань идеям Рене Декарта (1596–1650) и его знаменитому «Я мыслю, следовательно, я существую». Однако с социально-исторической точки зрения эти философские конструкции представлены как симптомы более широких социальных изменений, развития структур личности, свойственных особой «стадии» западного «цивилизационного процесса».

Продолжая оставаться в рамках исторического подхода, Норберт Элиас в той же работе исследует, как, в зависимости от эпохи и общества, меняется представление об идентификации личностей в связи с отношением к «Мы» и к «Я». В частности, он отмечает, как возросла роль «Я» и процесса индивидуализации в наших современных, называемых «развитыми», обществах. Этот процесс носит социальный характер в том смысле, что он характеризует структуры личности в связи с межличностными типами отношений, которые доминируют сегодня в западных универсумах.

Все эти разные исследовательские подходы объединяет попытка — которая и по сей день остается актуальной — преодолеть оппозицию индивиды/общество в области социальных наук. Индивид не рассматривается в качестве целостности, внешней по отношению к обществу, а общество — в качестве целостности, внешней по отношению к индивидам, следовательно, общество не сводится ни к простому объединению индивидуальных единиц (методологический индивидуализм), ни к независимой совокупности индивидуальных действий (холизм). Согласно Норберту Элиасу, собственно предметом социологии

выступают *взаимозависимые индивиды*. Только при таком подходе понятия индивид и общество способны обрести социологический смысл, при условии, однако, что он подчинен понятию взаимозависимости: «понятие индивида соотносимо с взаимозависимыми людьми, но только в единственном числе, понятие же общества соотносимо с взаимозависимыми людьми, но только во множественном числе»¹. Этот подход оказался особенно плодотворным при анализе такой специфической личности, какой был В. А. Моцарт. В своей, оставшейся незавершенной работе «Моцарт. Социология гениальности»² Норберт Элиас показывает нам буржуазного музыканта «в придворном обществе», который, однако, остается практически слугой и который разрывается между аристократическими нормами придворного общества и нормами восходящих буржуазных слоев. Перед музыкантами такого класса открывалось совершенно реальное пространство выбора, связанное, в частности, с возможностью поменять господина, благодаря наличию в Германии и Австрии многочисленных королевских дворов. Однако сами эти пространства выбора были пред-структурированы формами взаимозависимости, в которые такие музыканты были заключены.

1.3. Формы взаимозависимости, рамки свободы и структуры личности

Таким образом, мы видим, что категория взаимозависимости играет очень важную роль в теоретичес-

¹ *Elias N.* Qu'est-ce que la sociologie? P. 150.

² *Elias N.* Mozart. Sociologie d'un génie. Paris: Seuil, 1991.

ких построениях Норберта Элиаса. Она может быть разъяснена через аналогию с игрой в шахматы: «Как и в игре в шахматы, любое действие, совершенное с относительной независимостью, представляет собой ход на социальной шахматной доске, который неизбежно вызывает ответный ход другого индивида (на самом деле на социальной шахматной доске речь идет о многочисленных ответных ходах, осуществляемых многими индивидами), ограничивающий свободу действия первого игрока»¹. Общество, следовательно, представлено как подвижная и меняющаяся ткань многочисленных взаимных зависимостей, связывающих индивидов друг с другом.

Однако социальная ткань испещрена и многочисленными формами пересекающихся взаимосвязей. Норберт Элиас называет «фигурацией» (иногда переводимой также как «конфигурация» или «формация») специфические формы взаимозависимости, связывающие индивидов между собой. Эти формы могут быть самыми разнообразными: от партии в карты («Четыре человека, севшие за стол, чтобы сыграть в карты, образуют фигурацию. Их действия являются взаимозависимыми»².) до нации или международных отношений. Эти фигурации отличают друг от друга длительность и сложность цепочек взаимосвязей, объединяющих индивидов. Как полагает историк Роже Шартье, исследователь, анализирующий взаимозависимости, исходит из того, что «зависимости, которые связывают индивидов между собой, не ограничиваются теми зависимостями, кото-

¹ *Elias N.* La Société de cour. Paris: Flammarion, 1985. P. 152–153.

² *Elias N.* Qu'est-ce que la sociologie? P. 157.

рые они познают благодаря опыту или осознанию»¹. Например, бразильский крестьянин и нью-йоркский биржевой маклер, спекулирующий на курсах природных ресурсов, совсем не обязательно осознают цепочки взаимозависимости, устанавливающие связь между ними. Мы возвращаемся здесь к одному из противоречий, которые свойственны конструктивистским подходам: чем более структуралистские социологии расширяют свое видение и выходят за пределы сознания и знания индивидуальных акторов, тем более они теряют остроту видения того, что касается интеракций и повседневного знания.

Когда говорят о взаимных зависимостях, то вовсе не обязательно имеют в виду равноправные или сбалансированные отношения. Можно допустить существование взаимозависимостей, основанных на равновесном обмене, однако конфигурации, которые анализирует Норберт Элиас, в целом отмечены неравенством, доминированием и властью. *Власть* Норберт Элиас понимает не как субстанцию, которой «кто-то» «обладает», но как характеристику, связанную с отношениями взаимозависимости: «даже если мы в большей степени зависим от других, нежели эти другие зависят от нас, они имеют над нами власть»². Но если отношения неравноправны, то каждая сторона по-своему испытывает принуждение. Так, в «Придворном обществе» Норберт Элиас показывает, каким образом Людовик XIV («Король-Солнце») даже притом, что он обладал большей свободой, чем другие акторы французского общества

¹ Chartier R. Engagement et distanciation. Contributions à la sociologie de connaissance. P. IV. Préface//Elias N. Société de cour...

² Elias N. Qu'est-ce que la sociologie? P. 108.

той эпохи, не мог делать всего, что пожелает, ибо он также был включен в сеть взаимозависимостей, присущих придворному обществу. Таким образом, понятие взаимозависимости и соответствующее ему понятие *рамок действия* дают возможность по-иному взглянуть на эту ставшую банальной тему о роли «личности» в истории.

Последние уточнения позволяют увидеть, насколько плодотворными могут оказаться эти понятия для преодоления другой классической оппозиции, имеющей более непосредственно политическое звучание, а именно оппозиции, противопоставляющей *свободу и детерминизм*. После появления работ Норберта Элиаса этот вопрос нельзя более обсуждать с позиций «все или ничего»: «существует ткань взаимозависимостей, в которой индивид обнаруживает рамки индивидуального выбора и которая одновременно устанавливает его пределы»¹. В таком случае степень автономии (и, следовательно, зависимости) для каждого актора в каждом отдельном случае должна устанавливаться с помощью конкретного социологического анализа. Впрочем, Норберт Элиас замечает, что цепочки взаимозависимости в наших современных, более сложных обществах стали гораздо длиннее и что индивид оказывается на пересечении гораздо более разветвленных сетей взаимосвязей.

В то же время это понятие взаимозависимости позволяет нам преодолеть слишком упрощенное каузальное видение социальных процессов по типу «А является *причиной* В». Речь здесь идет о *взаимосвязях* между индивидуальными действиями, а не об односторонних отношениях. Эта взаимосвязь между эле-

¹ *Elias N. La Société de cour. P. LXXI.*

ментами в социальных науках очень часто осмысливалась через понятие *системы*. Указание на то, что элементы «образуют систему», означает, что они взаимодействуют друг на друга и посредством друг друга. Тем не менее, рассуждая подобным образом, мы часто наделяем слишком большой связностью и стабильностью то, что объединяет эти элементы (система имеет свои границы и отделена от прочих систем). Поэтому Норберт Элиас предлагает заменить понятие системы понятием *фигурации*: последнее «не связано с идеей целостности, полностью замкнутой на самой себе или наделяемой имманентной гармонией»¹.

Но взаимозависимости, в которые включены индивиды, по Элиасу, действуют не только как внешние принуждения. Они также участвуют в формировании *внутренних структур личности*. Индивид, таким образом, на протяжении всей своей жизни вовлекается во множество связей, которые ему предшествуют (семья, социальная группа, нация и т. д.), будучи зачастую продуктом длительного исторического развития, и которые способствуют формированию его чувств и мышления. Именно здесь появляется понятие *габитуса*, старого термина латинского происхождения. Согласно Норберту Элиасу, габитус есть социальный «отпечаток», налагающийся на личность, продукт различных конфигураций, в рамках которых действует индивид².

¹ Ibid. P. 149.

² *Elias N.* La Société des individus. P. 239–240.

1.4. Взаимозависимость против взаимодействия?

Что можно сказать о понятии взаимозависимости и его отношении к понятию непосредственного взаимодействия «лицом-к-лицу» и, следовательно, каково его место относительно оппозиции макро/микро в социологии?

Понятие взаимозависимости включает в себя формы связей от преимущественно макро- (мировой экономический рынок) до преимущественно микро- (партия карточной игры), пытаюсь преодолеть их противопоставление. Однако понятие взаимозависимости остается в большей мере связанным с полюсом макросоциального. Мы не должны рассматривать макро- и микро- как раз и навсегда данные субстанции, это — *относительные* понятия, т. е. понятия, которые определяются одно через другое. Например, если город можно рассматривать как микроуровень по отношению к мировому рынку, то он одновременно будет макроуровнем относительно двух человек. Таким образом, понятие взаимозависимости стремится отдать приоритет *целому* относительно *частей* при изучении социальных единиц, включая и самые мелкие, типа карточной игры, где под понятием фигурации подразумевается «постоянно меняющаяся общая композиция, образуемая игроками»¹. Все это приводит к тому, что Норберт Элиас вступает в полемику с «теориями действия и взаимодействия», неспособными, по его мнению, постичь «аспекты человеческих отношений, которые служат рамкой для их взаимодействий»².

¹ Elias N. Qu'est-ce que la sociologie? P. 157.

² Elias N. La Société de cour. P. 151.

Но способны ли понятия взаимозависимости и конфигурации полностью заменить понятие взаимодействия, как полагает Норберт Элиас? Вряд ли. Если понятие взаимозависимости и позволяет обнаружить более широкие взаимосвязи, нежели непосредственные интеракции между индивидами (скорее всего, бразильский крестьянин и нью-йоркский биржевой маклер, о которых мы упоминали, действительно никогда не вступят в непосредственный контакт), оно оказывается менее чувствительным к подвижности некоторых ситуаций повседневной жизни, которые, как это показывают социологи-интеракционисты, могут вызвать распадение или смещение уже сформировавшихся взаимозависимостей. Несмотря на всю свою значимость, понятие взаимозависимости дает далеко не полный ответ на сложнейший вопрос сочленения макро- и микро-.

1.5. Историзм и ловушки эволюционизма

Норберт Элиас отводит центральное место историческому подходу: люди, типы их отношений и связанные с последними формы чувствования суть исторические продукты, характеристики которых изменяются в зависимости от той или иной исторической эпохи. Эта историчность мыслится им не с финалистских позиций, т. е. история человеческих обществ не руководствуется заранее заданной целью. Для Норберта Элиаса история человечества «возникла из множественных проектов, но при этом она не имеет проекта, ее вдохновляет множество целей, но она не имеет цели»¹. Тем не менее ему не удастся полностью

¹ *Elias N. La Société des individus. P. 108.*

избежать ловушек эволюционизма, когда он стремится свести видение всего развития человеческой истории к видению однонаправленному и одномерному. Именно такое стремление вынуждает его защищать «объективную теорию эволюции общества»¹, осмысливать западную историю при помощи единой категории «цивилизационного процесса». Отдавая предпочтение длительности, глобальности и предполагаемому единству исторического развития, он меньше внимания уделяет разнородному, ошибочному, прерывному и противоречивому в историческом процессе.

2. СТРУКТУРАЛИСТСКИЙ КОНСТРУКТИВИЗМ ПЬЕРА БУРДЬЕ

Пьер Бурдьё родился в 1930 г. Он получил философское образование и сегодня руководит кафедрой социологии в Коллеж де Франс*. Именно ему удалось совместить взгляды трех «отцов-основателей» социологии, которые до него обычно противопоставлялись: Карла Маркса, Эмиля Дюркгейма и Макса Вебера (1864–1920).

Пьер Бурдьё хорошо известен своими уже относительно давними работами, написанными в соавторстве с Жаном-Клодом Пасроном, которые были посвящены изучению образовательных механизмов социального воспроизводства — «Наследники» (1964) и «Воспроизводство» (1970). Однако творчество Пьера Бурдьё разнообразно, оно охватывает многие области, причем социолог следит за тем, чтобы теоретические разработки никогда не отрывались от при-

¹ *Elias N.* La Société des individus. P. 231.

* Пьер Бурдьё умер 23 января 2002 г. — *Прим. перев.*

кладных исследований. Так, его исследования ни разу не замыкались на анализе воспроизводства социальных структур (которое, кстати, не понималось Пьером Бурдьё и Жаном-Клодом Пасроном только лишь как воспроизводство идентичного) и включали в себя множество других аспектов. Такова, например, написанная под его руководством коллективная работа «Нищета мира» (1993), посвященная изучению того, каким образом социальные формы страдания формируют субъективность индивидов. То, что Пьер Бурдьё назвал «структуралистским конструктивизмом», хорошо выражает всю оригинальность его метода. Этот метод стал особенно характерен для его работ, которые начали выходить в свет с конца 70-х годов.

2.1. Структуралистский конструктивизм

Пьер Бурдьё определяет «структуралистский конструктивизм» как соединение объективного и субъективного: «С помощью структурализма я хочу сказать, что в самом социальном мире <...> существуют объективные структуры, независимые от сознания и воли агентов, способные направлять или подавлять их практики или представления. С помощью конструктивизма я хочу показать, что существует социальный генезис, с одной стороны, схем восприятия, мышления и действия, которые являются составными частями того, что я называю габитусом, а с другой стороны, — социальных структур и, в частности, того, что я называю полями»¹. В этом двойном из-

¹ Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Бурдьё П. Начала / Пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994. С. 181–182.

мерении социальной реальности — объективном и сконструированном — объективным структурам все же сообщается некоторый приоритет. Это подводит Пьера Бурдье к различению в исследовании двух моментов: первого момента — объективистского, второго — субъективистского: «с одной стороны, объективные структуры, которые конструирует социолог в рамках объективизма, отстраняясь от субъективных представлений агентов, лежат в основе субъективных представлений и содержат структурные принуждения, влияющие на взаимодействия; но, с другой стороны, эти представления должны быть усвоены, если хотят, чтобы с ними считались, в частности, в индивидуальной или коллективной повседневной борьбе, нацеленной на трансформацию или сохранение объективных структур»¹.

Этот приоритет — временной и теоретический — объективного измерения социальной реальности отчасти имеет своим обоснованием эпистемологический подход, который сформулировали Пьер Бурдье, Жан-Клод Шамборедон и Жан-Клод Пасрон в книге «Ремесло социолога» и который с тех пор часто воспроизводит Пьер Бурдье. В центре этого подхода лежит понятие «эпистемологического разрыва» — разрыва между научным знанием социологов и «спонтанной социологией» социальных акторов, что сближает общественные науки с науками о природе. Одним из источников этого понятия служит выдвинутый Дюркгеймом в его работе «Метод социологии» социологический императив разрыва с «предпонятиями» акторов. Тем не менее, несмотря на вто-

¹ Бурдье П. Социальное пространство и символическая власть. С. 185.

ричность использования этого императива Пьером Бурдьё, его подход — в том, что касается второго, субъективистского момента — при более детальном анализе часто оказывается более сложным, нежели простая дихотомия научного и обыденного знания.

2.2. Два ключевых понятия: габитус и поле

По мнению Пьера Бурдьё, «движущей причиной исторического действия, действия художника, учебного или правителя, равно как рабочего или мелкого чиновника, является не субъект, который бы лицом к лицу сталкивался с обществом как с объектом, конституированным извне. Эта движущая причина заключен не в сознании и не в вещах, но в связи между двумя состояниями социального, т. е. истории, объективированной в вещах в форме институтов, и истории, воплощенной в телах в форме системы устойчивых диспозиций, которую я называю габитусом»¹. Таким образом, встреча габитуса и поля, «свершившейся истории тела» и «свершившейся истории вещи», предстает в качестве главного механизма производства социального мира. Пьер Бурдьё выделяет здесь двойное конструктивистское *движение интегриоризации внешнего и экстериоризации внутреннего*, пытаясь сделать это движение операциональным для эмпирических работ.

Габитус — это в каком-то смысле социальные структуры нашей субъективности, формирующиеся первоначально через наши первые опыты (первичный габитус), а затем через опыт нашей взрослой жиз-

¹ Bourdieu P. *Leçon sur la leçon*. Paris: Minuit, 1982. P. 37–38.

ни (вторичный габитус). Это то, каким образом социальные структуры отпечатываются в наших головах и телах посредством *интериоризации внешнего*. Таким образом, Пьер Бурдьё определяет понятие габитуса более точно, чем это сделал Норберт Элиас, а именно как «систему устойчивых и переносимых диспозиций»¹. *Диспозиции* суть склонности воспринимать, чувствовать, поступать и мыслить определенным образом, чаще всего бессознательно интериоризированные и инкорпорированные каждым индивидом вследствие объективных условий его существования и его социальной траектории. Эти диспозиции *устойчивы*, так как они, хотя и способны изменяться в процессе наших опытов, глубоко укоренены в нас, и в силу этого пытаются сопротивляться изменению, отмечая тем самым определенную преемственность в жизни личности. Они *переносимы*, так как диспозиции, приобретенные в ходе определенных опытов (например, семейных), оказывают воздействие на другие сферы опыта (например, профессиональные); это самый первый элемент единства личности. Наконец, диспозиции образуют *систему*, поскольку они стремятся объединиться. Но для Пьера Бурдьё единство и устойчивость личности, в принципе действующей в соответствии с габитусом, не являются тем единством и той устойчивостью, которые сознательно и ретроспективно представляются самой личностью и которые социолог называет «биографической иллюзией»². Они суть единство и устойчивость, в самом широком смысле бессознательные и реконструируемые исследователем

¹ Бурдьё П. Практический смысл. С. 102.

² Bourdieu P. L'illusion biographique // Actes de la recherche en sciences sociales. 1986. № 62–63.

(в зависимости от места в пространстве социальных классов, от занимаемых институциональных позиций, накопленного опыта внутри различных полей и т. д., а следовательно, также и от пройденной социальной траектории). Эта точка зрения отличается от тех, которые мы рассмотрим ниже (глава 5) и согласно которым личность наделена значительно более дробными диспозициями и идентичностями, что делает задачу унификации еще более проблематичной.

Будучи объединяющими, индивидуальные габитусы являются также и *единичными*. Коль скоро существуют классы габитусов (например, схожие габитусы — с точки зрения условий существования и траекторий — какой-либо группы одного социального происхождения), а следовательно, и *габитусы класса*, каждый индивидуальный габитус специфическим образом комбинирует в себе определенное разнообразие (большее или меньшее) социальных опытов¹. Но можно ли сказать, что этот габитус просто воспроизводит социальные структуры, продуктом которых он является? Габитус конституируется «порождающими принципами», т. е. в некотором смысле по типу компьютерной программы (но программы, частично самопрограммирующейся). Он призван давать множество ответов на различные встречающиеся ситуации, исходя из ограниченной совокупности схем действия и мышления. Таким образом, габитус воспроизводится скорее тогда, когда сталкивается с привычными ситуациями, однако он способен к инновациям, когда оказывается лицом к лицу с незнакомыми ситуациями.

¹ Бурдьё П. Практический смысл. С. 117.

Поля конституируют *экстериоризацию внутреннего* в процессе. Именно с этой точки зрения Пьер Бурдье рассматривает институты — не в качестве субстанций, но с точки зрения отношений, как конфигурации отношений между индивидуальными и коллективными акторами (Пьер Бурдье говорит об *агентах (agents)*, чтобы подчеркнуть, что они в равной мере подвергаются воздействию (*sont agis*) — как изнутри, так и извне — и действуют свободно*). Поле есть сфера социальной жизни, которая постепенно автономизируясь в ходе истории, приобретает социальные отношения, цели и средства, свойственные только ей и отличные от иных полей. Люди преследуют разные интересы в экономическом или художественном поле, поле журналистики, политики или спорта. Поле, таким образом, является *полем сил* — оно отмечено неравномерным распределением средств и, следовательно, соотношением сил между доминирующими и доминируемыми, и одновременно *полем борьбы* — в нем социальные агенты сталкиваются между собой, чтобы сохранить или изменить это отношение сил. Согласно Пьеру Бурдье, само определение поля и установление его границ (вопрос о том, кто имеет право на участие в поле и т. д.) может быть составной частью этой борьбы, что отличает данное понятие от обычно более закрытого понятия «система». Каждое поле отмечено отношениями конкурентной борьбы между его агентами (Пьер Бурдье говорит также о *рынке*), несмотря на то, что участие в игре предполагает хотя бы минимум

* Корень французских слов *agent*, *agir* означает действовать. Для Бурдье принципиально, что «агент» определяется через действие или практически. — *Прим. перев.*

их договоренности между собой относительно существования поля.

Каждое поле характеризуется специфическими механизмами *капитализации* свойственных ему легитимных средств. Таким образом, согласно Пьеру Бурдьё, существует не один капитал, на чем настаивали Маркс и «марксисты» (а именно экономический), а множество капиталов (культурный капитал, политический капитал и т. д.). Нам предлагается не *одномерное* представление о социальном пространстве как в «марксизме», где понимание общества концентрируется в первую очередь вокруг экономического видения капитализма, а *многомерное*, при котором социальное пространство состоит из множества автономных полей, каждое из которых определяют специфические способы доминирования. Следовательно, перед нами не *один* капитализм (в экономическом смысле), а *многие* формы капитализации и доминирования: ассиметричные отношения между индивидами и группами, которые установились в пользу одних из них, причем некоторые могут переноситься в другие поля, как, например, доминирование мужчин над женщинами¹. Эти формы капитализации являются автономными, они находятся иногда в состоянии конкурентной борьбы (например, классический конфликт между обладателями экономического капитала и капитала культурного, между бизнесменами и «интеллектуалами») и, одновременно, различным образом пересекаясь, они связаны между собой (некоторые агенты соединяют в себе экономические, культурные и политические

¹ Bourdieu P. La domination masculine // Actes de la recherche en sciences sociales. 1990, № 84.

капиталы, тогда как другие «отторгнуты» от большинства легитимных капиталов). То, что Пьер Бурдьё называет *полем власти*, является местом, где соединяются различные поля и капиталы: это та точка, в которой сталкиваются агенты, занимающие доминирующее положение в различных полях, это «поле борьбы за власть между обладателями различных форм власти»¹.

2.3. Символическое измерение социального порядка

Если в творчестве Маркса Пьер Бурдьё почерпнул, в частности, идею о том, что социальная реальность есть совокупность *силовых отношений* между социальными группами, исторически находящимися в состоянии борьбы друг с другом, то у Макса Вебера он позаимствовал помимо прочего идею о том, что социальная реальность является также совокупностью *смысловых отношений*, что она, следовательно, имеет символическое измерение. С точки зрения М. Вебера, представления и язык участвуют в построении социальной реальности, хотя они, конечно же, не исчерпывают собою всей реальности.

По мнению Пьера Бурдьё, для того чтобы представления могли эффективно воздействовать на реальность, нужно, чтобы были выполнены определенные социальные условия, внешние по отношению к этим представлениям и к самим дискурсам, условия, благоприятствующие воздействию и предварительно запечатленные в умах и в институтах. В этом за-

¹ Bourdieu P. La Noblesse d' État. Paris: Minuit, 1989. P. 375.

ключается так называемый «эффект теории»¹, т. е. воздействий, которые может оказывать философская и/или социологическая теория на социальный мир (например, «марксистская» теория классовой борьбы) и которые предполагают, что агенты овладевают элементами этой теории, причем последняя может опираться на институты. Речь идет об ином типе отношений между научным и обыденным познанием, поскольку в движении от научного к обыденному часть социологических теорий прошлого может быть постепенно интегрирована в предмет социологического анализа социологов нынешних.

Включение в анализ символического измерения социальной реальности влияет на способ осмысления отношений доминирования (асимметричного распределения ресурсов) между индивидами и группами. Именно здесь вступает в действие понятие *символического насилия*. Различные формы доминирования, если только они не прибегают исключительно и непрерывно к использованию вооруженной силы (которая, впрочем, также предполагает символическое измерение, поскольку она определенным образом осознается и о ней определенным образом говорят), должны быть легитимированы, признаны в качестве легитимных, т. е. должны обрести позитивный смысл или, во всяком случае, превратиться в «естественные» таким образом, что доминируемые сами примыкают к господствующему порядку, никак не осознавая его механизмов и произвольного характера их действия (не естественного и не необхо-

¹ Bourdieu P. Ce que parler veut dire. Paris: Fayard, 1982. P. 156–161.

димого, а значит, исторического и изменяющегося). Именно этот двойной процесс *признания и незнания* и составляет принцип символического насилия, а значит, и легитимации различных форм доминирования¹. Например, преподаватель французского языка, который делает на полях одной тетради пометку «блестяще», а на другой — «тяжеловесно», совершает жест, в принципе отсылающий к социальной иерархии (поскольку «блестящими учениками» часто называют обладателей легитимного культурного капитала, тогда как «тяжелыми учениками» — тех, кто его лишен). Однако этот жест самими учащимся зачастую *признается* как суждение об их личных познаниях во французском языке и *не осознается* как выражение социального доминирования.

2.4. Социология действия: логика практики

Одним из наименее известных аспектов социологии Пьера Бурдьё является его социология действия, которая впервые была изложена в 1972 г. в работе «Эскиз теории практики» и получила дальнейшее свое развитие в 1980 г. в книге «Практический смысл».

Развиваемая в русле философии Людвиг Витгенштейна и Мориса Мерло-Понти (1908–1961), социология действия Пьера Бурдьё исходит из критики *интеллектуалистских* подходов, т. е. теорий действия, сводящих действие к интеллектуальной точке зрения того, кто наблюдает за действием, в ущерб практической точке зрения того, кто действу-

¹ Bourdieu P. Sur le pouvoir symbolique // Annales. 1977. № 3.

ет. Таким образом, «интеллектуализм вписан в факт включения в предмет умозрительного отношения к нему, в подмену практического отношения практикой отношения к предмету, свойственного наблюдателю»¹. Именно в этом смысле интеллектуализм является объективизмом, охватывающим действие *извне* и *сверху* как объект познания, без учета отношения агента к своему действию. В результате объективизм интеллектуалистского толка наделяет *a priori*, как это показал Бернар Лакруа², представленные *извне* и проанализированные социологом объекты («СССР», «Франция», «государство», «политика города», «рабочий класс» и т. д.) — *по образу вещи* — однородностью и содержанием, которыми эти объекты не обладают.

Такому теоретическому и умозрительному отношению к действию, которое многие философы и социологи ошибочно приписывают агенту, сообщая тем самым универсальность своей собственной позиции рефлектирующего наблюдателя, Пьер Бурдьё противопоставляет *практическое отношение к практике*. По его мнению, мы действуем в мире, который «постоянно напоминает о своем присутствии (своими неотложными делами, тем, что необходимо сделать или сказать, что делается для того, чтобы об этом было сказано) и непосредственно диктует жесты или слова, но никогда не разворачивается как спектакль»³. В отношении всей совокупности дей-

¹ Бурдьё П. Практический смысл. С. 66–67.

² Lacroix B. *Ordre politique et ordre social. Objectivisme, objectivation et analyse politique* / Eds. M. Grawitz, J. Leca // *Traité de science politique*. Paris: PUF, 1985. Т. 1.

³ Бурдьё П. Практический смысл. С. 101.

ствий мы даже можем «переходить от практики к практике, минуя дискурс и сознание»¹.

Пьер Бурдьё, таким образом, отчетливо различает две позиции: позицию наблюдателя, рефлектирующего и рассуждающего относительно действия, и позицию действующего агента, «охваченного стихией действия» во всей его неотложности. Действие для него подчиняется «нелогической логике»², а именно *практической логике*, в некотором роде «уловимой только в действии»³. Применение принципа практического отношения к практике приводит Пьера Бурдьё к анализу того, что он считает главным, а именно компетентности агентов, этого *практического чувства*, вписанного в тело и в движения тела и действующего лишь *в определенной ситуации*, при столкновении с практическими проблемами (идет ли речь о теннисисте во время матча, о рабочем у станка, о политическом деятеле на митинге или о философе на коллоквиуме). Являясь составной частью габитуса, практическое чувство позволяет агенту экономить рефлексии и энергию во время действия; практическое чувство — инструмент практической *экономи*.

Развиваемая Пьером Бурдьё социология действия — редкий случай, когда проявляется интерес к проблеме практической логики, но тем не менее вслед за Полем Ладриером⁴ и Аленом Кайе⁵ можно

¹ Бурдьё П. Практический смысл. С. 143.

² Там же. С. 167.

³ Там же. С. 180.

⁴ Ladrière J. La question du sens chez P. Bourdieu // Problèmes d'épistémologie en sciences sociales. 1983. № 1. P. 79.

⁵ Caillé A. Esquisse d'une critique de l'économie générale de la pratique // Cahiers du LASA (Université de Caen): Lectures de Pierre Bourdieu. 1988. № 8–9. P. 204–205.

задаться вопросом, не «перегибает» ли эта социология «палку» в другом отношении. Так, слишком прямолинейный анализ моделей рефлектирующего актора может привести к другой крайности, подмеченной американским социологом Гарольдом Гарфинкелем¹, а именно к тому, что социальные агенты будут восприниматься как «культурные идиоты» (*culturel dopes*). Противопоставляя исключительным и чересчур радикальным образом интеллектуальное и практическое отношение к практике, мы тем самым не принимаем в расчет, что рефлексивность (факт рефлексии относительно того, что мы делаем сейчас), если только она не берется как обязательный момент любого действия, не всегда исключена из практического поведения, даже когда она продиктована прагматической необходимостью. Таким образом, в социологии действия недостаточно отчетливо определяется место *прагматической рефлексивности*, т. е. более или менее существенных, срочно принимаемых ограничений в связи с той или иной ситуацией, которые оставляют больше или меньше места различным формам рефлексивности актора. Тем не менее Пьер Бурдьё иногда принимает в расчет этот аспект, в частности тогда, когда он рассматривает кризисные периоды. В этом случае рефлексивность актора оказывается отчетливо побуждаемой², поскольку «обычное урегулирование» перестает быть само собой разумеющимся.

Вопрос о протекании совершающегося действия был вновь поднят — на основе новых источников —

¹ Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. Englewoods Cliffs (N. J.): Prentice-Hall. 1967. P. 66–68.

² См., в частности: Bourdieu P. Réponses / en collaboration avec Wacquant L. Paris: Seuil, 1992. P. 107.

с помощью проблематики *ситуационного действия*, т. е. действия, совершающегося в ситуации, тонко прослеживаемой через цепочку эпизодов действия. К этим проблемам обратились в последние годы в Соединенных Штатах (см., например, исследования Люси Сухман¹), во Франции подобные же исследования были проведены Исаком Жозефом в отношении RATP (Автономное управление парижского городского транспорта)², а также Пьером Ливе и Лораном Тевено³.

2.5. Рефлексивная социология

Социология практики ставит перед нами не только вопрос о рефлексивности агента, но и вопрос о рефлексивности социолога. Ведь только посредством развития рефлексивности (обращающейся к Я и к собственной деятельности) социолог может избежать ошибок интеллектуализма, состоящих в том, что мы принимаем собственное мыслительное отношение к объекту анализа за отношение агента к его действию. Таким образом, способность социолога принимать во внимание отношение, в котором он состоит со своим объектом, является одним из средств повышения научного качества его труда. Отсюда вытекает и значение того, что Пьер Бурдьё называет *соучаствующей объективацией*, объек-

¹ Suchman L. Plans d'action / Eds. P. Pharo et L. Quéré // Les formes de l'action. Paris: EHESS, 1990.

² Joseph I. Attention distribuée et attention focalisée. Les protocoles de la coopération au PCC de la ligne A du RER // Sociologie du travail. 1994. № 4.

³ Livet P., Thévenot L. Les catégories de l'action collective / Ed. A. Orléan // Analyse économique des conventions. Paris: PUF, 1994.

тивацией (в данном случае имеется в виду научное познание) субъективного отношения социолога к своему объекту (его соучастие в анализируемом объекте), являющееся одним из условий научности его анализа¹. Социология Пьера Бурдьё представляет собой, таким образом, рефлексивную социологию, приглашающую социолога пройти через *само-социоанализ* (анализ своего отношения к объекту, которое может быть связано с местом, занимаемым социологом в интеллектуальном поле, с его собственным пройденным путем и т. д.) для того, чтобы сделать свое исследование более строгим в научном отношении. Такая рефлексивная ориентация имеет точки совпадения с некоторыми работами в области этнологии, например, с трудами Жерара Альтаба², в которых рассматривается участие исследователя в изучаемых им социальных связях и которые настаивают на том, чтобы в научный анализ включались также отношения анкетирующий/анкетируемый.

2.6. Ведущая роль объективных структур

Главенствующая роль, отводимая Пьером Бурдьё структурам (структурам в головах и телах, равно как и структурам в вещах и институтах), приводит его к недооценке значения взаимодействий «лицом-к-лицу» в процессе конструирования социальной реальности. По его мнению, взаимодействия «заслоняют структуры, которые в них реализуются»³, и пред-

¹ Bourdieu P. Sur l'objectivation participante // Actes de la recherche en sciences sociales. 1978. № 23.

² См.: Althabe G. Ethnologie du contemporain et enquête de terrain // Terrain. 1990. № 14.

³ Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть. С.187.

ставляют собой лишь «ситуационную актуализацию объективной связи»¹. Чаще всего они играют скорее пассивную, нежели активную роль в формировании социального мира. Подобная теоретическая установка приводит к тому, что Пьер Бурдьё уделяет мало внимания интеракциям, что в свою очередь способствует их исключению из анализа. Впрочем, он относительно редко прибегал к описанию ситуаций «лицом-к-лицу» (хотя в его исследовании, посвященном продавцам и покупателям жилья, мы имеем дело как раз с такой ситуацией²).

Приоритет, отдаваемый Пьером Бурдьё объективным аспектам реальности, заставляет его порой преувеличивать роль оппозиции видимость/реальность, что отдаляет его социологию от конструктивистских подходов. Это касается, например, его мысли относительно «биографической иллюзии», в которой Я внешне выглядит как «самая реальная реальность»³. Анализ социального конструирования реальности оказывается несколько ограничен этой оппозицией между подлинной (объективной) реальностью и реальностью ложной (субъективной), что препятствует диалектике субъективного и объективного. Более строгое следование конструктивистскому подходу скорее предполагает, как это происходит у Шюца (см. главу 3), рассмотрение «множественных реальностей», даже если согласиться с тем, что из многочисленных аспектов социальной реальности мы способны различить лишь более или

¹ Bourdieu P. Un contrat sous contrainte / avec collaboration de S. Bouhedja et C. Givry // Actes de la recherche en sciences sociales. 1990. № 81–82. P. 34.

² Ibid.

³ Ibid. P. 72.

менее устойчивые сегменты, в соответствии, например, с тремя критериями, предложенными Лораном Тевено¹: *область устойчивости* (в пространстве), *временная стабильность* и *степень объективации* (объекты и воплощающие их институты) этих реальностей.

* * *

Социология Пьера Бурдьё, которая представляет собой также результат коллективного труда руководимой им исследовательской группы, на сегодняшний день представляется одной из наиболее значительных во Франции всего послевоенного периода как в том, что касается развития теории, так и с точки зрения многообразия проводимых группой эмпирических исследований. Взаимоотношения социологии Пьера Бурдьё с конструктивистской проблематикой сложны: с одной стороны, его социология способствовала обогащению конструктивизма, с другой — она ограничивает его рамками объективных структур.

3. ВКЛАД КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ СТРУКТУРАЛИСТСКОГО КОНСТРУКТИВИЗМА

Можно утверждать, что многие авторы, благодаря их критическому анализу, внесли оригинальный вклад в развитие структуралистского конструктивизма, идет ли речь о Жане-Клоде Пасроне, как об одном из

¹ *Thévenot L. Les investissements de forme // Cahiers du Centre d'études de l'emploi. 1986. № 29.*

авторов первых работ, написанных в духе этого направления, которое в ту пору еще не получило своего наименования, или о Мишеле Добри, частично применявшем в своем творчестве схемы конструктивистского анализа.

3.1. Структуры доминирования и народные практики: вопросы Клода Гриньона и Жана-Клода Пасрона

Клод Гриньон является научным сотрудником Национального института агрономических исследований (INRA), Жан-Клод Пасрон — исследователь Высшей Школы социальных наук (EHESS) в Марселе. Оба эти социолога в совместной работе «Научное и популярное. Мизерабилизм и популизм в социологии и литературе»¹, исходя из своего собственного исследовательского опыта, поставили перед разными социологическими направлениями (и в частности, перед социологией Пьера Бурдьё) несколько вопросов, подвергая сомнению бытующие социологические трактовки народных культур. Жан-Клод Пасрон развивает свои методологические и теоретические размышления в духе нового подхода эпистемологической мысли к социальным наукам. В обобщенном виде он представил анализ этой проблематики в книге «Социологическое суждение»², где обосновал расхождение с более ранними своими трактовками, изложенными им в соавторстве с П. Бурдьё и Ж.-К. Шам-

¹ Grignon C., Passeron J.-C. Le Savant et le populaire. Misérabilisme et populisme en sociologie et en littérature. Paris: EHESS-Gallimard-Seuil, 1989.

² Passeron J.-C. Le Raisonnement sociologique. Paris: Nathan, 1991.

боредоном в работе «Ремесло социолога», в которой авторы стремились в большей степени сблизить социальные науки и науки о природе. Сегодня Ж.-К. Пасрон отчетливо различает социальные науки как *исторические*, чьи теоретические задачи всегда отчасти остаются связанными с различными специфическими контекстами, и науки *номологические* (устанавливающие общие законы независимо от контекстов).

Клод Гриньон и Жан-Клод Пасрон показывают, что исследования народных культур, как правило, колеблются между двумя полюсами. Во-первых, *популизм*, который, сакрализируя народные культуры как целостные, наделенные символической самодостаточностью (смысла), игнорируют те черты, которыми они обязаны существующим между классами отношениям доминирования и в которые эти культуры оказываются включены. Во-вторых, *легитимизм* (или господство-центризм), рассматривающим народные практики лишь в качестве подчиненных социально более легитимным доминирующим формам, как если бы деятельность доминируемых слоев постоянно соотносилась с деятельностью доминирующих слоев. В социальных науках популизм очень часто понимался как реабилитация народных культур, которым легитимизм зачастую отказывал в какой бы то ни было самобытности. Так, с точки зрения доминирующих норм, нелепо считать игру в шары культурной практикой, тогда как безусловно культурной практикой считается посещение концерта Моцарта. Таким образом, критика легитимизма заимствует у популизма особое отношение — совсем в веберовском духе — к «тому, что в культуре доминируемых функционирует еще как культура, т. е.

в качестве символического овладения социальным положением, независимо от отношений неравенства, которые она поддерживает с другими культурами»¹. Здесь ставится под сомнение легитимизм как *этноцентризм класса*, т. е. как суждение о продукции народных кругов исключительно с точки зрения господствующих критериев. Этот этноцентризм достигает своей кульминации в *классовом расизме* — настоящем *отрицании человеческого* (если критику расизма, принадлежащую Клоду Леви-Стросу, распространить на отношения между социальными группами внутри одного общества), исключая народные классы из человеческого универсума *культуры* и низводящем их до уровня *природы*, примером чего могут служить классические описания крестьян и рабочих с их дикостью и скотским образом жизни. Популизм же, напротив, игнорирует тот факт, что отношения господства довлеют над универсумами смысла, выработанными в народных группах, которые не являются «сущностями», т. е. целостностями, независимыми от остальных социальных отношений. Кроме того, популистским интеллектуалам с их эстетскими описаниями форм народной жизни, на которые они зачастую проецируют свои собственные художественно-интеллектуальные концепции, не всегда удается избежать классового этноцентризма. Клод Гриньон и Жан-Клод Пасрон делают акцент именно на *амбивалентности* народных практик относительно доминирующих структур.

Каков же вклад этих исследований в социологию Пьера Бурдьё? Социология символического господ-

¹ *Passeron J.-C. Le Raisonnement sociologique. P. 80.*

ства предстает у Клода Гриньона и Жана-Клода Пасрона лишь как *один аспект* исследований народных культур. По их мнению, было бы ошибочным представлять народную продукцию, как иногда это пытаются сделать Пьер Бурдьё, исключительно в ее связи с доминирующими культурными формами. Например, измерять деятельность представителей народных классов исключительно с помощью в принципе легитимистского инструмента, каковым является понятие *культурного капитала* (который предполагает владение культурно легитимными ресурсами, такими, например, как школьные дипломы, художественные вкусы и т. д.), означает представлять их лишь в негативном смысле, т. е. «в терминах неполноценности, ограниченности, исключения, лишений, отсутствия выбора, не-потребления и не-практик и т. д.»¹. В этом случае «остается лишь с сокрушенным видом перечислять все различия как лишения, а все инаковости — как недостаточность»². Таким образом, социология Пьера Бурдьё не всегда может избежать легитимистских ловушек, даже если его анализ оказывается иногда значительно более сложным. Так, в частности, при анализе народного языка социолог учитывает двоякость зависимости (относительно легитимных способов выражения) и автономии («утверждение языковой контр-легитимности»)³.

Клод Гриньон и Жан-Клод Пасрон, таким образом, призывают нас сохранять бдительность перед опасностью легитимистского и популистского укло-

¹ Ibid. P. 117.

² Ibid. P. 36–37.

³ Бурдьё П. Назначение «народа» // Бурдьё П. Начала / Пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994.

нов, угрожающей любой социологии народных практик. В более широком смысле они подчеркивают, что категория доминирования, хотя и очень важного с точки зрения его стремления к укреплению асимметричных отношений между индивидами, группами и сообществами, тем не менее не является все-сильной категорией, достаточной для исчерпывающего анализа социальных практик. Проведенные обоими авторами исследования соприкасаются с некоторыми другими социологическими трудами, например, с работами Франсуа де Сангли о множественности причин, по которым респонденты не отвечают на вопросы анкет и которые не сводятся только лишь к недостаточности легитимной культурной компетентности¹. Точно так же — в политической науке — некоторые установки К. Гриньона и Ж.-К. Пасрона совпадают с проведенным Жаном-Франсуа Байяром очень плодотворным исследованием африканских обществ, которые, согласно Байяру, могут быть поняты не только через механизмы зависимости, связывающие их с западными обществами, но также и на основании их собственной логики².

3.2. Пластичность структур: социология политических кризисов Мишеля Добри

Мишель Добри, профессор политологии в университете Париж X — Нантер, в своих работах продолжает развивать теоретические положения Пьера Бурдьё. Специфика основного объекта исследования (политические кризисы), а также попытка соеди-

¹ *Singly F. de. La gestion sociale des silences // Consommation. 1982. № 4.*

² *Bayart J.-F. L'Etat en Afrique. Paris: Fayard, 1989.*

нить концепты Пьера Бурдьё с другими более интеракционистскими — например, с позицией американского экономиста Томаса Шеллинга, изложенной им в работе «Стратегия конфликта»¹ Петера Бергера и Томаса Лукмана, а также Ирвинга Гофмана, — способствовали появлению на свет «Социологии политических кризисов»², написанной в духе конструктивизма, более взвешенного в том, что касается вопросов взаимодействий и отношений между социальными структурами. В нашей книге речь идет не о детальном разборе сложной концептуальной системы, привлекающей множество исторических примеров, а о том, чтобы просто выяснить, какие принципиальные изменения внес данный подход в развитие структуралистского конструктивизма.

Анализ политических кризисов часто ведется в рамках противопоставления социологии структур социологии действия. Так, для некоторых авторов «...критические обстоятельства отличаются от обстоятельств более рутинных одной специфической чертой, а именно, их “природой”. Так, обстоятельства первого типа предполагают анализ в терминах решения, выбора или, в более общем виде, намеренного действия акторов в кризисе, идет ли речь об индивидах или о группах, тогда как об обстоятельствах второго типа лучше судить на основе подходов, позволяющих выявлять их структуры <...> и использующих детерминистские схемы анализа»³. Однако такая

¹ *Schelling T.* La Stratégie du conflit. Paris: PUF, 1986.

² *Dobry M.* Sociologie des crises politiques. La Dynamique des mobilisations multisectorielles. Paris: Presses de la FNSP, 1986.

³ *Dobry M.* Logique de la fluidité politique / Ed. F. Chazel. Action collective et mouvements sociaux. Paris: PUF, 1993. P. 177.

точка зрения препятствует, с одной стороны, пониманию того, какое давление оказывают социальные структуры в кризисные периоды, а с другой стороны, она не позволяет обнаружить *уязвимость* социальных структур, действующих в более рутинных обстоятельствах.

Социальные структуры понимаются Мишелем Добри — в русле теории Пьера Бурдьё — с точки зрения одновременно автономных социальных секторов и габитуса. В том, что касается *секторов*, то именно «существование в большинстве современных социальных систем множества различаемых сфер или полей, неизбежно переплетенных между собой и одновременно в большей или меньшей степени автономных относительно друг друга, и составляет главный структурный факт для постижения процессов политического кризиса, который может возникнуть в этих системах»¹. Но эти сложные социальные системы характеризуются определенной пластичностью, т. е. чувствительностью по отношению к ударам, которыми обмениваются акторы, и к процессам коллективной мобилизации, вследствие чего и возникает сама возможность кризисных обстоятельств. В том, что касается *габитуса*, Мишель Добри, в отличие от определения, данного Пьером Бурдьё, большее значение придает как обстоятельствам, так и ситуациям «лицом-к-лицу». С точки зрения Мишеля Добри, «в столкновениях между габитусами и ситуациями игра габитусов не является обязательно одинаковой»². Это приводит его к идее о том, что «степень детерминированности, с которой габитус опре-

¹ Dobry M. Sociologie des crises politiques. P. 97.

² Ibid. P. 244.

деляет поведения и представления, различна в зависимости от социальных контекстов»¹.

В этом случае кризисные обстоятельства предстаются одновременно как *изменения состояний* сложных социальных систем и как *многосекторные мобилизации*, т. е. мобилизации, разворачивающиеся одновременно во многих социальных секторах. Политические кризисы характеризуются *политической текучестью*, имеющей различные составляющие, как-то: *ситуационная десекторизация социального пространства* (снижение прочности границ между секторами), *структурная неустойчивость* (исчезновение или смещение привычных реперов в политическом расчете) и *процессы деобъективации* (утрата объективизации ранее устойчивых аспектов социальной реальности). Такой тип анализа уделяет особое внимание интерпретациям, тактической деятельности, расчетам, предвосхищениям и обмену ударами между акторами, разворачивающимся на *аренах*, т. е. в местах непосредственной интеракции (поскольку сектор включает в себя несколько арен). Таким образом, Мишеля Добри интересуют многочисленные способы расчета, которые используют акторы, включенные в различные контексты. Он уточняет «когда они рассчитывают»², намекая тем самым на новый аспект, на который до настоящего момента он мало обращал внимания, а именно на ситуации, в которых поведение акторов не может осмысляться в терминах расчета (см. о категории *agapè* или любви у Люка Болтански, гл. 5). Более того, Мишель Добри продолжает развивать свой анализ, подвергая

¹ Ibid. P. 247.

² Dobry M. Logique de la fluidité politique. P. 182.

критике распространенную форму эволюционизма, которую можно встретить, в частности, у историков, а именно осмысление процесса коллективного действия на основе его результата и, соответственно, механического проведения прямой линии между наблюдаемыми результатами и предполагаемыми причинами, без учета наиболее сложных и неустойчивых аспектов действия в ходе его осуществления¹.

До недавнего времени оригинальная попытка интерпретации микро- и макро-, предложенная Мишелем Добри, развивалась, главным образом, в теоретическом виде. Среди первых попыток эмпирической разработки этой темы, помимо известного влияния, которое эта теория оказала на работы французских авторов, посвященные коллективному действию, укажем на анализ политического кризиса в мае 1877 года, проведенный Вилли Пеллетье².

4. ТЕОРИЯ СТРУКТУРАЦИИ ЭНТОНИ ГИДДЕНСА

Английский исследователь Энтони Гидденс является в настоящее время профессором социологии Кембриджского университета. Его работы получили широкое признание в Соединенных Штатах в начале 1970-х годов, во Франции они стали известны намно-

¹ *Dobry M.* Février 1934 et la découverte de l'allergie de la société française à la Révolution fasciste // *Revue française de sociologie.* 1989. № 3–4.

² *Pelletier W.* La crise de mai 1877 / Eds. B. Lacroix, J. Lagroye. Le Président de la République. Paris: Presses de la FNSP, 1992.

го позднее: в 1987 г. вышел перевод его книги «Становление общества. Элементы теории структуриации»¹. Творчество Энтони Гидденса — в отличие от творчества Норберта Элиаса или Пьера Бурдьё — носит преимущественно теоретический характер. В рамках своей теории структуриации, некоторых аспектов которой мы коснемся ниже, Энтони Гидденс попытался совместить социологию социальных структур и социологию действия. Понятие *структуриации* направлено прежде всего на осмысление социальных структур с точки зрения *движения*. Э. Гидденс определяет структуриацию как «процесс социальных отношений, которые структурируются во времени и в пространстве через дуальность структурного»².

4.1. Дуальность структурного

Понятие дуальности структурного может быть выражено различными способами. Прежде всего, можно сказать, что «структурные особенности социальных систем являются одновременно условиями и результатами действий, которые совершают агенты, будучи частью этих систем»³. Речь идет о принципе взаимообусловленности конструирования социального мира, при котором его структурирующие измерения помещаются одновременно *перед* действием в качестве его условий и *после* действия в качестве его результатов. Эти структурирующие аспекты, при помощи которых исследователь пытается осмыслить, каким образом «социальные изменения стабилизиру-

¹ Giddens A. La Constitution de la société. Éléments de la théorie de la structuration. Paris: PUF, 1984.

² Ibid. P. 444.

³ Ibid. P. 15.

ются во времени и в пространстве»¹, отличаются, следовательно, от действия агента, помещенного *здесь и сейчас*, но в то же время они «не существуют вне действия»². Являясь *абстрактным* инструментом, созданным социологом для осмысления того, что, сделавшись устойчивым, не изобретается вновь при каждом новом взаимодействии, структура тем не менее обладает *эмпирически* осязаемой реальностью, только будучи *актуализированной* в действии и взаимодействии.

Но на понятие «дуальности структурного» можно взглянуть и с точки зрения того, что «структурное всегда является одновременно ограничивающим и наделяющим правами»³ и что, следовательно, оно связано с понятиями *ограничения* и *компетентности*. Например, обучение родному языку ограничивает способы нашего самовыражения и, следовательно, ограничивает наши возможности познания и действия, но в то же время наделяет нас умением, делает возможным целый комплекс действий и обменов.

4.2. Компетентность акторов: практическое и дискурсивное сознание

Теория структуризации, включая в себя социологию действия, предполагает, таким образом, социально компетентных акторов, поскольку компетентность понимается как «все то, что акторы знают (или во что они верят), в негласной или дискурсивной форме, по поводу обстоятельств их собственного действия или

¹ Giddens A. La Constitution de la société. Éléments de la théorie de la structuration. Paris: PUF, 1984. P. 42.

² Ibid. P. 442.

³ Ibid. P. 226.

действий других, все то, что они используют в производстве и воспроизводстве действия»¹. Эта компетентность подчеркивает, в частности, *рефлексивную способность* акторов, «постоянно вовлеченных в поток повседневных действий», т. е. их «способность понимать то, что они делают по ходу действия»². Но поскольку эта «рефлексивность лишь отчасти действует на дискурсивном уровне»³, то в рамках человеческой компетентности Энтони Гидденс вынужден различать сознание дискурсивное и сознание практическое. *Дискурсивное сознание* отсылает нас ко «всему тому, что акторы могут выразить вербальным образом (устно или письменно)»⁴, т. е. к тому, к чему обычно сводится понятие сознания. *Практическое сознание* — понятие более оригинальное — направлено на то, «что акторы знают неявным образом, все то, что они умеют делать в социальной жизни, не будучи в состоянии выразить это дискурсивным образом», практическое сознание отчасти связано с понятием *рутины*⁵. Границы между двумя этими видами сознания подвижны и изменчивы. Ссылаясь на теорию психоанализа Зигмунда Фрейда (1856–1939), Энтони Гидденс замечает, что «между дискурсивным сознанием и бессознательным существуют барьеры, в частности, вытеснение»⁶, поскольку *бессознательное* включает в себя «формы постижения и побуждения, которые оказываются полностью вытесненными или предстают в сознании

¹ Ibid. P. 440.

² Ibid. P. 33.

³ Ibid. P. 33.

⁴ Ibid. P. 440.

⁵ Ibid. P. 33.

⁶ Ibid. P. 55.

в уже деформированном виде»¹. Бессознательное конституирует одну из *границ* компетентности человеческих акторов.

Фактор человеческой компетентности, пусть даже ограниченной, приводит Энтони Гидденса к мысли о гибком характере связи между обыденным и научным познанием социального мира: «Никакая отчетливая демаркационная линия не отделяет “обычных” акторов от специалистов с их социологической рефлексией, зафиксированной на письме. Конечно же, демаркационные линии *существуют*, но они неизбежно оказываются подвижными»². С другой стороны, рассматривая такую негерметичность в динамике, он замечает, что теории социальных наук «в большей или меньшей степени пересекаются с “пользовательскими” теориями акторов»³. Это не означает, что акторы и исследователи используют одни и те же критерии анализа. Энтони Гидденс говорит о «критериях правдоподобия», которые используются акторами для осознания того, что они делают, а также о «критериях достоверности», к которым прибегают исследователи в социальных науках для того, чтобы подтвердить результаты своих работ или судить о результатах других⁴. В ходе дальнейшего развития и углубления данного подхода в анализ были включены одновременно сходства и различия, непрерывность и прерывность, а также взаимодействия в процессе взаимного обогащения (акторов — исследователями, а исследователей — акторами) соци-

¹ Giddens A. La Constitution de la société. Éléments de la théorie de la structuration. Paris: PUF, 1984. P. 53.

² Ibid. P. 43.

³ Ibid. P. 44.

⁴ Ibid. P. 404–405.

альными знаниями как акторов, так и исследователей в области социальных наук¹.

4.3. Непреднамеренные последствия действия

Согласно Энтони Гидденсу, «свойства социальных систем, структурированные в пространстве и во времени, выходят далеко за рамки контроля, который способен осуществить каждый актор»². Поэтому *непреднамеренные последствия действия* представляют собой один из основных видов ограничения компетентности социальных акторов.

Вместе с этим рассуждением Энтони Гидденс вводит в свою теорию структуриации понятие, являющееся классическим для социологии, начиная с функционализма Роберта Мертона с его «непреднамеренными последствиями целенаправленного социального действия», вплоть до методологического индивидуализма Раймона Будона и его «искаженных последствий». О чем идет речь? «В ходе действия постоянно проявляются последствия, не желаемые акторами, и наоборот, эти непреднамеренные последствия могут стать неосознанными условиями последующих действий»³. Таким образом, Энтони Гидденс предлагает подлинную диалектику преднамеренного и непреднамеренного, поскольку преднамеренное (интенция того или иного актора, совершающего то или иное действие) помещено в сложную череду эпизодов, которые ускользают от актора и уводят действие

¹ См.: Corcuff P. *Éléments d'épistémologie ordinaire du syndicalisme* // *Revue française de science politique*. 1991. № 4.

² Giddens A. *La Constitution de la société*. P. 75.

³ Ibid. P. 76.

гораздо дальше его намерений. Энтони Гидденс иллюстрирует это положение следующим примером: актер, вернувшись домой, зажег свет в квартире, чем спугнул находящегося там вора; последний, бросившись бежать, оказывается пойманным полицией и попадает в тюрьму. В данной ситуации намерением актера было осветить комнату. Понятие непреднамеренных последствий действия пытается, таким образом, ответить на следующий вопрос: «каким образом столь банальное действие, как включение света, могло развязать цепь событий, оказавшихся столь отдаленных в пространственно-временном отношении от действия по включению света?»¹. Таким образом, понятие непреднамеренных последствий становится *посредником* и даже своего рода *проводником* повседневных действий и взаимодействий в направлении более протяженных — в пространстве и времени — пространства, причем таким образом, что, в отличие от категории взаимозависимости Норберта Элиаса, оно позволяет понять действия, не вставая на точку зрения целого.

4.4. Критика эволюционизма

Энтони Гидденс придает большое значение истории и временному измерению социального действия, но в то же время он занимает весьма критическую позицию относительно эволюционизма, т. е. «тенденции связывать темпоральность с линейным следованием и рассматривать историю таким образом, как если бы она была вовлечена в движение, направленность которого носит вполне осязаемый характер»². Одной

¹ Giddens A. La Constitution de la société. P. 59.

² Ibid. P. 38.

из опасностей эволюционизма является то, что Гидденс называет «линейной схематизацией», в соответствии с которой движения, свойственные человеческим сообществам, выстраиваются в единую эволюционную линию. Такая направленность истории чаще всего является лишь обобщением одного специфического аспекта истории, которое приводит в результате к смещению «общей эволюции с эволюцией специфической»¹. В этих рассуждениях мы находим точки совпадения с попытками Раймона Будона восстановить роль случая и хаоса, поставив под сомнение претендующие на универсализм теории изменения, развития или модернизации².

В некоторых своих аспектах критика Энтони Гидденса смыкается с еще более радикальной и более последовательной критикой теорий эволюционизма, характерной для философа и историка Мишеля Фуко (1926–1984), во многом опиравшегося, в свою очередь, на творчество философа Фридриха Ницше (1844–1900). В противовес «линейным концепциям развития», подразумевающим «сведение воедино, во вполне замкнутой на себя тотальности, покоренного наконец разнообразия времени», Мишель Фуко стремится восстановить значимость прерывного, ошибочного, гетерогенного, единичного и случайного, т. е. «расцепить и развести по сторонам все нетождественные признаки»³.

¹ Ibid. P. 299.

² См.: Будон Р. Место беспорядка. Критика теорий социального изменения / Пер. с фр. М. М. Кириченко. Научный редактор М.Ф. Черныш. М.: Аспект Пресс, 1998.

³ Фуко М. Ницше, генеалогия, история // Ступени. 2000. № 1 (11). С. 107.

4.5. Система, социальная и системная интеграция, или микро-, поглощенное макро-

Развивая свою теорию, Энтони Гидденс подошел к критике классической функционалистской социологии и, в частности, понятия *функции*¹. По его мнению, функционалистские теории, с их метафорой биологического толка, идентифицирующей социальную систему с человеческим телом, оснащенным природными функциями, игнорируют компетентность и преднамеренную деятельность акторов, наделяя саму социальную систему самодостаточной логикой и рациональностью. При этом они полагают, что «проблема решена», хотя «она еще только сформулирована»². Во всяком случае, Энтони Гидденс не оставляет попыток осмыслить части социального ансамбля через соотнесение их с целым при помощи понятий «социальной системы», «системной интеграции» и «социальной интеграции». *Социальная система* определяется как «располагающееся в пространстве-времени формирование упорядоченных моделей социальных отношений, понимаемых как воспроизведенные практики»³. Таким образом, целью является стабилизированная целостность, даже если уточняется, что социальные системы «в редких случаях обладают внутренним единством, характерным для многих физических и биологических систем»⁴. *Социальная интеграция* означает целостность, свойственную ситуациям взаимодействия, выражающую «обобщенность акторов в условиях

¹ Giddens A. La Constitution de la société P. 356–361.

² Ibid. P. 360.

³ Ibid. P. 444.

⁴ Ibid.

со-присутствия»¹. *Системная интеграция* расширяет сферу своего действия, «выражая обоюдность акторов и объединений в протяженном пространстве-времени, вне условий со-присутствия»². Гидденс полагает, что благодаря этим понятиям ему удастся «преодолеть» различие между микро- и макро-. Однако его концептуальные схемы скорее отражают противоречие между тем вниманием, которое он уделяет повседневной деятельности акторов, и стремлением осмыслить эту деятельность в связи с *целым*, с которым нельзя не считаться. Здесь мы вновь сталкиваемся с трудностями взвешенного осмысления процессов *взаимопорождения частей и целого*.

* * *

Итак, в творчестве Гидденса мы находим новую теоретическую попытку преодоления классических оппозиций в социальных науках, но нам представляется, что предложенные им решения далеко не полностью отвечают на поставленные вопросы. В такой *эмпирико-теоретической* науке, как социология, поставленные проблемы, несомненно, не могут быть разрешены одним лишь теоретическим путем. Хотя во Франции работы Гидденса были приняты достаточно благожелательно, они не получили широкого применения непосредственно в эмпирических исследованиях. Тем не менее Жан-Франсуа Байар использовал их при анализе политической социологии Африки³.

¹ Ibid. P. 442.

² Ibid.

³ Bayart J.-F. L'État en Afrique. Paris: Fayard, 1989.

ОТ ИНТЕРАКЦИЙ К СОЦИАЛЬНЫМ СТРУКТУРАМ

Наше путешествие в мир *конструктивизма* мы продолжим вместе с авторами, которые, если и исходят в своих рассуждениях из индивидов и их взаимодействий, тем не менее учитывают более широкие общности, нежели сами индивиды и их встречи «лицом к лицу» (институты, организации, связи, нормы, и т. д.), выступающие в этом случае в качестве ограничителей по отношению к повседневной деятельности по конструированию социального мира. Некоторые из этих авторов начали развивать свои идеи уже в 1960-е годы в Соединенных Штатах (Петер Бергер и Томас Лукман, Аарон Сикурел), другие заявили о себе позднее (Мишель Каллон, Бруно Латур, Джон Эльстер). Всех их объединяет тот интерес, который был проявлен к ним во Франции в 80-е — начале 90-х годов, когда «качественные» методы и «интеракционистские» ориентации в социологии приобрели широкую популярность. В данной книге мы остановимся лишь на тех работах, в которых предпринимались попытки преодолеть сугубо микросоциологический

уровень анализа и избежать традиционных оппозиций. Поскольку эта тема является для нас главной, вне нашего внимания остается многое из того «нового», что появилось во французской социологии в эти годы.

1. «СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ» ПЕТЕРА БЕРГЕРА И ТОМАСА ЛУКМАНА

Петер Бергер и Томас Лукман преподают социологию, первый — в Соединенных Штатах, второй — в Германии. Их книга «Социальное конструирование реальности», имеющая подзаголовок «Трактат по социологии знания», впервые была опубликована в Соединенных Штатах в 1966 г., затем она неоднократно переиздавалась в карманном формате, превратившись в настоящее справочное издание. Однако французский читатель смог познакомиться с этой работой лишь в 1986 г. Французское издание было снабжено весьма импрессионистским и субъективистским предисловием Мишеля Мафезоли, которое несколько затемняло смысл книги. Петер Бергер и Томас Лукман в США были учениками Альфреда Шюца — классика социальных наук, родоначальника «феноменологической социологии», который был заново открыт также и во Франции в 1980-е годы¹.

¹ См. сборник избранных трудов: *Alfred Schütz. Le Chercheur et le quotidien*. Paris.: Méridiens-Klincksieck, 1987.

1.1. Феноменологический конструктивизм: вклад Альфреда Шюца

В отличие от провозглашенного Пьером Бурдьей *структуралистского конструктивизма*, имена Петера Бергера и Томаса Лукмана связывают с *феноменологическим конструктивизмом*, который исходит из индивидов и их взаимодействий. Влияние, которое оказал на взгляды этих социологов Альфред Шюц (см. текст в рамке), весьма существенно. Особенно заметно оно обнаруживает себя во введении («Проблема социологии знания»), а также, в значительной степени, в первой главе книги («Основы знания повседневной жизни»).

Во введении Петер Бергер и Томас Лукман расширяют рамки *социологии знания*, которая до сих пор слишком ограничивалась вопросами теоретического знания, и распространяют ее на обыденное знание и тем самым на совокупность процессов социального конструирования реальности. Руководствуясь идеями Шюца, они исходят из *знания в повседневной жизни* и его реализации в *ситуациях «лицом-к-лицу»*. С этой точки зрения, «...реальность повседневной жизни содержит схемы типизации, на языке которых возможно понимание других и общение с ними в ситуациях “лицом-к-лицу”. Так я воспринимаю другого как “мужчину”, “европейца”, “покупателя”, “живой тип” и т. д.»¹. Эти взаимные *типизации* между акторами «...являются частью непрерывных “переговоров” в ситуации “лицом-к-лицу”. В повседневной жизни такие “переговоры”,

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Academia—Центр, 1995. С. 55.

вероятно, должны быть упорядочены в определенной типичности как процесс типичной сделки между покупателями и продавцами»¹.

Феноменологическая социология Альфреда Шюца

Социология Альфреда Шюца, австрийца по происхождению, находится на пересечении социологической традиции, идущей от Вебера, и традиции феноменологической философии Эдмунда Гуссерля (1859–1938)². Эмигрировав в 1939 г. в США, Альфред Шюц заинтересовался — в связи с изучением вопросов, связанных с *действием*, — традицией прагматизма в американской философии (Джон Дьюи, Уильям Джеймс, Джорж Герберт Мид³), равно как и господствующей в то время социологией Толкотта Парсонса (1902–1979). Среди наиболее значительных в теоретическом и методологическом отношениях достижений Шюца можно выделить следующие:

— Для Шюца «мыслительные объекты, сконструированные исследователями в социальных науках, основываются на мыслительных объектах, сконструированных обыденным мышлением человека, который ведет повседневную жизнь среди себе подобных и который соотносит с ними свои действия. Таким образом, конструкции, используемые

¹ Там же. С. 56.

² См.: *Isambert F.-A. Alfred Schütz entre Weber et Husserl // Revue française de sociologie. 1989. № 2; Depaz N. L'ethnologue, un phénoménologue qui s'ignore? L'apport de la phénoménologie aux sciences sociales // Genèses. 1993. № 10.*

³ О «прагматическом повороте» в феноменологической социологии Шюца см.: *Cefan D. Type, typicalité, typification. La perspective phénoménologique / Eds. B. Fradin et al. // L'Enquête sur les catégories. Paris: Éditions de l'EHESS, 1994.*

исследователем в социальных науках, являются, так сказать, *конструкциями второго порядка*, конструкциями конструкций, возведенных на социальной сцене акторами, чье поведение исследователь наблюдает и пытается объяснить, следуя правилам научного метода»¹.

— В основе научного знания социального мира лежит, таким образом, обыденное знание: «Всякая интерпретация этого мира основана на *накоплениях предшествующего опыта* — нашего собственного или опыта, переданного нам родителями или учителями; этот опыт в форме “наличных знаний” функционирует в качестве установочных схем»¹ в рамках *запаса наличных знаний*.

— Это обыденное знание обнаруживает себя через свою *типичность*: «Все то, что накапливается как опыт во время восприятия объекта, переносится <...> на любой другой сходный объект, воспринимаемый только через соотнесение его со своим типом»². Таким образом, акторы именно с помощью *языка*, унаследованного ими от предшествующих поколений, осуществляют деятельность по *типологизации* социального мира («Когда я опускаю письмо в почтовый ящик, я ожидаю, что неизвестные мне люди, именуемые почтовыми служащими, будут действовать типичным образом, впрочем, частично закрытым для меня, в результате чего мое письмо достигнет своего адресата за типично разумный отрезок времени»³).

¹ Schütz A. Sens commun et interprétation scientifique de l'action humaine // Le Chercheur et le quotidien. P. 11.

¹ Ibid. P. 12.

² Ibid. P. 13.

³ Ibid. P. 24.

— Мир, на который направлено повседневное знание, одновременно предстает в качестве мира *интерсубъективного и культурного*, поскольку это не только мой мир, но и мир всех прочих людей, в том числе и тех, кто жил до меня, а также и потому, что он создан значениями, «осаженными» на протяжении истории человеческих обществ[¶].

— Ни в том, что касается акторов, ни в том, что касается социального мира, в котором они принимают участие, мы не находим однородности: 1) запас наличных знаний различен для каждого актора: существует «социальное распределение знаний», связанное с *биографически детерминированной ситуацией* каждого^{*}; 2) мир повседневной жизни структурирован на «различные слои реальности», на *множественные реальности*[‡].

— Центральное понятие *действия* рассматривается Шюцем «в смысле человеческого поведения, заранее предусмотренного его актором, т. е. поведения, основанного на предполагаемом проекте»[¶]. С категорией проекта, ориентированного в будущее, связаны понятия *сознания и мотивов*.

— Наконец, Шюц различает научное знание социального мира, свойственное социологии, и повседневное знание, на которое оно опирается. Наблюдающий социальный мир ученый, работающий в области социальных наук, руководствуется *иной системой соответствий*, отличной от системы соответствий

[¶]Ibid. P. 15–17.

^{*} Ibid. P. 14–15, 20–21.

[‡] Schütz A. Sur les réalités multiples // Le Chercheur et le quotidien.

[¶] Schütz A. Sens commun // Le Chercheur et le quotidien. P. 26–29.

актора, который непосредственно участвует в действии (то, что является правильным для одного, не обязательно является таковым для другого); ученый, который стремится *познавать*, а не *действовать* в наблюдаемой ситуации, вынужден встать над ситуацией, а для этого использовать запас наличных знаний данной научной дисциплины (с ее сводом правил проведения исследования, методов, техник, концептов и моделей)*.

В заключение этого краткого обзора следует высказать несколько критических замечаний в адрес феноменологической социологии Шюца. В частности, можно отметить, что излишняя сфокусированность внимания на индивидуальном акторе, его сознании и проектах в интерпретации социального мира грозит тем, что все поле социальных наук может быть сведено к конструкции второго порядка.

1.2. Общество как объективная и субъективная реальность

По мнению Питера Бергера и Томаса Лукмана, «общество — человеческий продукт. Общество — объективная реальность. Человек — социальный продукт»¹. Отсюда — дополнительные подзаголовки второй («Общество как объективная реальность») и третьей («Общество как субъективная реальность») глав рассматриваемой книги. Питер Бергер и Томас Лукман дают наиболее полные формулировки *конструктивистской программы социальных наук*,

* Schütz A. Sens commun. P. 42–54.

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. С. 102.

опираясь, помимо Шюца, на столь различных авторов, как Маркс, Дюркгейм, Зиммель, Вебер, Мид, Сартр, Парсонс, Гофман.

С точки зрения П. Бергера и Т. Лукмана, общество предстает прежде всего в качестве *объективной реальности*, т. е. реальности, *экстериоризированной* (освобожденной от продуцирующих ее акторов) и *объективированной* (конституированной мирами объектов, отделенных от субъектов). Именно этот двойной процесс экстериоризации и объективации, поскольку он опирается на обыденное типологизирующее знание и на взаимодействия «лицом-к-лицу», питает процесс *институционализации* в широком смысле: «Институционализация имеет место везде, где осуществляется взаимная типизация опривыченных действий деятелями любого рода. <...> Следует подчеркнуть взаимность институциональных типизаций и типичность не только действий, но и деятелей в институтах. <...> Сам институт типизирует как индивидуальных деятелей, так и индивидуальные действия. <...> Например, правовой институт устанавливает правило, согласно которому головы будут рубить особым способом в особых обстоятельствах и делать это будут определенные типы (скажем, палачи, представители нечистой касты, девственники определенного возраста или те, кто назначен жрецами)»¹. В этом случае в ходе *истории* при помощи феноменов *кристаллизации* типизаций и привычек, а также *осаждения* во времени (в частности, *общих запасов знаний* и, следовательно, *языка*, который называет реальность, но не только) институты обретают определенную прочность и стабиль-

¹ Там же. С. 92.

ность. С другой стороны, в процессе развития разделения труда институты вынуждены *специализироваться*, и сами акторы, вследствие (и в рамках) развития каждого института, играют различные социальные *роли*¹. Следовательно, институциональные универсумы для большей прочности требуют *легитимаций* когнитивного и, одновременно, нормативного характера, иными словами, символических форм, которые позволяют их познание (практическое и теоретическое) и наделяют их ценностью². Институционализация, тем не менее, не является необратимой, из чего проистекает возможность существования форм *дезинституционализации*.

Подобная конструктивистская интерпретация социальной реальности противостоит, следовательно, системно-функционалистским моделям (построенным в терминах «система», «функции», «интеграция») в том смысле, что «интеграция основана не на институтах, но на их легитимации»³ и, следовательно, в рамках институтов или между институтами одного общества не существует «функциональности» или «системной» целостности *a priori* внутри индивидов или между институтами одного и того же общества, но есть символический труд по наделению их связностью⁴. С другой стороны, тот факт, что Петер Бергер и Томас Лукман настаивают на сконструированной объективности социального мира, отличает их теорию от более субъективистских подходов (каковым, например, является подход Поля Вацлавика), по сравнению с которыми, как заметил сам

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. С. 126

² Там же. С. 153.

³ Там же. С. 297.

⁴ Там же. С. 108.

Томас Лукман, «мы с Бергером почти материалисты»¹.

Для обоих авторов общество является также и *субъективной реальностью*, т. е. реальностью, *интериоризированной* через социализацию. Эта социализация определяется как «всестороннее и последовательное вхождение индивида в объективный мир общества или в отдельную его часть», причем *первичная социализация* происходит на протяжении всего детства, следовательно, она является более важной, тогда как *вторичная социализация* осуществляется в рамках последующего обучения². Социализация, таким образом, характеризуется, как и институционализация, *двойным процессом сохранения и изменения*. Одним из векторов социализации является «речевой аппарат»: «постоянно удерживая реальность, он все время ее модифицирует. Одни предметы выпадают, другие добавляются, одни сектора реальности <...> ослабевают за счет усиления других»³. Наконец, в проведенном Бергером и Лукманом анализе подчеркивается — в отношении как объективного, так и субъективного мира — разнообразие как характеристика наших современных контекстов, *плюрализм реальностей и идентичностей*⁴.

* * *

Теоретическая программа, предложенная Петером Бергером и Томасом Лукманом, вызывает в со-

¹ Un entretien avec Thomas Luckman par J. Ferreux // Société. 1988. № 21. P. 39–42.

² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. С. 213.

³ Там же. С. 248–249.

⁴ Там же. С. 279.

циальных науках не только интерес, но и критику. В этой связи в первую очередь можно назвать работы Марка Грановеттера и Ричарда Сведберга по экономической социологии, а также исследование по социализации Клода Дюбара. Некоторые критики упрекают Бергера и Лукмана в том, что они «поместили в основание всякой объективации межличностные отношения»¹, а также в том, что, причисляя себя к сторонникам социологии знания, они забывают о том, что предмет социологии «простирается далеко за рамки культуры здравого смысла» акторов². Здесь мы видим те же ограничения, которые характерны и для Шюца. Однако можно задаться вопросом, не выходят ли в конечном итоге исследования Бергера и Лукмана и, особенно, их анализ способов объективации и институционализации за рамки социологии знания, даже в ее расширительном толковании как конструкции второго порядка?

2. КОГНИТИВНАЯ СОЦИОЛОГИЯ ААРОНА СИКУРЕЛА

Аарон Сикурел (родившийся в 1928 году) является профессором социологии кафедры когнитивной науки Калифорнийского университета (Сан-Диего). Как и Гарольд Гарфинкель (родившийся в 1917 году), вместе с которым он стал родоначальником течения, называемого в американской социологии эт-

¹ *Dobry M.* Apport de l'école néo-phénoménologique / Ed. G. Dupart // *Analyse de l'idéologie*. Vol. 2. Paris: Galilée. 1983. P. 104.

² *Rubinstein D.* Marx and Wittgenstein. London: Routledge and Kegan Paul, 1981. P. 84–85.

нометодологией и ставшего предметом широкого обсуждения во Франции в 80-е годы, Сикурел был учеником Шюца. Его многообразное творчество охватывает все области — методологическую, теоретическую и эмпирическую (в частности, исследования в области детской преступности, школ, госпиталей). Рассматривая этнометодологическое направление, мы остановимся лишь на некоторых исследованиях Сикурела, поскольку в целом он оставался далек от преодоления интеракционистского подхода и установления новых форм связи с макросоциальными аспектами реальности.

2.1. Исходный пункт этнометодологии

Гарольд Гарфинкель был также учеником Талкотта Парсонса, который стремился связать системно-функционалистскую макросоциологию, сосредоточенную на стабильности социального порядка, с теорией действия, сконцентрированной на мотивациях акторов. Однако Гарфинкель попытался решить эти проблемы по-иному. В 1967 г. вышла его книга «Исследования по этнометодологии»¹, которая, как принято считать, положила начало науке этнометодологии.

В слове *этнометодология* «этно» означает, что член общества обладает обыденным знанием своего общества, а «методология» имеет в виду применение таким членом общества обыденных для данного общества методов. Использование шюцианской категории *знания, идущего от здравого смысла*, как и

¹ Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. Englewoods Cliffs (N. J.): Prentice-Hall, 1967.

парсоновского понятия *члена общества* (не индивида, не актора и не агента), обладающего *компетентностью*, в частности владеющего языком данного сообщества, очевидным образом показывает, что в данном случае сохраняется внимание к стабильности социального порядка и что вполне возможно установление связей с макросоциальными аспектами. Однако, в отличие от Парсонса, исследования Гарфинкеля направлены, главным образом, на практическое действие, обыденные взаимодействия и методы практического суждения, поскольку, как указывает Луи Кере, Гарфинкель полагает, что «порядок, закономерность, соответствия, выраженные в социальных феноменах, являются результатом интерактивных операций, осуществленных в *ситуации*»¹. Поэтому «объективная реальность социальных фактов» в противовес «известным утверждениям Дюркгейма» мыслится как «постоянная работа по согласованию текущей жизни»².

Этнометодологические исследования рассматривают «повседневные виды деятельности в качестве методов, используемых членами общества для того, чтобы сделать эти виды деятельности отчетливо-рациональными и соотносимыми со всеми практическими целями, т. е. поддающимися описанию (*accountable*) как организации этих обыденных видов деятельности. Рефлексивность данного феномена является специфической чертой этих практических действий, практических обстоятельств, знания социальных структур, идущего от здравого смысла,

¹ Quéré L. L'impératif de description, réponse aux critiques de Michel Freitag // Revue du MAUSS, 1989. № 4. P. 68.

² Garfinkel H. Op. cit. P.VII.

практического социологического суждения»¹. Конечно, по мнению Гарфинкеля, члены общества не проводят все свое время в производстве *accounts* (отчетов) относительно того, что они делают, однако он настаивает на *accountability* социальных феноменов, т. е. на их свойстве быть доступными для рефлексии и тематизации этими членами общества. В результате такой подход к социальным процессам уберегает нас от одной крайности, замечательно определенной Гарфинкелем, а именно рассматривать акторов как «культурных идиотов» (*cultural dops*), крайне конформистски настроенных по отношению к предустановленным и слабо осмысляемым социальным нормам. Однако нам угрожает другая крайность, на этот раз интеллектуалистского толка, которая была описана социологией практики Пьера Бурдьё. Если рефлексивность членов общества не может быть *a priori* элиминирована из их практического поведения, то этот вовсе не значит, что только исходя из этой рефлексивности, практическое поведение членов общества может быть осмыслено. Таким образом, совмещение проблем, поставленных П. Бурдьё и Г. Гарфинкелем, возможно, могло бы привести к разработке своего рода *практической экономики рефлексивности*, меняющейся в зависимости от ситуаций.

В том, что касается соотношения между научным и обыденным знанием социального мира, Гарфинкеля интересует, главным образом, близость этих двух уровней познания (то, чем «профессиональные социологические исследования более всего полезны»²).

¹ Ibid.

² Ibid. P. VIII.

Это не означает, однако, что он рассматривает оба эти вида знания как идентичные, поскольку, обращаясь к исследованиям, проведенным Шюцем, вынужден учитывать различия между ними (см. 8 главу его книги «Рациональные свойства научной и обыденной деятельности»).

Этнометодологическое направление получило дальнейшее развитие в работах Харвея Сакса и Иммануила Щеглофф, посвященных весьма «микросоциологической» теме, а именно *анализу беседы*. Во Франции этнометодология утвердилась в 1980-е годы, однако она породила гораздо больше комментариев к текстам «отцов-основателей», нежели оригинальных эмпирических исследований.

2.2. Когнитивная социология

В США Аарон В. Сикурел в своих работах по этнометодологии приблизился к области *когнитивной социологии*. Когнитивная социология проявляет тройной интерес — к языку, значению и знанию (отсюда и определение «когнитивная»)¹. Главными для когнитивной социологии являются следующие понятия:

— *методы интерпретации*, «имеющие целью связать идеи феноменологов и этнометодологов и соотнести их с работами, касающимися приобретения и использования языка, памяти и внимания, или вообще со всем тем, что относится к области обработки информации (*information processing*)»²;

— *интеракциональная компетентность*, «позволяющая уточнить отношения между когнитив-

¹ Cicourel A. La Sociologie cognitive. Paris: PUF. 1979.

² Ibid. P. 8.

ными процессами, появлением контекстов и нарративными словарями (*accounting vocabularies*)»¹.

Социологический анализ распространяется также и на поле *невербальной коммуникации* (через изучение языка глухих), не сводимое к модели вербальной коммуникации².

А. Сикурел выявляет то обстоятельство, что акторы и исследователи в своей познавательной деятельности вынуждены опираться на общие методы интерпретации. Исследователь «может сделать свои наблюдения объективными только в том случае, если он объяснит особенности методов интерпретации и свою зависимость от них, т. е. если его исследовательская деятельность будет полноценной»³. Таким образом, стремление к научной объективности в области социальных наук подразумевает требование *социологической рефлексивности*. Наконец, здесь поставлен вопрос о связи с макросоциальными аспектами, поскольку речь идет о том, чтобы «эксплицировать роль знания и контекста в изучении социальной структуры»⁴, в частности, через процедуры «обретения социальной структуры» в ходе социализации⁵.

* * *

В середине 80-х годов во Франции мы стали свидетелями возросшего интереса к когнитивному измерению социального действия. В этой связи среди прочих можно назвать работы Жана Падьюло или Бернара Конэна, которые, впрочем, поднимают во-

¹ Ibid.

² Ibid. Ch.5.

³ Ibid. P. 47.

⁴ Ibid. P. 8.

⁵ Ibid. Ch. 2.

просы, характерные скорее для *когнитивных наук* (включающих в себя, в частности, биологические, психологические, лингвистические науки, а также науки об искусственном интеллекте). Но, принимая во внимание характер диалога, который Бернар Козен ведет с когнитивными науками, можно задать вопрос, не рискуем ли мы, когда, например, пытаемся установить точки соприкосновения с *этологией* (наука о поведении животных)¹, впасть в натурализм, пытающийся выстроить социальные науки по образу наук естественных?

2.3. О новых связях между микро- и макросоциальным

С начала 1980-х годов Аарон В. Сикурел начал по-новому ставить вопрос об отношениях между микро- и макроасpekтами социальной реальности.

По мнению А. Сикурела, «представители микро-социологии не могут ограничиваться изучением социального взаимодействия как локального и самодостаточного продукта, точно так же как теоретики макросоциологии не могут упускать из виду микро-процессы»². Возможно, это связано с тем обстоятельством, что каждый исследователь неявно и неосознанно использует в качестве опорных моментов элементы, которые он заимствует у другого уровня.

¹ Ethologie et sociologie // Revue française de sociologie. 1992. Janvier-mars.

² Notes on the Integration of Micro- and Macro-Levels of Analysis / Eds. K. Knorr-Cetina, A. V. Cicourel // Advances in Social Theory and Methodology. Towards an Integration of Micro- and Macro-Sociologies. Boston: Routledge and Kegan Paul. 1981. P. 53.

Например, исследователь микроуровня поместит свое включенное наблюдение над небольшой группой акторов в более широкий институциональный и культурный контекст, что для него является само собой разумеющимся и не вызывающим никаких вопросов. Что касается социолога макропроцессов, то он будет составлять свой вопросник, предполагая определенную когнитивную и дискурсивную компетентность опрашиваемых акторов, не исследуя ее в качестве специального объекта. Таким образом, каждый из них в подведении итогов своих исследований будет стремиться устранить макро- и микро-«помехи», на которые тем не менее отчасти опирается его труд. Предложенная Сикурелом перспектива объединения макро- и микро- признает одновременно «относительную автономию каждого уровня анализа» и пытается учесть «взаимодействие различных уровней»¹. С этой целью ученый выдвигает оригинальную идею: «члены одной группы или одного общества сами создают свои собственные теории и методы для осуществления этой интеграции» между микро- и макро-², вводя, таким образом, в свою повседневную деятельность смысл интеграции макро- и микро-³. Работа акторов по установлению переходов между макро- и микро- может быть успешно понята в этом случае с помощью понятия *резюме* (*summary*) как метода обработки информации, «превращающего микрособытия в макроструктуры»⁴. Так, врач интерпретирует и обобщает особые сведения о своем пациенте, собранные им в ходе взаимо-

¹ Ibid. P. 79.

² Ibid. P. 65.

³ Ibid. P. 67.

⁴ Ibid.

действий, в историю болезни, которой могут пользоваться другие специалисты в области здравоохранения и которую впоследствии медицинские институты будут рассматривать как материал, который можно дополнять другими данными (например, при эпидемиологических исследованиях). Сходные процессы можно наблюдать и в учебных заведениях при анализе взаимодействий, которые представляют собой личные дела учеников. Эти личные дела обобщаются впоследствии в виде отчетов, по которым определяют результаты, достигнутые целым поколением, что в свою очередь может служить материалом для исследований социальной мобильности.

В рамках этнометодологического течения такой подход был подвергнут критике Иммануилом Щеглофф¹. С точки зрения последовательной микро-социологии, Щеглофф указывает на двойной риск «преждевременного установления связей с переменными макро-» и «недооценки феномена интеракции»². Однако это не помешало Сикурелу продолжить свои исследования по *наслоению контекстов* в различных видах социальной деятельности, привлекая в частности, интеракционные, когнитивные, лингвистические и институциональные измерения. Такой подход призывает социологов включать в исследование контекст самого исследования, приглашает их к социологической рефлексии с тем, чтобы они смогли наилучшим образом обеспечить *контекстуальную валидность* (*ecological validity*) своих данных относительно обыденных контекстов повседневной жизни. Именно с этих позиций А. Си-

¹ Schegloff E. Entre micro et macro: contextes et relations// Sociétés. 1987. № 14.

² Ibid. P. 19.

курел на протяжении многих лет ведет дискуссию с Пьером Бурдьё, предлагая ему, в частности, более критически относиться к понятию *габитуса*, а также уделять больше внимания интеракционным, когнитивным и лингвистическим аспектам¹.

3. СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ МИШЕЛЯ КАЛЛОНА И БРУНО ЛАТУРА

Мишель Каллон, инженер по образованию, и Бруно Латур, преподаватель философии, руководят Центром социологии инноваций (CSI) Национальной высшей школы горных инженеров в Париже. В 1980-е годы на основе целой серии эмпирических исследований в области науки и техники они разработали новый тип социологического анализа. Первоначально они использовали концептуальные средства, почерпнутые ими из двух источников: во-первых, из философии науки, которую разрабатывает Мишель Серр, последовательно распространяя ее на другие области², у которого они заимствовали понятие *перевода*, и, во-вторых, из *программы социологии науки*, которую предложил английский философ и социолог Дэвид Блур³.

¹ *Cicourel A. V. Aspects of Structural and Processual Theories of Knowledge / Eds. C. J. Calhoun et al. // Bourdieu — A Critical Reader. Cambridge: Polity Press, 1993.*

² *Serres M. Pour une vue synthétique // Éclaircissements, entretiens avec B. Latour. Paris: François Bourin, 1992.*

³ *Bloor D. Sociologie de la logique ou les limites de l'épistémologie. Paris: Pandore, 1982.*

3.1. Программа социологии науки Дэвида Блора

Перспективы, намеченные Дэвидом Блуrom, послужили отправной точкой для целого ряда социологических, антропологических и экономических работ, посвященных науке и технике, особенно в англо-саксонском мире. Многие из этих работ публиковались в журнале «Социальные исследования науки» («*Social Studies of Science*»). Оригинальное развитие этого направления представляют во Франции Мишель Каллон и Бруно Латур. В программе Дэвида Блора наше внимание особенно привлекают два принципа:

- принцип *непредвзятости* «по отношению к истине или лжи, рациональности или иррациональности, успеху или провалу» изучаемых научных конструкций. Из этого принципа следует, что с самого начала анализа научного спора не следует ставить в привилегированное отношение того, кто слышит «победителем» или «правым» (потому, например, следует сохранять беспристрастное отношение как к Пастеру, так и к его незадачливым конкурентам);
- связанный с предыдущим принцип *симметрии*, означающий, что «одни и те же типы причин должны объяснять верования “подлинные” и верования “мнимые”».

Этим принципам свойственен «методологический релятивизм»¹, связанный с предметом анализа (изучение знаний, которые предстают в качестве «научных», «истинных» и «рациональных», поскольку они противостоят другим, получившим ярлыки «ненаучных», «ложных» и «иррациональных»), одна-

¹ Bloor D. *Sociologie de la logique ou les limites de l'épistémologie*. Paris: Pandore, 1982. P. 179.

ко они не приводят к абсолютному релятивизму, для которого понятие *истины* вовсе лишено смысла. Между тем как Дэвид Блур сохраняет свою приверженность этому понятию¹.

3.2. Социальное конструирование научных фактов

Первая работа Бруно Латура была написана им в соавторстве с английским социологом Стивом Вулгаром и впервые была опубликована на английском языке в 1979 г. На протяжении двух лет Бруно Латур жил повседневной жизнью сотрудников лаборатории нейроэндокринологии под руководством профессора Роджера Гиллемина в Калифорнии. На основе этнографического изучения лаборатории была написана работа, в которой рассматривались социальные процессы конструирования научных фактов и на концепцию которой оказали двойное влияние Дэвид Блур и этнометодология.

По мнению Бруно Латура и Стива Вулгара, социальное конструирование науки включает крайне разнородные факторы, измерения и уровни, объяснить которые эпистемологические теории, трактующие науку, истину и разум как *данности*, не способны. Исходными категориями служат для авторов понятие *литературных инскрипций*, а также понятие *инскрипторов*, так как лаборатория предоставляет широкий набор письменных документов (от графиков, которые строятся с помощью аппаратуры, до научных статей) и ее деятельность может рассматриваться как последовательность операций по преобразованию одних типов высказываний в дру-

¹ Ibid. P. 41–51.

гие с различными степенями *достоверности*; факт — это высказывание, которое более не оспаривается друзьями-конкурентами. В более широком смысле исторический генезис факта отмечен научными разногласиями, различными стратегиями, публикациями, включающими риторические формы убеждения, связи, установленные с финансирующими организациями, а также логикой профессиональной карьеры в том виде, в котором она складывается в повседневной деятельности лаборатории, например, в ходе неформальных разговоров. Таким образом, конструирование научного факта связано не только с интеллектуальным трудом и дискурсом, оно приводит в действие целый ансамбль практик, равно как и объектов, которые являются *материализациями* предшествующих дебатов. Эта точка зрения не вызывает сомнения в прочности сконструированного подобным образом научного факта, но в этом случае социологи оказываются вынужденными восстанавливать социальные условия, различные контексты и механизмы, благодаря которым этот факт обретает форму, *становится фактом*, но которые впоследствии, как только факт принимается в качестве такового, мало-помалу забываются.

3.3. Перевод, смещения и сети

Мишель Каллон и Бруно Латур, продолжая развивать идеи, изложенные в их первой работе, последовательно углубляют свою концептуальную схему, которая опровергает многие классические подходы в социологии, такие как, например, системный функционализм или оппозиции воспроизводство/изменение и микро-/макро-.

В центре их теоретических рассуждений лежит понятие *перевода*. Акторы (индивидуальные и коллективные, человеческие и не являющиеся таковыми) постоянно работают над переводом своих языков, своих проблем, своих идентичностей или своих интересов в языки, проблемы, идентичности и интересы других. Именно через этот процесс мир конструируется и деконструируется, стабилизируется и дестабилизируется. Поэтому «идентичность акторов и их взаимная «обкатка» представляют собой постоянную цель развивающихся разногласий»¹, что и позволяет говорить о *взаимоопределениях акторов*. Выступая против социологической ригидности, свойственной понятиям «система» или «функция», Мишель Каллон и Бруно Латур приглашают нас *последовать за акторами* в их разнообразной деятельности по переводу (или, точнее, по *взаимопереводу*) за пределы предустановленных границ «систем» и «функций», переопределяя сами эти деления. С этой точки зрения *список релевантных акторов* (индивиды, группы или объекты), их свойства, а также правила игры, в которую они играют, никогда не бывают заданы раз и навсегда. *Цепочки перевода*, таким образом, выстраиваются в результате различной деятельности, такой как: соперничающие *стратегии*, *пробные столкновения сил*, работа по *мобилизации и вербовке*, *выработка механизмов участия в прибылях и вынужденных точек соприкосновения* с тем, чтобы между акторами были установлены *альянсы и ассоциации* и, в частности, чтобы мог появиться *идейный лидер* этих ассоциаций.

¹ *Callon M.* Éléments pour une sociologie de la traduction. La domestication des coquilles Saint-Jacques et des marins-pêcheurs dans la baie de Saint-Brieuc // *L'Année sociologique*. 1986. № 36. P. 174.

Таким образом, переводить означает *смещать*: «смещения целей или интересов, или смещения инструментов, человеческих существ, скрытых смыслов или инскрипций»¹. При взаимоопределениях акторов происходит *взаимосмещение*. Преодолевая бинарную схему воспроизводство/изменение, понятие *смещения* позволяет представить всю палитру повседневных практик, которые в большей или меньшей степени приводят в движение более или менее стабильные состояния мира.

Понятие *сети* направлено на осмысление стабилизации, которая никогда не бывает окончательной и постоянно пребывает в движении, а также отношений между людьми и предметами. Но стабилизация форм социальной жизни должна рассматриваться скорее в качестве конечного пункта, нежели как исходная точка анализа. Речь идет о том, чтобы раскрыть *черные ящики* (то, что является само собой разумеющимся и не вызывает сомнения, как-то: научный факт, определенный метод, процедура или институт), которые закрыты акторами. Сеть представляет собой более или менее застывший результат процесса смещения и столкновения черных ящиков; «слово указывает на то, что все средства сконцентрированы в нескольких точках — узлах, — но что эти узлы связаны друг с другом при помощи ячеек; благодаря этим связкам некоторые из разрозненных средств превращаются в сеть, которая распространяется на все»². Именно *социотехнические сети*, эти объединяющие средства, обычно ранжируемые в со-

¹ Callon M. Éléments pour une sociologie de la traduction. P. 203.

² Latour B. La Science en action. Paris: La Découverte, 1989. P. 290.

ответствии с этикетками «социальные», «экономические», «научные» или «технические», и оказываются в центре внимания авторов¹. Сеть предполагает предварительную работу по *установлению эквивалентности* между разнородными средствами, что делает их соизмеримыми и обеспечивает возможность их совместного функционирования. Прочность цепочек, конституирующих альянсы, зависит, главным образом, от количества мобилизованных союзников и реализованных альянсов². Таким образом, понятия перевода и сети позволяют выйти за рамки оппозиции макро/микро и выявить процессы, посредством которых микроакторы, обобщая и инструментализируя свое действие, структурируют макроакторов или, наоборот, посредством которых целостности деконструируются и локализуются³.

Этот концептуальный мир опирается на объединенные в систему принципы непредвзятости и симметрии Дэвида Блура. Используя *принцип генерализованной симметрии*, принадлежащий *симметричной антропологии*, мы не можем одинаково подходить не только к истине и к заблуждению, к победителям и побежденным в истории науки, но и к обществу и природе, существам человеческим и существам, не относящимся к таковым, поскольку предметом исследования в данном случае становится уже не социальное конструирование, как это было у Дэвида Блура, но *социоприрода*. Порой мы можем также наблюдать и тенденцию к растворению понятия научной

¹ Callon M. La Science et ses réseaux. Paris: La Découverte, 1988.

² Latour B. La Science en action. P. 92–96, 223–230, 262–286.

³ См., в частности: Latour B. Une sociologie sans objets? // Sociologie du travail. 1994. № 4.

истины. Так, Бруно Латур сводит иногда науку к «отношениям силы», отрицая существование «отношений разума»¹. Что касается Мишеля Каллона², то он, например, может утверждать, что ни одно социологическое объяснение не может быть более «валидно», чем другое и что различие определяется способностью «убеждать».

Эта основательно разработанная социологическая теория и проведенные эмпирические работы оказали определенное влияние на развитие социальных наук. Например, в области политологии социология перевода явилась для Поля Бакота средством, позволившим ему по-новому взглянуть на политизацию как *нарастание конфликтности*³. Сочинения Мишеля Каллона и Бруно Латура оказали влияние на социологию организаций Эрхарда Фридберга⁴, сообщив ей большую гибкость и более конструктивистский характер, несмотря на некоторую ригидность, связанную с сохранением системно-функционалистского словаря в духе работ Мишеля Кросье. Однако новая социология науки не избежала и более негативных оценок.

3.4. Вопросы

Наиболее острую критику вызвали именно эпистемологические позиции Мишеля Каллона и Бруно Латура (их в принципе релятивистское отношение к

¹ Latour B. Les Microbes. Paris: Métailié, 1984. P. 11.

² Callon M. Éléments pour une sociologie de la traduction. P. 176.

³ См., в частности: Bacot P. L'Affaire Claude Bernard // La Nécessité de Claude Bernard / Ed. J. Michel. Paris: Méridiens-Klincksieck, 1991.

⁴ Friedber E. Le Pouvoir et la Règle. Paris: Seuil, 1993.

понятию научной истины), являющиеся действительно одним из наиболее слабых мест их теории. Франсуа-Андре Изамбер, усомнившись в способности социальной науки к опровержению собственного релятивистского искушения, когда она берется осмыслять другие науки, выразился следующим образом: «Бруно Латур не может взывать к разуму, который он отверг»¹. Конечно же, дело обстоит несколько сложнее, и следовало бы скорее говорить о том, что работы Каллона и Латура балансируют (в зависимости от ситуации) между *релятивистской эпистемологией* (согласно которой понятие научной истины не является более регулятором для всей совокупности научных практик и, следовательно, не является таковым и для их собственной исследовательской деятельности) и *релятивизмом в строго методологическом смысле* (ограничивающимся тем, что вопрос об истине выносится за скобки только в отношении той научной области, которая избирается в качестве предмета их социологического анализа).

Другие исследователи, работающие, как, например, Бенжамен Маталон, критиковали подобные работы, находящиеся на стыке эпистемологических и теоретических вопросов, за то, что, отказываясь от различения социальных и когнитивных аспектов, они отрицают специфичность науки. Действительно, в исследованиях М. Каллона и Б. Латура научные универсумы предстают как *подобные* другим универсумам, и, быть может, *слишком подобные*. Тогда как в других работах, в частности в трудах Пьера Бурдьё, была выдвинута идея о том, что если

¹ *Isambert F.-A. Un «programme fort» en sociologie de la science? // Revue française de sociologie. 1985. Vol. 26. № 3. P. 502.*

научное поле и обладает чертами, общими и для других социальных полей (конкурентная борьба, стратегии, логики профессии, механизмы капитализации и доминирования и т. д.), то оно тем не менее обнаруживает автономию и специфичность «такой социальной игры, в которой силой наделена истинная идея». Именно это делает возможным «появление относительно независимых от социальных условий их производства социальных продуктов, какими являются научные истины»¹.

Возникает также ряд вопросов и по поводу других теоретических положений М. Каллона и Б. Латура. Так, Франсис Шаторейно заострил свое внимание на их ограниченном понимании прочности и стабильности социальных связей, рассматриваемых только через соотнесение с *количеством* накопленных средств². Равным образом можно задаться вопросом, не препятствует ли методологическое стремление к изучению стабилизации мира только лишь *в фазе его завершения* как результата анализируемых процессов (раскрытие черных ящиков) пониманию того, как эти процессы в их первоначальной фазе были связаны с формами *пред-стабилизации* реальности (в головах и в вещах). Ведь невозможно одновременно раскрыть все *черные ящики* (во времени и в пространстве). Что касается Эрхарда Фридберга, то он критикует отсутствие различения между человеческими деятелями и нечеловеческими деятелями, что препятствует пониманию специфики че-

¹ Bourdieu P. Le champ scientifique // Actes de la recherche en sciences sociales. 1976. № 2–3. P. 88, 97.

² Chateauraynaud F. Forces et faiblesses de la nouvelle anthropologie des sciences // Critique. 1991. № 529–530. P. 456–466.

ловеческого поведения¹. Впрочем, как обнаружил Франсис Шаторэйно, различие человеческие/не-человеческие, равно как и само определение человечности, не одинаковы в различных ситуациях². Кроме того, следует также отметить, что стремление к одинаковой трактовке полюса люди — общество и полюса предметы — природа сводит на нет вклад «понимающих» направлений в социальные науки (в частности, теории М. Вебера и А. Шюца), которые как раз и пытались выводить последствия из двойной констатации: 1) что на полюсе люди — общество развивается символическая деятельность, способствующая конституированию реальности этого полюса и его отношений с полюсом предметы — природа; и 2) что социологи располагаются на полюсе люди — общество (и с этой точки зрения они разноудалены от изучаемых ими рыбаков и морских гребешков*).

4. ДЖОН ЭЛЬСТЕР: ГРАНИЦЫ ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ И СКРЕПЫ ОБЩЕСТВА

Родившийся в Норвегии в 1940 г. Джон Эльстер является профессором политологии и философии в Чикагском университете. В 1971 г. в Париже под руководством Раймона Арона (1905–1983) он подготовил диссертацию по К. Марксу, затем в Соеди-

¹ *Friedberg E. Le Pouvoir et la Règle. P. 202–210.*

² *Chateauraynaud F. La Faute professionnelle. Paris: Métailié, 1991. P. 172–173, 305–327.*

* Речь идет о упомянутом выше исследовании М. Каллона, посвященном одомашниванию морских гребешков и рыбакам бухты Сен-Брек. — *Прим. перев.*

ных Штатах участвовал в формировании научного направления, получившего в 1980-е годы название «аналитический марксизм» и объединившего авторов, которые использовали для прочтения Маркса научный аппарат методологического индивидуализма¹. Таким образом, Джон Эльстер занял позицию, граничащую с индивидуалистской парадигмой и связанной с ней теорией рационального выбора (*rational-choice theory*). Именно с этих позиций он разрабатывал проблему границ рациональности². Особенно сильна теоретическая сторона его исследований, а используемые им примеры чаще всего представляют собой либо типичные случаи из обыденной жизни, придуманные или упрощенные ученым (в традиции англо-американской аналитической философии), либо материалы, заимствованные из работ других авторов и проанализированные вторично.

В своей работе «Скрепки общества»³ он делает еще один шаг вперед в изучении границ индивидуалистической рациональности в социальных науках. Методы, заимствованные им из теории рационального выбора, сконцентрированной на поисках индивидами личного рационального интереса (*rational self-interest*), оказались Джону Эльстеру недостаточными для того, чтобы решить вопрос о возможности социального порядка под двойным углом зрения координации ожиданий, установившихся между различными акторами, и существования форм кооперации.

¹ *Elster J.* Karl Marx. Une interprétation analytique. Paris: PUF, 1989.

² *Elster J.* Le laboureur et ses enfants. Deux essais sur les limites de la rationalité. Paris: Minuit, 1987.

³ *Elster J.* The Cement of Society. A Study of Social Order. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

В поисках дополнительных средств он обратился, таким образом, к теории социальных норм, поскольку «социальные нормы дают важнейшую категорию мотивации действия, не сводимую к рациональности или какой-либо иной форме механизма оптимизации»¹. Социальные нормы предстают в качестве коллективно разделяемых типов поведения, навязывающих себя в качестве императивов. Этим императивам надлежит следовать в соответствии с логикой — в значительной степени механистической, а подчас бессознательной — своего рода «умственного ступора», который может быть вызван подавлением сильных эмоций»². В этой связи Джон Эльстер перечисляет целый ряд социальных норм, детерминирующих соответствующие виды деятельности: нормы потребления, взаимоотношений, кодексы чести, нормы наказания, нормы сотрудничества, нормы распределения и т. д. Данные нормы не являются взаимоисключающими; каждый индивид может одновременно «верить в различные нормы, которые могут иметь противоречивые последствия в отношении данной ситуации»³. Анализируемые в книге примеры касаются проблемы коллективного действия и социальных переговоров. На этом основании можно выделить три основных положения: 1) некоторые типы поведения лучше объяснять, исходя из расчетов индивидами оптимизации своей ситуации; 2) другие типы поведения лучше объяснять, привлекая понятие социальных норм; 3) иные действия можно рассматривать, исходя из *смешанных мотиваций*, сочетающих в виде многочисленных фигур и

¹ Ibid. P. 15.

² Ibid. P. 98–100.

³ Ibid. P. 129.

динамик индивидуальную рациональность и социальные нормы.

Выдвигаемая Джоном Эльстером теоретическая схема предлагает два пути:

— первый путь утверждает необходимость преодоления классических антиномий социальных наук, но не решает задачи, которые ставит перед собой анализ процессов *взаимопорождения*, и ограничивается предложением двух дополняющих друг друга, но не связанных между собой точек зрения (рациональный выбор/социальные нормы);

— второй путь предполагает преимущественное изучение взаимопорождения, пытаясь осмыслить взаимодействия (в особенности в случае смешанных мотиваций).

* * *

Ряд авторов, которые первоначально придерживались скорее индивидуалистской ориентации, попытались преодолеть некоторые из ограничений, присущих данной теоретической схеме. В этой связи следует в первую очередь назвать заново «открытого» во Франции в 1980-е годы классика социальных наук, немецкого социолога Георга Зиммеля (1858–1918). Если Георг Зиммель и рассматривал «социальные нормы» как возникающие из «индивидуальных действий», то в то же время он отмечал, что «будучи единожды сформированы, эти нормы оказывают воздействие на индивида»¹. По этому же пути идет и

¹ *Simmel G. Les Problèmes de la philosophie de l'histoire. Paris: PUF, 1984. P. 75–76.* На русском языке об этом см.: *Зиммель Г. Проблемы философии истории // Зиммель Г. Избранное в 2-х томах / Пер. с нем. Главный редактор и автор проекта С. Я. Левит. Москва: Юристъ, 1996. Т. 1; К вопросу о философии истории. Там же. С. 532–537.*

Томас Шеллинг в своем исследовании взаимоотношений микро/макро¹. Он утверждает, что «в ситуациях, когда поведение и выбор людей зависят от поведения или выбора других людей, обычно бывает невозможно перейти к сложным соединениям посредством простого сложения или экстраполяции. Для установления такой связи мы, как правило, должны принять во внимание *систему взаимодействий* между индивидами и их окружением, т. е. между индивидами и другими индивидами или между индивидами и коллективом»². Ловушка подстерегает нас здесь не только со стороны холизма («выведение поспешных следствий относительно намерений индивида, исходя из наблюдений за коллективом индивидов»), но также и со стороны ограниченного индивидуализма («выведение поспешных следствий относительно поведения коллективов, исходя из индивидуальных намерений»)³.

¹ Schelling T. La Tyrannie des petites décisions. Paris: PUF, 1980.

² Ibid. P. 20.

³ Ibid.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ГРУПП И СОЦИАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ

Толковый словарь «Ле Пети Робер» дает, в частности, два определения слова «конструирование»*:

1) «изготавливать сложный предмет» (в качестве примеров приводится «построить корабль, автомобили, аппараты») и 2) «создавать (сложную систему), организуя мыслительные элементы» (в качестве примеров приводится «создание романа, поэмы, театральной пьесы»)¹.

Точно так же *конструирование социальной реальности* объединяет два процесса: во-первых, процесс материализации, объективации и институционализации и, во-вторых, процесс мыслительной деятельности по восприятию, объективации и типизации. Такое объединение особенно отчетливо проявляется на примере *социальных классов*, когда существова-

* Как уже отмечалось, глагол *construire* во французском языке имеет два значения — конструировать и строить. — *Прим. перев.*

¹ Le Petit Robert. Paris: Dictionnaires Le Robert, 1973. P. 337.

ние социальных групп обеспечивается не без помощи когнитивных операций *классификации* и *категоризации*. Однако на протяжении довольно длительного времени оба ряда вопросов рассматривались изолированно. Социологи задавали вопросы относительно классов (Что такое социальный класс? Существует ли рабочий класс? К какому классу принадлежит тот или иной индивид? и т. д.), тогда как логики, статистики или психологи интересовались операциями и методами (научными или обыденными) классифицирования. И только в 1980-е годы во Франции приступили к более последовательному установлению связей между двумя этими областями. Для того чтобы по-новому взглянуть на эти вопросы, как прежние, так и новые подходы широко привлекали исторический материал. Однако, в отличие от предшествующих взглядов, новые подходы более не проводят «естественных» различий между понятиями «социальный класс», «социальная группа» или «социальная категория».

1. ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ТРУД «СТАНОВЛЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО РАБОЧЕГО КЛАССА» ЭДВАРДА П. ТОМПСОНА

В соответствии с различными «марксизмами», которые во многом способствовали развитию объективистского и экономистского видения социальных классов, классы существуют «объективно», будучи частью «экономического базиса» общества («состояние производительных сил», «производственные отношения» и/или «разделение труда»), даже если в менее механистических версиях эта детерминиро-

ванность возникала лишь «в конечной инстанции» и даже если признавалось, что «идеологическая и политическая надстройка» оказывает ответное воздействие на «материальный базис». Вооружившись методами социальной истории, английский историк Эдвард П. Томпсон (1924–1993) в своей ставшей классической книге «Становление английского рабочего класса»¹, оставаясь в рамках еще считавшейся «марксистской» парадигмы, попытался опровергнуть эту точку зрения. Написанная в 1963 году, его книга стала основополагающим трудом, без которого в дальнейшем не обходится ни одно из исследований социальных классов.

1.1. Класс как социоисторическое образование

Подчеркнем лишь самые существенные характеристики этого исследования классов, которое было построено на широком историческом материале, охватывающем период 1780–1840 г. Для Томпсона класс — это «социальное и культурное образование», являющееся результатом исторического процесса². Данная концепция утвердилась прежде всего в противовес «известной марксистской ортодоксии», «согласно которой рабочий класс явился в некотором роде продуктом процесса спонтанного образования, вызванного к жизни новыми производительными силами и новыми производственными отношениями»³. Между тем «слово “становление” (*making*) указывает на то, что объектом данного исследования

¹ *Thompson E. P. La Formation de la classe ouvrière anglaise. Paris: EHESS-Gallimard-Seuil, 1988.*

² *Ibid. P. 15, 771.*

³ *Ibid. P. 11.*

является активный процесс, вызванный к жизни самими агентами в той же мере, что и их положением. Рабочий класс <...> сам принимал участие в собственном становлении»¹. «Процесс *самоопределения*»² способствует, таким образом, конструированию английского рабочего класса. Это конструирование предстает в таком случае в качестве объединительного движения на стыке объективных элементов и субъективных представлений: «Под классом я понимаю историческое явление, объединяющее разрозненные, внешне не имеющие никакой связи события, как в объективности опыта, так и в сознании»³. Становление класса в особенности питается *коллективным опытом* — в труде, но также и в семье, в отношениях с соседями, в религии. С другой стороны, класс определяется не изолированно, но *относительно*, «в его отношениях с другими классами»⁴. Класс — это «отношение, а не вещь»⁵. Итак, обобщая, можно сказать, что *общие интересы* — через процесс унифицирования — возникают только в опоре на коллективный опыт и противостояние другим группам: «О классе можно говорить тогда, когда люди вследствие общего опыта (который они разделяют либо наследуют) сообща осознают и формулируют свои интересы в противоположность другим людям, чьи интересы отличаются от их собственных (и обычно противостоят им)»⁶. *Классовое сознание*, определяемое как способ, при помощи которого кол-

¹ Ibid. P. 13.

² Ibid. P. 771.

³ Ibid. P. 13.

⁴ Ibid. P. 771.

⁵ Ibid. P. 14.

⁶ Ibid. P. 13.

лективный опыт «переводится в термины культуры и воплощается в традициях, системах ценностей и в институциональных формах»¹, составляет, таким образом, важное, хотя и не единственное, условие производства класса. Понятие классового сознания позволяет принять во внимание *институциональные формы*, что сообщает относительный характер классическому для социальной истории разделению между «рабочим классом» (являющимся якобы «объективной данностью») и «рабочим движением» (которое как бы выступает его «организованным выражением»).

С методологической точки зрения, работа Томпсона призывает нас также отказаться от воссоздания прошлого, слишком опосредованного сегодняшним видением исторического процесса, т. е. от способа «прочтения истории в свете позднейших исследований, а не так, как она происходила на самом деле». Такое эволюционистское понимание историчности приводит к удержанию в памяти «лишь тех, кто преуспел, т. е. тех, чьи стремления предвосхитили последующее развитие», и к забвению «тупиков, проигранных дел, а также самих проигравших»². Именно поэтому Томпсон уделил большое внимание изучению ремесленников, которые не соответствовали образу заводских рабочих, получившему преобладание впоследствии.

1.2. Развитие идей и дискуссии

Конструктивистские идеи Эдварда П. Томпсона, порывавшие с различными формами экономизма и

¹ Thompson E. P. La Formation de la classe ouvrière anglaise. Paris: EHESS-Gallimard-Seuil, 1988.

² Ibid. P. 16.

технологического детерминизма, особенно широко обсуждались и получили дальнейшее развитие на англо-американской почве (назовем лишь английский исторический журнал «Паст энд Презент» («*Past and Present*»), а также имя Эрика Хобсбаума или социологию американца Чарльза Тилли).

Некоторые новаторские положения Томпсона были углублены, что привело к смещению акцентов в теоретическом плане. Прежде всего следует указать направление, которое среди англо-американских историков получило название «лингвистического поворота» (*linguistic turn*) 1980-х годов и которое представляют, в частности, такие две наиболее значимые фигуры, как англичанин Гарет Стедман Джонс и американец Уильям Сьюэл. Согласно этому «лингвистическому повороту», следует принимать во внимание, например, тот факт, что сами понятия «класс» или «общие интересы» являются предметом дискурсивной работы со стороны акторов, которая, таким образом, способствует их существованию. В более широком смысле эта группа историков склоняет нас к гипотезе, подобной той, что недавно была сформулирована социологом Бернаром Лаиром и в соответствии с которой социальные практики в целом «всегда уже вплетены в языковые практики»¹, что, впрочем, не означает, что все социальные практики носят *лишь* дискурсивный характер. Гарет Стедман Джонс предложил рассматривать класс скорее как «дискурсивную реальность», нежели как реальность субстанциональную². Тем самым он сближает

¹ Lahire B. Sociologie des pratiques d'écrire // *Ethnologie française*. 1990. №3. P. 265.

² Jones G. S. *Languages of Class. Studies in English Working Class History, 1832–1982*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 8.

ся с философским анализом Поля Рикера процедур обращения мира в рассказ (понимаемого как «синтез гетерогенного») и выработки нарративных идентичностей (для личностей, групп или институтов)¹. В то же время Стедман Джонс обратил внимание на роль «уровня повседневного дискурса» (*every day speech*)² в конструировании класса, смыкаясь в этом с исследованиями социолингвиста в области интеракций Джона Гамперца, который писал: «Мы привыкли рассматривать пол, этническую принадлежность и социальный класс как заданные параметры и как границы, в рамках которых мы продуцируем наши социальные идентичности. Изучение языка как интерактивного дискурса показывает, что эти параметры являются не само собой разумеющимися константами, но что они производятся в процессе коммуникации»³. Уильям Сьюэл, опираясь на культурную антропологию, попытался осмыслить социальные формы объективации, не ограничиваясь чисто дискурсивными формами, но вместе с тем исходя из аналогичного расширения понятия «язык труда»: «умопостигаемую форму рабочему миру придают не только разговоры рабочих или теоретический дискурс по проблемам труда, но также и вся совокупность институциональных соглашений, ритуальных жестов, методов труда, форм борьбы, обычаев и действий»⁴. Однако когда данные подходы, не огра-

¹ См.: Ricœur P. Temps et récit. Paris: Seuil (в частности, введение [P. 9–14] и глава 3 [P. 105–162] I тома «L’Intrigue et le récit historique», 1983; а также заключение [P. 439–448] III тома «Le Temps raconté», 1985).

² Jones G. S. Languages of Class. P. 2.

³ Gumperz J. Engager la conversation. Paris: Minuit, 1989.

⁴ Sewel W. H. Gens de métier et révolutions. Le langage du travail de l’Ancien Régime à 1848. Paris: Aubier-Montaigne. 1983. P. 30.

ничиваясь задачей углубленного анализа отдельных аспектов социальной реальности, претендуют на обобщения, то возникает опасность, что образование социального мира может быть сведено к его дискурсивному уровню, более или менее аналогичным образом расширенному. Тем не менее можно попытаться включить эти когнитивные составляющие образования социальных групп — дискурсивные и/или интерактивные — в более широкие социальные процессы объективации. Такая попытка была предпринята в исследованиях, в которых в качестве объекта выступают способы институционализации категорий восприятия и действия, участвующие в конструировании французского рабочего класса, как, например, деление на категории и профессии в их связи с классовым понятием¹, «марксизмом»², «анархо-синдикализмом» и «революционным синдикализмом»³ или разделение на «профсоюзное» и «политическое»⁴.

Феминистская историографическая критика и, в частности, ее представительница Джоан Скотт особо подчеркивала исключительно маскулинный ха-

¹ См. одну из первых по этой теме статью: *Segrestin D.* Du syndicalisme de métier au syndicalisme de classe: pour une sociologie de la CGT // *Sociologie du travail*. 1975. № 2, а также более позднюю работу: *Corcuff P.* Le catégoriel, le professionnel et la classe. Usages contemporains de formes historiques // *Genèses*. 1991. № 3.

² *Ymonet M.* Les héritiers du Capital. L'invention du marxisme en France au lendemain de la Commune // *Actes de la recherche en sciences sociales*. 1984. № 55.

³ *Colson D.* Anarcho-syndicalisme et communisme. Saint-Etienne, 1920–1925. Saint-Étienne: Université de Saint-Etienne-CEF-ACL, 1986.

⁴ *Barbet D.* Retour sur la loi de 1884. La production des frontières du syndical et du politique // *Genèses*. 1991. № 3.

рактер конструирования рабочих классов, не осознаваемый самим Томпсоном и еще более обнаруживший себя в его собственном исследовании. Наконец, вслед за Ле Мареком можно отметить важность обменов между рабочими элитами и другими интеллектуальными и политическими элитами в образовании английского рабочего класса, «которую не пожелал признать Томпсон, слишком настойчиво подчеркивавший внутренний характер выработки классового сознания»¹, тогда как при таком чересчур «внутреннем» подходе к образованию рабочего класса не принимается в расчет тот факт, что само разделение внутреннее/внешнее является одной из целей и одним из результатов изучаемых процессов.

2. ЛЮК БОЛТАНСКИ И ОБЪЕКТИВАЦИЯ ГРУПП

Люк Болтански в своей книге «Кадры. Формирование социальной группы», а затем в работе «Обвинения»² развивает и систематизирует конструктивистский подход к социальным группам. Первоначально он заимствует отдельные элементы своей теории в социологии Пьера Бурдьё, с которым вместе работает, но постепенно все более решительно вводит эти элементы в рамки конструктивизма. Эти заимствования у Пьера Бурдьё касаются как размышлений относительно *борьбы социальных классификаций* в

¹ *Le Marec Y.* Relire Thompson. La Formation de la classe ouvrière anglaise, trente ans après // Actes de la recherche en sciences sociales. 1993. № 100. P. 79.

² *Boltanski L.* Les Cadres. La Formation d'un groupe social. Paris: Minuit, 1982; *Boltanski L.* (en collaboration avec *Dar-ré Y., Schiltz M.-A.*) La Dénonciation // Actes de la recherche en sciences sociales. 1984. № 51.

современном французском обществе (т. е. символической борьбы вокруг определения классов, их границ, их позиций относительно друг друга или того места, которое занимают в классах различные индивиды), так и роли механизмов политического представления (появление идейного лидера) в существовании групп.

2.1. От критики субстанциализма к истории социальной группы: пример кадров во Франции

Предложенный Люком Болтански подход отличается от классических теорий социальных групп (стремящихся дать ответы на вопросы типа: Как можно определить кадры? Кого к ним причислять? Какова их численность? и т. д.), исходящих в целом из очевидности существования группы как вещи, четко ограниченной и поддающейся разграничению, укорененной в экономическом и/или техническом порядке. Глубоко переработав идеи Витгенштейна, Болтански пытается освободиться от этого *субстанциализма* («поиски субстанции [*substance*], которая соответствовала бы имени действительному [*substantif*]») на примере изучения специфической для французского общества группы «кадров». В данном случае речь, конечно же, идет не об отрицании такой группы, как «кадры», которая отчетливо просматривается как в дискурсах, так и в институтах («от имени какой науки можно отказать в «реальности» принципу идентификации, с которым социальные агенты согласуют свои верования?», — спрашивает Люк Болтански), речь идет о том, чтобы принять во внимание «якобы непреодолимые трудности, на которые наталкивается работа по опреде-

лению и установлению «объективных» критериев»¹, и, следовательно, о том, чтобы осмыслить отличным от объективистского способом реальность этой группы. Поэтому Болтански прибегает к истории, которая позволяет *де-натурализировать* существование группы «кадров», представляющей нам сегодня столь «естественной», и осмыслить социоисторический процесс ее *натурализации*: «Для того чтобы выйти из замкнутого круга бесконечных и безрезультатных дискуссий относительно “положения класса” кадров, следовало бы начать с того, чтобы отказаться от попыток дать “предварительное определение” группы и выбрать в качестве предмета историческую ситуацию, в которой сформировались эти кадры в качестве отчетливой группы, обладающей своим именем, организацией, своими идейными лидерами, системами представлений и ценностей»². Каким же образом можно это сделать? Сделать это можно, «поставив вопрос относительно *работы по перегруппировке*, по включению и исключению из данной группы, продуктом которой и является сама эта группа, а также проанализировав социальную работу по определению и разграничению, сопровождавшую формирование группы и способствовавшую в процессе объективации ее превращению в нечто “самособой-разумеющееся”»³. Таким образом, мы получаем не «объективную», но *объективированную* группу. Поскольку группа «кадров» воспринимается сегодня как совокупность индивидов, не похожих друг на друга по целому ряду показателей (социальное положение и образование, типы выполняемых функций

¹ Boltanski L. Les Cadres. P. 49.

² Ibid. P. 51.

³ Ibid. P. 52.

на предприятии и т. д.), акцент делается на двух — *символической* (коллективная и сопровождающаяся конфликтами работа по определению и вычленению группы) и *политической* (институционализация группы через ее лидеров, в частности, профсоюзных и политических) — составляющих процесса *относительной гомогенизации группы*, социоисторического производства «зыбкой целостности» (так названо заключение книги) в период 1930–1960 г. Это исследование, сконцентрированное на особой социальной группе, подкрепленное историческими и эмпирическими данными, позволяет нам более широко взглянуть на социальные классы как на продукты исторической диалектики между предустановленными и реконституированными *разнородностями* и символическими и институциональными формами *унификации*.

После выхода в свет книги Болтански «Кадры» Пьер Бурдьё также углубил свою концепцию классов в более конструктивистском духе¹. Он предложил, в частности, ввести различие между *возможным классом*, «классом теоретическим» или «классом на бумаге», понимаемым как «совокупность агентов, занимающих сходную позицию, которые, будучи размещены в сходных условиях и подчинены сходным обусловленностям, имеют все шансы для обладания сходными диспозициями и интересами и, следовательно, для выработки сходной практики и занятия сходных позиций»², и между *классом мобилизованным*, классом «актуальным» или «реаль-

¹ Бурдьё П. Социальное пространство и генезис «классов» // Бурдьё П. Социология политики / Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993.

² Там же. С. 60.

ным», обладающим идейным лидером, общими институтами и представлениями. В отличие от классического разделения в рамках «марксистской» традиции между «классом в себе» (объективным) и «классом для себя» (субъективным), переход от первого ко второму не представляется неизбежным. Так, «более тесное сближение наиболее близких элементов уже никогда не бывает необходимо, неизбежно (из-за эффектов непосредственной конкуренции, которые ставят заслон), но и сближение наиболее отдаленных тоже не всегда является невозможным. Так, если более вероятно мобилизовать в одной реальной группе только рабочих, чем рабочих и их работодателей, то тем не менее возможно, например под угрозой международного кризиса, спровоцировать их объединение на базе национальной идентификации»¹. Здесь мы достаточно близко подошли к весьма глубоким положениям самого Маркса о «парцельных крестьянах», которые могли бы рассматриваться в качестве класса, благодаря, в частности, схожести «экономических условий», но которые никогда не стали классом вследствие отсутствия «национальной связи» и «политической организации»².

2.2. Обвинения и конструирование групп

В «Обвинениях» Люк Болтански предпринимает попытку поставить вопрос относительно разделения индивидуального действия и действия коллективного на основе анализа множества писем протеста — от самых «индивидуальных» до самых «коллектив-

¹ Там же.

² См.: *Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. С. 507.

ных», полученных газетой «Ле Монд». В противоположность дихотомии индивидуальное/коллективное весь этот массив писем распределяется в пределах *одного континуума* от частного к общему, от отдельных индивидов к коллективам или, например, от сплетен к политическому действию. В том, что обычно называют *делами* и парадигмой чего может служить «дело Дрейфуса», мы можем наблюдать процесс смещения от отдельного случая к общим интересам, от единичного к коллективному, что способствует образованию и роспуску групп. В том случае, когда мобилизация осуществляется за *правое дело*, исходя из разоблачения некой несправедливости, готовые *социальные технологии* (каковыми являются способы коллективного действия, юридические процедуры, методы *де-сингуляризации* и т. д.) «вводятся в действие в целях образования коллективных личностей и связывания индивидуальных личностей с личностями коллективными»¹. Таким образом, здесь выстраиваются *эквивалентности* между личностями в целях порождения *коллективного интереса*. В этом случае работа профсоюзного деятеля состоит в значительной мере в «выборе из множества повседневных споров таких конфликтов, которые могли бы быть вынесены на уровень коллективных требований, и в изменении посредством работы по стилизации, мобилизации и образованию <...> личных конфликтов, в которые акторы вступают единолично и вместе со своими особенностями, окружением и многообразными интересами <...> в конфликты категориальные»². В этих рамках само-

¹ Boltanski L. La dénonciation. P. 4.

² Ibid. P. 16.

определение действия в качестве «коллективного» или «индивидуального» является одной из целей и одновременно одним из результатов изучаемых процессов коллективизации/сингуляризации.

В данной работе Люк Болтански широко использует ранее опубликованные труды. Что касается американских работ, то можно назвать исследование Уильяма Л. Ф. Фельстинера, Ричарда Л. Абеля и Остина Серата о возникновении и развитии судебной тяжбы¹. При разработке экономических вопросов привлекались работы Лорана Тевено о механизмах оформления реальности и его понятие *вложения в форму* (*investissement de forme*), определяемого как «установление — дорогостоящее — стабильного отношения на определенный период времени»². В свою очередь этот анализ Лорана Тевено в некоторых своих аспектах соприкасается с классическими разработками Георга Зиммеля о «непрерывности коллективных существ»³.

3. СОЦИАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ

В 1980-е годы, параллельно и в связи с новыми формами рассмотрения социальных групп, объектом исследований становится когнитивная и институциональная деятельность по социальной категоризации и институционализации.

¹ *Felstiner W. L. F., Abel R. L., Sarat A.* L'émergence et la transformation des litiges: réaliser, reprocher, réclamer // *Politix*. 1991. № 16.

² *Thévenot L.* Les investissements de forme. P. 26.

³ *Simmel G.* Comment les formes sociales se maintiennent // *Sociologie et épistémologie*. Paris: PUF, 1981. P. 175.

3.1. Актуализация наследия Дюркгейма: Мэри Дуглас

Одним из аспектов творчества Дюркгейма является изучение коллективных представлений и, в частности, форм классификации. Так, в статье, написанной в соавторстве с Марселем Моссом¹ (который считается одним из основоположников французской антропологии), дана краткая история категорий логики, которым приписывается социальное происхождение. По мнению авторов, в так называемых примитивных обществах первые используемые формы классификации «организованы сообразно модели, которая дана обществом», однако «поскольку эта организация коллективного мышления уже существует, она способна реагировать на причину и способствовать ее изменению»².

Английский антрополог Мэри Дуглас вновь обратилась к этой дюркгеймовской традиции, заинтересовавшись отношениями между индивидуальными действиями, коллективными формами классификации и социальными институтами³. Исследование Мэри Дуглас обращено прежде всего против индивидуализма теоретиков рационального выбора, интерпретирующих коллективное действие через расчеты индивидуальных расходов/доходов. По мнению Мэри Дуглас, если и существуют какие-то обстоятель-

¹ Дюркгейм Э., Мосс М. О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию коллективных представлений // Мосс М. Общества. Обмен. Личность / Перевод с фр., составление, послесловие, комментарии А. Б. Гофмана. М.: «Восточная литература» РАН, 1996. С. 29.

² Ibid. P. 184.

³ Douglas M. Ainsi pensent les institutions. Paris: Usher, 1989.

ства для индивидуального расчета, то тем не менее существует и нечто, *предшествующее* этому расчету: классификации, позволяющие нам мыслить, всегда даются нам в уже готовом виде одновременно с нашей социальной жизнью»¹, идет ли речь о «малом» или «великом», «дорогом» или «дешевом», «интересном» или «неинтересном», «прекрасном» или «уродливом», «истинном» или «ложном», «рабочем» или «буржуа», «справедливом» или «несправедливом». Например, даже при сугубо рыночных расчетах следует принимать во внимание «нормативное следование закону самого рынка»². Данный анализ соприкасается с другими исследованиями, в которых моральный вопрос о *ценностях* сопрягается с технической проблемой *инструментов измерения*, с помощью которых эти ценности могут быть изучены. Следует также указать на работу Алессандро Пиццорно о коллективных идентичностях как основании для индивидуальных расчетов (см. ниже), а также на исследование Люка Болтански и Лорана Тевено об общих формах оправдания и правосудия, понимаемых как способы установления эквивалентности между людьми и вещами (см. главу 5).

Когда нам доводится заниматься классификацией в нашей повседневной жизни, *предданные* коллективные формы классификации, относительно которых у нас не возникает более вопросов, позволяют нам «экономить когнитивную энергию», поскольку для того, чтобы мыслить, «нужно, чтобы определенные вещи оказались прочно забытыми», ибо «невозможно уделять внимание всему одновременно»³. Именно потому, что данные формы классификации

¹ Douglas M. Ainsi pensent les institutions. P. 90.

² Ibid. P. 39.

³ Ibid. P. 67.

являются составной частью всякого социального *института*, понимаемого в широком смысле как «легитимная в социальном смысле группа» (семья, игра или церемония), сам этот институт «требует такого определения, которое бы явилось основанием его истинности в соответствии с разумом и с природой»¹, которое бы сделало бы его *естественным*. Если индивиды коллективно создают институты и связанные с ними классификации, то эти последние возвращают индивидам принципы *идентификации*, которые позволяют им осмысливать себя и мир. И тем не менее при изучении процессов взаимопорождения индивидуального и коллективного Мэри Дуглас, оставаясь последовательницей Дюркгейма, отдает приоритет коллективному.

3.2. Ален Дерозьер, Лоран Тевено и «Социопрофессиональные категории»

В 1980-е годы Ален Дерозьер и Лоран Тевено, бывшие в то время руководителями Национального института статистики и экономических исследований (INSEE) и сыгравшие большую роль в разработке новой номенклатуры профессий и социопрофессиональных категорий 1982 года, приступили к изучению социальной категоризации, которую осуществляла статистика. Параллельно Люк Болтански и Лоран Тевено проводили среди неспециалистов эксперимент по вопросам отношения между обыденными практиками классификации и научными формами этих практик, осуществляемых INSEE². Ре-

¹ Ibid. P. 41.

² Derosières A., Thévenot L. Finding one's Way in Social Space: a Study Based on Games // Social Science Information. 1983. Vol. 22. № 4–5.

зультаты этой работы в обобщенном виде были представлены в небольшой книжке «Социопрофессиональные категории»¹. Ален Дерозьер включил указанные исследования в более широкий труд по социальной истории статистики².

Сильной стороной указанных работ является то, что их авторы показывают, каким образом проблема социальной категоризации (перевод социального мира в категории) позволяет установить связи между тремя смыслами категории *представления*: 1) «научное и техническое представление в смысле статистической репрезентативности»; 2) «политическое представление <...>, т. е. представление социальными партнерами за столом переговоров <...> различных профессиональных групп, которые они уполномочены представлять»; 3) «когнитивное представление», т. е. «ментальный образ, который ежедневно позволяет каждому из нас идентифицировать себя и идентифицировать людей, с которыми мы вступаем в отношения»³. Итак, три этих смысла «отсылают нас к трем операциям, имеющим то общее, что они *устанавливают эквивалентность индивидов*»⁴, которые становятся в этом случае *соизмеримыми* (измеримыми в одном пространстве, идентифицируемыми с общими понятиями). Таким образом, анализ выработки и использования статистических категорий позволил выявить «связи между социальной и политической работой по конструированию

¹ Derosières A., Thévenot L. Les Catégories socioprofessionnelles. Paris: La Découverte, 1988.

² Derosières A. La Politique des grandes nombres. Histoire de la raison statistique. Paris: La Découverte, 1988.

³ Derosières A., Thévenot L. Les Catégories socioprofessionnelles. P. 34.

⁴ Ibid.

коллективной идентичности, установление эквивалентности индивидов, которое осуществляет номенклатура, и ментальных образов этой категории»¹.

4. НОВЫЕ РАБОТЫ О СОЦИАЛЬНЫХ ГРУППАХ И КАТЕГОРИЯХ

В последние годы усилился интерес к социальным группам, равно как и к социальным классификациям в области социальных наук. Остановимся на некоторых из этих работ.

4.1. Алессандро Пиццорно и проблема идентичностей

Итальянский социолог и политолог Алессандро Пиццорно обратился к поиску выхода из тупиков утилитаристских подходов (в терминах индивидуальные расходы/доходы) к участию в коллективных действиях, идет ли речь о голосовании или о включенности в социальные движения. В соответствии с утилитаристским анализом, индивид, для того чтобы «выбрать наиболее рациональный метод, должен сравнить расходы», которых потребуют различные открывающиеся перед ним возможности, однако «как он может это сделать, если не обладает общим мериллом, величиной, которая сделает возможным сравнение?»². Для ответа на этот вопрос Пиццорно вы-

¹ Ibid. P. 35.

² Pizzorno A. Sur la rationalité du choix démocratique // Sur l'individualisme / Eds. P. Birnbaum, J. Leca. Paris: Presses de la FNSP, 1986. P. 350.

двигает понятие *идентичности* в двойном — индивидуальном и коллективном — смысле, поскольку связь «Я» с коллективным (*коллективная идентичность*) осознается в некотором смысле как связь с самим собой (*индивидуальная идентичность*).

Таким образом, субъект-агент, «для того чтобы он смог определить свои интересы, подсчитать расходы и доходы, должен обрести свою идентичность через принадлежность к объединяющей коллективности. Именно так он получает критерии, которые позволяют ему определить свои интересы и придать смысл своему действию»¹. Но идентичности и интересы не даются независимо от деятельности акторов, напротив, «политика, понимаемая как создание коллективных идентичностей, определяет и без конца переопределяет интересы граждан»². Таким образом, Алессандро Пизцорно в противоположность объективистскому прочтению настаивает на активном характере работы по коллективной идентификации, «которая не просто объединяет предсуществующие социальные интересы», но «проводит среди них отбор, придумывает их, а если возникает такая необходимость, то и пренебрегает ими или заглушает их»³. С этой точки зрения индивид является такой же данностью, как группы и институты: «Понятие “индивид”, равно как и понятия “группа”, “государство” и т. д., являются *конструкциями* одной природы. Это мыслительные конструкции, позволяющие связывать друг с другом действия, образующие ряды и делающие, таким образом, социальную жизнь в некоторой степени предвидимой»⁴.

¹ Pizzorno A. Sur la rationalité du choix démocratique. P. 352.

² Ibid. P. 359.

³ Ibid. P. 362.

⁴ Pizzorno A. Considérations sur les théories des mouvements sociaux // Politix. 1990. № 9. P. 79.

4.2. Генетический подход

Генетический подход к социальным группам и способам классификации, а также к социальным объектам в более широком смысле получил определенное развитие во Франции в 1980-е годы в духе дальнейшего развития трудов Люка Болтански, Алена Дерозьера и Лорана Тевено. С 1990 г. начал даже выходить посвященный этому направлению междисциплинарный журнал «Генезис. Социальные науки и история» («*Genèses. Sciences sociales et histoire*»). Это направление исследований следует указаниям Маркса, данным им при анализе «товарного фетишизма»: «Размышление над формами человеческой жизни, а следовательно, и научный анализ этих форм вообще избирает путь, противоположный их действительному развитию. Оно начинается *post festum*, т. е. исходит из готовых *результатов процесса развития* [курсив мой. — Ф.К.]»¹. Для того чтобы эти «результаты» не казались вполне естественными вещами, авторы названных работ попытались прояснить процесс «развития» этих результатов. Назовем лишь нескольких наиболее примечательных работ:

— Американский социолог Э. Зирабэйвел, опираясь одновременно на социологию Дюркгейма и Шюца, провел наиболее оригинальные исследования исторического формирования стандартизированной меры времени в мировом масштабе (принятие *Greenwich Mean Time* и мировой системы часовых поясов)².

— Историк Жерар Нуарьель предпринял научно-теоретический синтез многочисленных историчес-

¹ Маркс К. Капитал. М.: Изд-во политической литературы, 1973. Т. 1. С. 82.

² Zerubavel E. La standartisation du temps. Une perspective socio-historique // Politix. 1990. № 10–11.

ких, социологических, этнологических или экономических работ по проблемам рабочего класса во Франции в конструктивистском ключе¹. Впоследствии он расширил поле своих изысканий, включив в него формирование «национального»².

— Экономист Робер Салэ исследовал процесс возникновения и институционализации категории «безработица»³, а социолог Кристиан Топалов продолжил эту тему⁴.

* * *

Генетический подход, таким образом, способствовал обновлению социальных наук в целом, сделав возможными эвристические междисциплинарные связи, но он также обнаружил свои пределы. Ему угрожает двойная опасность: во-первых, поиски (бесконечные) «истоков» (с постоянным погружением все более вглубь прошлого) и, во-вторых, анализ социальных практик, который замыкается на (предуготовленном) прошлом, не принимая в расчет, что историчность подразумевает также и работу настоящего как открытости в будущее. Эта двойная ловушка была хорошо подмечена Мишелем Фуко, когда он противопоставлял генеалогический подход, «склонный к поискам бесчисленных начал», «открытию

¹ *Noiriel G.* Les Ouvriers dans la société française, XIX–XX siècles. Paris: Seuil, 1986.

² См., в частности: *Noiriel G.* La question national comme objet de l'histoire sociale // *Genèses*. 1991. №4.

³ *Salais R.* L'Invention du chômage. Histoire et transformations d'une catégorie en France des années 1890 aux années 1980. (En collaboration avec N. Baverez et B. Reynaud). Paris: PUF, 1986.

⁴ *Topalov Ch.* Naissance du chômeur 1880–1910. Paris: Albin Michel, 1994.

первоистоков»: «ведь за вещами скрывается “совсем другая вещь”: не некая вневременная тайна их сущности, но тайна, состоящая в том, что у них нет сущности, что их сущность была постепенно, шаг за шагом выстроена на чуждых ей основаниях»¹.

¹ Фуко М. Ницше, генеалогия, история. С. 105.

МНОЖЕСТВЕННЫЕ ИНДИВИДЫ

В последние годы в социальных науках особый интерес вызывает множественный характер каждого индивида, его желаний, намерений, когнитивных и аффективных средств, к которым он обращается, или его идентичностей. Двойной вопрос о непрерывности индивида во времени и его единства в пространстве становится все более проблематичным, порождая новые вопросы. В работах по этой проблематике индивиды предстают как перемещающиеся по многочисленным сценам повседневной жизни, использующие логику различных действий, сталкивающиеся со множественными опытами, актуализируя, соответственно, различные, подчас противоречащие друг другу аспекты их личности.

Это зарождающееся направление опирается на имеющиеся в истории социального анализа прецеденты, хотя, как показывает пример Мэри Дуглас¹, значительная часть течений западной философии, а

¹ *Douglas M.* La connaissance de soi // *Revue de MAUSS*. 1990. № 8.

затем и социальных наук в целом, исходит — зачастую подспудно — из моделей (сознательных или нет) постоянства и единства актора или агента. В качестве наиболее удаленного от таких моделей можно, конечно, назвать понятие *запаса наличных знаний*, связанное с *множественными реальностями* Шюца. Особый интерес представляют для нас также идеи Джорджа Герберта Мида (1863–1932), американского философа-прагматика и социального психолога, оказавшего известное влияние на развитие различных форм интеракционистской социологии в Соединенных Штатах. В своих исследованиях процессов социального конструирования «Я» он уделяет внимание и множественности: «Типы поддерживаемых отношений изменяются в зависимости от различных индивидов; для одного человека мы представляем собой одно, для другого — выглядим совсем иначе. Есть и такие части «Я», которые существуют только относительно самого себя <...> Имеется большое разнообразие «Я», соответствующее различным социальным реакциям <...> Множественная личность в известном смысле совершенно нормальное явление»¹. В социологическую традицию это рассуждение будет включено с введением понятия *социальных ролей*, на которые опираются индивиды. Для Джорджа Герберта Мида многообразие «Я» в конечном итоге «гармонизируется» в «совершенном «Я»»² при помощи механизмов, которые тем не менее остаются лишь едва намеченными.

Не так давно критика по поводу распространения в социальных науках понятий «интерес» и «расчет»,

¹ Mead G. H. L'Esprit, le soi et la société. Paris: PUF, 1963. P. 121.

² Ibid. P. 122–123.

в частности работы американского экономиста Альберта Хиршмана¹, а также Алена Кайе² из группы Антиутилитаристское движение в социальных науках (MAUSS), открыли путь к менее *одномерному*, более *многомерному* видению социальных акторов.

Антиномия единство/множественность индивида оказывает также влияние на способы сбора данных, используемых исследователем. Жан-Марк Веллер³ показал в связи с этим, что использование интервью способствует более устойчивому и связному видению личности, тогда как непосредственное и длительное наблюдение за обычной деятельностью дает более разрозненное видение. Из этого вытекает необходимость *социологической рефлексии*, позволяющей точнее очертить область валидности используемых эмпирических материалов.

Перейдем к беглому обзору некоторых наиболее общих точек зрения на *плюрализацию* актора.

1. ИРВИНГ ГОФМАН И «РАМКИ ОПЫТА»

Американский социолог Ирвинг Гофман (1922–1982) в своих исследованиях сосредоточился на изучении интеракций «лицом-к-лицу» в повседневной жизни, извлекая концептуальные категории, главным образом, из театральных метафор («сцена», «публика», «персонаж», «роль», «кулисы», «постановка» и т. д.).

¹ *Hirschman A.* Vers une économie politique élargie. Paris: Minuit, 1986.

² *Caillé A.* La sociologie de l'intérêt est-elle intéressante? // Sociologie du travail. 1981. № 3.

³ *Weller J.-M.* Le mensonge d'Ernest Cigare. Problèmes épistémologiques et méthodologiques à propos de l'identité // Sociologie du travail. 1994. Vol. 36. № 1.

Проявляя интерес в первую очередь к повседневным столкновениям, к тому, что Ирвинг Гофман называл *интеракционным порядком* — области социальной жизни, доступной самостоятельному анализу, он подверг критике «редукционистскую точку зрения, для которой макросоциологические элементы общества, как и общество в целом (чье существование носит прерывистый характер), вытекают из реальности столкновений и являются своего рода агрегированными и экстраполированными интерактивными следствиями». По мнению социолога, такая точка зрения означает «смещение возникающего из ситуации и находящегося в этой ситуации»¹. В ответ на критику слишком радикальных интеракционистов, упрекающих его в чрезмерном «структурализме», И. Гофман замечал, что «индивиды, садясь играть в шахматы или выходя на улицу, не изобретают всякий раз заново мир шахмат или систему пешеходного движения»². Таким образом, среди американских интеракционистов он занимал — что особенно отчетливо проявилось в его последних работах — особую позицию, пограничную с интеракционизмом. Например, в его работе «Рамки опыта» (*«Frame Analysis»*), которая относится к 1974 г. и на которой мы остановимся подробнее, он писал: «Я занимаюсь не структурой социальной жизни, но структурой индивидуального опыта социальной жизни. Лично я отдаю приоритет обществу и рассматриваю ангажиро-

¹ Goffman E. L'ordre de l'interaction (conférence de 1982)// Les Moments et leurs hommes. Textes recueillis et présentés par Winkin Y. Paris: Seuil-Minuit, 1988. P. 208.

² Goffman E. Réplique à Denzin et Keller // Joseph I. et al. Le Parler frais d'Erving Goffman. Paris: Minuit, 1989. P. 307.

ванность индивида как вторичную: таким образом, данная работа затрагивает лишь вторичные проблемы»¹. Одним из вопросов, проходящих через все исследования американского социолога, является вопрос об идентичности субъекта (*self*), и, как показал Альбер Ожъен, она рассматривается как постоянно балансирующая между позициями «единения» и «распада»². С этой точки зрения работа «Рамки опыта» представляет для нас особый интерес.

Понятие рамки (*frame*) находится в центре многочисленных примеров микросоциологического анализа (начиная с анекдотов, почерпнутых из прессы), которые приводит И. Гофман в своей книге. По его мнению, «всякое определение ситуации конструируется в соответствии с организационными принципами, структурирующими события, — по крайней мере, те из них, которые носят социальный характер, — и нашу собственную субъективную ангажированность. Понятие “рамки” обозначает эти базовые элементы. С этой точки зрения выражение «рамочный анализ» является ведущим в изучении организации этого опыта»³. *Рамки*, таким образом, относятся к различным формам, принимаемым *предрасположенностью* наших социальных опытов, а точнее — к референтным когнитивным рамкам нашей текущей деятельности. Во всяком случае, эти рамки не только опираются на когнитивную работу, но сама эта работа укоренена различными способами во внешнем мире, в частности, в «организацион-

¹ *Goffman E. Les Cadres de l'expérience. Paris: Minuit, 1991.*

² *Ogien A. La décomposition du sujet // Le Parler frais. P. 100.*

³ *Goffman E. Les Cadres. P. 19.*

ных предпосылках»¹, которые пытаются реактивировать ментальные формы ориентации в ситуации и связанные с ней типы поведения. Термин *эпизод* (*strip*) обозначает «текущую деятельность, включающую реальные или фиктивные действия, предусматриваемые с точки зрения тех, кто в них субъективно вовлечен»². В целом, с точки зрения рамочного анализа, «всякая последовательность деятельности заключена в рамки, подвергаемые трансформациям и ретрансформациям, которые осуществляют стратификацию реальности»³.

Из всего многообразия понятий, которые разрабатывает Ирвинг Гофман для того, чтобы сделать свой теоретический инструментарий более изощренным, выделим лишь некоторые. *Первичная рамка* — это рамка, «позволяющая нам в данной ситуации придавать смысл тому или иному аспекту этой ситуации, который в противном случае был бы лишен значения»⁴, например, при игре в теннис. Каждой рамке соответствуют специфические *правила* (в данном случае правила игры в теннис). Эти первичные рамки чувствительны к деятельности акторов, к *трансформациям*, которые вводят дополнительные *страты* реальности в текущие ситуации:

— *прием* (*key*) обозначает «совокупность соглашений, при помощи которой данная деятельность, уже наделенная смыслом благодаря применению первичных рамок, трансформируется в другую де-

¹ Ibid. P. 242.

² Ibid.

³ Heinich N. Pour introduire à la cadre-analyse // Critique. 1991. № 535. P. 943.

⁴ Goffman E. Les Cadres. P. 30.

тельность, которая принимает первую в качестве модели, но которую в то же время принимающие в ней участие рассматривают как ощутимо отличную»¹. Так происходит, например, когда мы усваиваем задачу (путем ее повторения) или, в более игровом плане, «когда мы делаем вид». Такое смещение обеспечивается *настройкой*.

— *фабрикация* относится к «намеренным усилениям, индивидуальным или коллективным, которые предназначены дезориентировать деятельность индивида или совокупности индивидов и которые доходят до того, что искажают их убеждения относительно хода вещей»², и, следовательно, ко всему полю обманов между актерами (от простого розыгрыша до заговора).

Деятельность по созданию рамок не всегда является само собой разумеющейся, она может переживать *провалы* (двусмысленности, ошибки при создании рамок, сомнения и споры, в частности, относительно релевантности рамок), которые подвигают участников к *очищению* рамок, т. е. к прояснению рамок текущей деятельности (глава 9 «*Рамок опыта*»), или к *разрыву рамок*, когда мы теряем способность толковать обстоятельства, что может полностью перевернуть наше поведение (мы впадаем в панику, разражаемся хохотом или рыданиями и т. д.) в ходе действия (глава 10 «*Рамок опыта*»).

Ирвинг Гофман обращает наше внимание также на деятельность *вне рамок*, поскольку наряду с «заключенным в рамки сегментом деятельности, предоставляющим ее утвержденным участникам убежище официального внимания», «одновременно на той же сцене, на полях того, что происходит совершенно официально, возникают другие виды, другие

направления деятельности (включая и коммуникации в узком смысле этого слова)»¹, которые в этом случае мобилизуют «периферическое внимание».

Множественность рамок, в которых могут быть расположены опыты индивида, подводит нас к *фрагментированному* видению этого индивида. Например, в анализе беседы, «даже если местоимение “я” отсылает нас к говорящему и даже если этот последний представляет конкретную биографическую целостность, это вовсе не означает, что всякий раз, когда мы прибегаем к цитированию его высказываний, мы не обязаны включать целостность как таковую во всех ее аспектах. Напротив, следовало бы рассматривать говорящего в качестве совокупности различных вещей, связанных между собой — во всяком случае, отчасти, — в силу наших культурных верований в области идентичности»². Если индивиды являются множественными, то, следовательно, существуют формы унификации, даже если эта унификация происходит благодаря тому, что философ Поль Рикер называет *нарративной идентичностью* (личность существует только через повествование и в ее включенности в повествование)³. Как показывает Робер Кастель, Ирвинг Гофман учитывает и другую форму *отвердения «Я»*, проанализированную первоначально для предельного случая «тотальных институтов» (например, психиатрических лечебниц): «“Я” начинает существовать для самого себя лишь на игровом пространстве, которое ему оставляет

¹ Ibid. P. 201.

² Ibid. P. 510.

³ См.: Ricœur P. *Soi-même comme un autre*, sixième étude. Paris: Seuil, 1990. P. 167–198.

сосуществование различных институтов»¹. Таким образом, *институциональный и ситуационный плюрализм* делает возможным существование дистанции по отношению к различным ролям, которые берут на себя индивиды. Множественные личности и единство личности в этом случае предстают не как данные субстанции и не как обязательно противоположные тезисы, но как взаимодополняющие результаты (находящиеся, кроме того, во взаимосвязи), выработанные в ходе повседневных взаимодействий: «“Я”, таким образом, предстает не в качестве целостности, скрытой за событиями, но в качестве *изменяющейся формулы*, которая управляет собой через них [курсив мой. — Ф. К.]»².

2. СОЦИОЛОГИЯ ОПЫТА ФРАНСУА ДЮБЕ

Франсуа Дюбе преподает социологию в университете г. Бордо и является одним из наиболее активных сотрудников группы *CADIS* (Центр социологического анализа и социологии интервенции), созданной Аленом Туреном. Тем не менее его «Социология опыта»³ представляет собой значительное отклонение от туреновской социологии.

Ален Турен, избравший в качестве своего предмета «самопроизводство общества»⁴, на протяжении длительного времени придерживался конструктивист-

¹ *Castel R.* Institutions totales et configurations ponctuelles // *Le Parler frais*. P. 39.

² *Goffman E.* Les Cadres. P. 566

³ *Dubet F.* La sociologie de l'expérience. Paris: Seuil, 1994.

⁴ См.: *Touraine A.* Production de la société. Paris: Le Livre de Poche, 1993.

ской ориентации. Однако эволюционистское и даже профетическое видение истории, сопутствовавшее этой ориентации, существенно ограничивало ее значимость. Социология действия, разрабатываемая Аленом Туреном с начала 1960-х годов, является не социологией локализованного действия, рассматриваемого сквозь череду действий и взаимодействий, а подходом к общим историческим рамкам действия. В соответствии с его эволюционистским видением истории, достаточно близким видению Маркса, различные типы обществ, характеризующиеся через основной социальный конфликт, следуют друг за другом (сначала идут индустриальные общества, затем — как самые последние — постиндустриальные общества). Работа социолога с его попытками расшифровать социальные движения в качестве носителей будущего приобретает в этом случае профетический характер. Исследователи *CADIS*, в частности Франсуа Дюбе в работе «Каторга»¹, посвященной проблемам самых дискриминируемых групп молодежи, попытались смягчить профетический аспект в пользу большей аналитичности. Разрыв с туреновской философией истории еще более отчетливо проявляется в «Социологии опыта», поскольку речь идет о том, чтобы «похоронить саму идею исторического субъекта»², а также понимание истории как последовательной смены «типов общества»³.

Работа Франсуа Дюбе не лишена недостатков (например, его редукционистский анализ Норберта Элиаса, Петера Бергера и Томаса Лукмана, а также

¹ Dubet F. La Galère. Paris: Fayard, 1987.

² Dubet F. La sociologie de l'expérience. P. 259.

³ Ibid. P. 150–151.

Пьера Бурдьё), но мы остановимся на наиболее новых подходах, которые он развивает, исходя из понятия *опыта*, определяемого как «когнитивная деятельность», «способ конструирования реальности и, в особенности, способ ее “верификации”, ее *экспериментальной проверки*»¹. Эта социология, направленная на постижение «опыта как комбинации логик действия, логик, связывающих актора с каждым аспектом системы»², подрывает как понятие «системы», так и понятие «актора». Что касается «системы», то «не существует единства социального целого <...>. Каждая логика действия отсылает нас к автономным элементам “определенной” социальной системы», а «понятие системы значит не больше, чем простая констатация соприсутствия этих элементов»³. «Актор» также оказывается «разделенным», а его «Я» — через конфликты и объединения — «распределяется» между тремя логиками действия (интеграцией, стратегией, субъективацией), которые выделяет Франсуа Дюбе. Используя, в частности, подходы Джорджа Герберта Мида, Ирвинга Гофмана, а также этнографическое исследование образов народной жизни в Англии, предложенное Ричардом Хоггартом⁴, Франсуа Дюбе высказывает интересные соображения о возникновении *субъекта*. По его мнению, «дистанция относительно “Я”, превращающая актора в субъект, сама является социальной, она социально конструируется в гетерогенности логик и в рациональностях действия»⁵.

¹ *Dubet F.* La sociologie de l'expérience. P. 93.

² *Ibid.* P. 105.

³ *Ibid.* P. 150.

⁴ *Hoggart R.* La Culture du pauvre. Paris: Minuit, 1970.

⁵ *Dubet F.* La sociologie de l'expérience. P. 92.

Таким образом, именно «множественность опыта» может порождать «дистанцирование и отстраненность»¹: *ощущение себя* является носителем критической деятельности, которая может помешать «индивиду полностью слиться со своей ролью или своим положением»². Эта субъективность является не более (и не менее) реальной, чем расщепление индивида в ходе его множественных опытов, она просто конституирует «субъективный взгляд, обращенный к “Я”»³, «способный придать смысл и связность опыту, дисперсному по своей природе»⁴. Все это становится социально возможным благодаря разнообразию логик действия и измерений социального мира, а также конфликтам между ними. Таким образом, в конечном итоге мы получаем «образ социальной идентичности, раздробленный в своей основе и сконструированный как своего рода *труд*, как установление связей между разнородными принципами»⁵ в духе работ Микаэла Поллака.

3. ДЖОН ЭЛЬСТЕР И ПРОБЛЕМАТИКА МНОЖЕСТВЕННОГО «Я»

Путь исследования, который избрал в рамках теории рационального выбора Джон Эльстер, состоял в сопоставлении размышлений известного числа философов, экономистов, психологов, одного математика и одного социолога политики (т. е. самого автора),

¹ Ibid. P. 17.

² Ibid. P. 129.

³ Ibid.

⁴ Ibid. P. 184.

⁵ Ibid. P. 177.

сконцентрированных вокруг гипотезы *можественного «Я»*¹.

Через все эти различные подходы раскрывались разнообразные более или менее радикальные или *soft** фигуры разделения «Я». В обобщенном виде они были перечислены Джоном Эльстером во введении к книге.

Первая такая фигура отсылает нас просто к «Я», интегрированному неустойчивым образом и стоящему у истоков всех неудач. Джон Эльстер использует аналогию с фирмой, которая включает подразделения, обладающие определенной автономией. Он замечает, что «противоречивые верования могут мирно сосуществовать на протяжении довольно долгого времени, если они принадлежат различным секторам жизни»².

Вторая фигура касается проблем, широко разрабатываемых в англо-американской философии (называемой аналитической философией): *обман самого себя (self-deception) и слабость воли (weakness of will)*. Тот, кто обманывает самого себя, верит в нечто, противоположное тому, верить во что у него есть все основания; это может повлечь за собой слабость воли, т. е. выбор наихудшего при полном понимании причин. Мы имеем в этом случае дело с внутренним конфликтом личности, раздираемой между двумя желаниями или верованиями, одно из которых предстает как наиболее уместное в данном случае, но тем не менее указанная личность выбирает другое.

¹ *Elster J. The Multiple Self. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.*

* мягкие (англ.). — *Прим. перев.*

² *Ibid. P. 4.*

Третья фигура характеризует личности, разрываемые между многими желаниями, и Джон Эльстер характеризует такие личности как *faustian selves**.

Четвертая фигура вводит уже не горизонтальное, но вертикальное разделение в рамках «Я», включающее иерархизированные «Я», связанные между собой посредством порядка предпочтений.

Пятая фигура делает акцент на последовательных «Я», которые с течением времени и изменений идентичности нарушают непрерывность личности.

Шестая фигура очерчивает параллельные «Я», связанные с параллельными жизнями одной и той же личности.

Седьмая фигура включает фрейдистское наследие с его различиями между сознательным, предсознательным (промежуточным по отношению к сознательному и бессознательному) и бессознательным, а также различия между «Оно» (бессознательные влечения), «Я» и «Сверх-Я» (инстанция, бессознательно воздействующая на «Я» и развивающаяся вследствие интериоризации родительских запретов).

Восьмая фигура выводит на сцену конфликт между экономическим «Я» и «Я» социальным, *homo oeconomicus* и *homo sociologicus*.

Наконец, девятая, самая радикальная фигура защищает теорию «не-Я», в соответствии с которой «Я» связано с разрозненными элементами, которые не имеют единства в самих себе вне верований наблюдателя (самого или других) и составляют, таким образом, иллюзию. Именно в рамках этой теории фран-

* личности фаустовского типа (англ.). — Прим. перев.

цузский экономист Серж-Кристоф Колм осуществил формализацию буддизма¹.

4. ПОНЯТИЕ РЕПЕРТУАРА

Наряду с шюцианским понятием *накопления наличных знаний* во многих разделах социальных наук распространилось понятие *репертуаров* (или прилегающих друг к другу понятий), из которых индивиды или группы индивидов черпают разнообразные (интериоризированные или экстериоризированные) и даже противоречащие друг другу ресурсы. Соответственно каждый индивид имеет доступ к сложному перечню, составленному из разрозненных инструментов. Это понятие перечней способствует формированию менее однотипного и более слитного взгляда на индивидов. Ниже приводится краткий обзор некоторых из таких подходов.

Социолог Анн Свидлер, усомнившись в традиционном понятии *культуры* как однородной и интегральной совокупности ценностей и норм, «детерминирующих» поведение индивидов и групп, попыталась реинтегрировать культурные формы в действие². С этой целью она предложила альтернативное определение культуры как «своего рода “ящика для инструментов” (*tool kit*) с символами, историями, ритуалами и мировоззрениями, которые люди могут использовать в различных конфигурациях для решения разного рода проблем» в качестве «культурных

¹ Kolm S.-Ch. Le Bonheur-liberté. Bouddisme profond et modernité. Paris: PUF, 1982.

² Swidler A. Culture in Action: Symbols and Strategies // American Sociological Review. 1986. Vol. 51. № 2.

компонентов» конструирования «стратегий действия»¹. Понятие *стратегии* в данном случае предполагает не «сознательно сформулированный план», а «общий тип организации действия», включающий пред-конституированные привычки и представления². Из этих перечней или ящиков для инструментов, способных содержать антагонистические «символы», акторы отбирают различные элементы для того, чтобы вырабатывать свою линию поведения. Таким образом, культурный ансамбль одновременно дает актерам и «репертуар компетенций», который в то же время «ограничивает пространство различных стратегий»³.

Сходным образом антрополог Жан-Лу Амсель в противовес «эссенциалистскому видению культуры» защищает идею «*резервуара практик*», который служит «актерам для постоянного возобновления торгового по поводу их идентичности»⁴. Компоненты этого *резервуара* «мобилизуются актерами в зависимости от той или иной политической обстановки»⁵. *Идентичность* актора или группы акторов понимается, таким образом, как временный результат *торгов* между разрозненными элементами, а понятие *смешанных логик* постулирует «исходный синкретизм, смесь»⁶.

Английский историк Джеффри Ллойд ополчился против широко используемого в социальных и

¹ Ibid. P. 273.

² Ibid. P. 277.

³ Ibid. P. 284.

⁴ Amselle J.-L. Logiques métisses. Anthropologie de l'identité en Afrique et ailleurs. Paris: Payot, 1990. P. 10.

⁵ Ibid. P. 13.

⁶ Ibid. P. 248.

исторических науках понятия «ментальности»¹. Если понятие ментальности предполагает определенную связность и стабильность «рекуррентных и вездесущных схем идей, верований и форм поведения»², то историческое исследование подводит к «выделению *у одних и тех же индивидов*, в нашем ли собственном обществе, в Древней Греции или Древнем Китае, очень разных способов рассуждения в процессе выражения мысли, верований, аргументов, доказательств, и все это — *в крайне разрозненных областях дискурса*»³. Разнообразие верований и видов деятельности не позволяет сообщить одному и тому же индивиду или одной и той же группе индивидов «единственную и определенную ментальность»⁴, а обращает наше внимание на множественность коммуникационных контекстов.

Подобная точка зрения таит в себе разного рода опасности, на которые указал Мишель Добри: она препятствует выявлению различных ресурсов, доступных на данный момент (для одного актора или группы акторов), игнорирует «практические дилеммы, с которыми сталкиваются акторы в ходе своей деятельности»⁵. Поэтому очень часто акцент делается на тесной связи между выбором наличных ресурсов и логикой переживаемых ситуаций.

¹ Lloyd G. Pour en finir avec les mentalités. Paris: La Découverte, 1993.

² Ibid. P. 210.

³ Ibid. P. 218.

⁴ Ibid. P. 210.

⁵ Dobry M. Calcul, concurrence et gestion du sens. Paris: Presses de la FNSP, 1990. P. 361.

5. МНОЖЕСТВЕННОСТЬ РЕЖИМОВ ДЕЙСТВИЯ У ЛЮКА БОЛТАНСКИ И ЛОРАНА ТЕВЕНО

Люк Болтански и Лоран Тевено, которые сегодня являются ведущими специалистами Высшей школы социальных наук (*EHESS*) и активными членами Группы политической и моральной социологии, разработали социологию общественного оправдания, которая затем была расширена до более общей теории режимов действия, способной охарактеризовать действие индивидов в обществе, подобном нашему. Эти концепции равным образом обогатили поле экономики новым направлением, названным «экономика соглашений»¹.

5.1. Публичное оправдание

В своей работе «Об оправдании» Люк Болтански и Лоран Тевено в качестве объекта исследования выбрали обычные дискуссии, активизирующие *критику* и *обоснование* индивидов в условиях публичного пространства, т. е. индивидов, находящихся под взглядами и под давлением требований других членов коллектива. Авторы выдвинули гипотезу, в соответствии с которой на эти общественные дискуссии очень сильное воздействие оказывают легитимность и обобщенность используемых аргументов, что вынуждает участвующих в них лиц выходить за рамки той частной ситуации, в которую они оказались вовлечены. Исходя из этого, авторы смоделировали об-

¹ Dupuy J.-P., Eymard-Duvenay F., Favereau O., Salais R., Thévenot L. L'économie des conventions // *Revue économique*. 1989. Vol. 40. № 2.

щие регистры оправданий, используемые сегодня в повседневной деятельности; причем каждый из этих регистров соотносится с особой концепцией общего блага или справедливости для того или иного сообщества. Для осуществления этой формализации они привлекли классиков политической философии, имевших различные взгляды на то, что считать справедливым сообществом. Люк Болтански и Лоран Тевено не являются «изобретателями» этих регистров, они — авторы *грамматики* политической связи, т. е. они систематизировали и сформулировали концепции справедливости, которые в повседневной жизни неочевидны. В дальнейшем эти авторы предложили первое эмпирическое подтверждение своей конструкции, выделив сходные схемы для справедливых сообществ по их доминантам в соответствии с типом предприятия. Таким образом, в этом двойном процессе были выделены шесть регистров общественного обоснования (их список не является исчерпывающим, хотя, по мнению авторов, число реестров должно быть обязательно ограничено); при этом каждое сообщество обладает особым способом измерения универсальности личностей (*принцип соизмеримости*), откуда вытекает понятие *экономик универсальности* (*économies de la grandeur*):

- гражданское обоснование (Руссо, 1712–1778 / профсоюзная доминанта), основанное на коллективной воле и равенстве;
- промышленное обоснование (Сен-Симон, 1760–1825 / доминанта производительности), основанное на эффективности и компетентности;
- семейное обоснование (Боссюэ, 1627–1704 / доминанта «искусства жизни»), основанное на межличностных отношениях доверия, свя-

зывающих членов сообщества посредством целой сети отношений;

- обоснование мнением (Гоббс, 1588–1679 / доминанта общественных отношений), основанное на признании со стороны других;
- предпринимательское обоснование (Смит, 1723–1790 / доминанта успешного ведения дел), основанное на рынке;
- обоснование вдохновением (св. Августин, 354–430 / творческая доминанта), устанавливающее прямую связь между личностью и целостностью (например, Бог для мистиков или искусство для художников).

Эти регистры должны подчиняться двум общим типам принуждения, которые устанавливали бы их *легитимность* в публичных пространствах нашего общества — понимаемую не в привычном для социологии значении «легитимации» (т. е. узаконивания *a posteriori* отношений господства), но как общий горизонт смысла, служащий точкой отсчета для акторов в ходе их действий, а именно: 1) принуждение *общей человечностью*, признающей определенную гуманность общей для всех членов сообщества, 2) принуждение *порядком* по отношению к этой человечности, т. е. непостоянной иерархии, подвергающейся *испытаниям на универсальность* и не предполагающей, следовательно, установленных подвигов человечности, свойственных кастовым обществам. Эти регистры опираются не только на принципы справедливости, но также на *миры предметов* (например, хронометр в промышленном универсуме), служащих опорой в испытаниях. Авторы также выдвигают гипотезу, что каждый из акторов нашего общества имеет доступ к этим формам обоснования,

которые, следовательно, являются частью *всеми разделяемой компетентности*.

Эти обычные формы критики и оправдания присутствуют также и в трудах по социальным наукам. Поэтому *социология критики*, которая избирает в качестве объекта *критические социологии* как акторов, так и исследователей, является также и *рефлексивной социологией*, способствуя экспликации скрытых нормативных измерений «научных» социологий. Традиционный разрыв, которого требует социология, между фактологическими суждениями и ценностными суждениями выступает не столь очевидным образом, даже если он продолжает регулировать в целом научную деятельность, возможно, потому, что для оценки социальных практик и процессов наши дисциплины используют методы, имеющие двойную — *техническую* (системы измерения) и *моральную* (системы ценностей) — составляющую, которую очень трудно полностью разделить.

Хотя эти регистры и определяются как социоисторические продукты, предпринятые исследования оставляют это огромное поле вне своего внимания, сосредоточившись на повседневной работе акторов по использованию таких общих пред-конституированных форм. Эта деятельность осмысливается через встречу *интериоризированных* форм (умение использовать аргументы и перемещаться в предметных мирах) и *экстериоризированных* механизмов (готовность действовать в отношении предметного мира). Поэтому внимание авторов особенно привлекли взаимные *расторжения* между различными реестрами оправдания и *компромиссы* между ними.

Модель публичного оправдания вызвала определенные дискуссии. В них часто поднималась пробле-

ма степени распределения между акторами способностей к обоснованию. Равенство способностей в этой области не является само собой разумеющимся с точки зрения эмпирики, поэтому более справедливой представляется идея *минимального* доступа каждого. Но одновременно выдвигались две противоположные по смыслу идеи: 1) некоторые социологи воспринимали эту модель как описание мира *таким, как он есть* (в этом случае мир был бы «справедливым»); таким образом, мы имеем дело именно с осмыслением действий через *обычные смыслы справедливости*, мобилизуемые личностями при встрече с предметными мирами, следовательно, мы имеем дело с *конструкцией второго порядка*; 2) эта модель с помощью понятия обоснования и справедливости якобы пытается охватить все ситуации. Относительно этого второго момента Люк Болтански и Лоран Тевено указывают в заключении своей книги, что, напротив, они не претендуют на то, чтобы «объяснить поведение акторов во всей совокупности ситуаций, с которыми те могут столкнуться», поскольку «спорные моменты вносят разрывы во взаимодействия с другими людьми; следовательно, они должны быть восстановлены в ходе действия, которое до и после момента суждения не особо требовательно к рефлексии и обоснованию»¹. Таким образом, пространство открыто для более широкой социологии режимов действия, по отношению к которым режим публичного оправдания является лишь *региональной моделью*.

Модель обоснования подвергалась испытаниям на различных эмпирических объектах в режиме сис-

¹ Ibid. P. 425.

тематического конструирования, который как таковой никогда не существует в наблюдаемой реальности, но который служит инструментом исследования¹. Клодетт Лафей и Лоран Тевено исследовали возможности возникновения регистра экологического обоснования², доказывая тем самым, что исследования различных форм обоснования выводят на исследование практик акторов. Анализируя случаи с акторами, «сидящими на двух стульях» (например, мэр/сотрудник местной администрации), двойственная идентичность которых в переживаемых ситуациях часто бывает источником конфликтов и изменений идентичности, Клодетт Лафей уделила особое внимание множественному характеру личностей, который связан с многообразием форм обоснования, используемых каждым в различных ситуациях³.

5.2. Режимы действия, доступные одному и тому же индивиду

По примеру того, как Клод Гриньон говорит о «понятиях-бульдозерах»⁴, можно было бы назвать социо-

¹ См., в частности: Justesse et justice dans le travail / Eds. Boltanski L., Thévenot L. Avec les textes de Boisard P. et Letailleur M.-T., Chateauraynaud F., Corcuff P., Derouet J.-L., Dodier N., Derosières A., Eymard-Duvernay F., Kramarz F., Lafaye C., Thévenot L. et Wissler A. // Cahiers du CEE. 1989. № 33.

² Lafaye C., Thévenot L. Une justification écologique? Conflits dans l'aménagement de la nature // Revue française de sociologie. 1993. Vol. 34. № 4.

³ Lafaye C. Praticiens de l'Équipement et légitimités quotidiennes // Annales de la recherche urbaine. 1989. № 44–45.

⁴ Grignon C. Le Savant et le populaire. Paris: EHESS-Gallimard-Seuil, 1989. P. 41.

логиями-бульдозерами некоторые из существующих социологий, которые постигают социальный мир при помощи однородного словаря описания, интерпретации и объяснения, пригодного для любой ситуации. Тем самым они пытаются привести к одному знаменателю крайне разнородные ситуации. Социология режимов действия, зарождающаяся сегодня на основе работ Люка Болтански и Лорана Тевено, напротив, стремится обнаружить любые шероховатости поля и предложить различные концептуальные ансамбли, зависящие от того или иного типа ситуации. Следовательно, целью социологии режимов действия является реконструкция глобального подхода на основе разработки региональных моделей¹. Каждый из режимов действия пытается осмыслить действие в определенных ситуациях через менталитет и жесты, которыми владеет индивид в ходе урегулирования отношений личностей друг с другом и с вещами, т. е. используя пред-конституированные точки опоры, *внутренние* и одновременно *внешние* по отношению к личностям. И хотя такой подход вновь ставит перед социальными науками целый ряд проблем, сам он не претендует на то, чтобы объять все поле социологии, поскольку в духе Шюца он выступает как «наука науки об акторах»². Таким образом, можно представить иные, нежели публичное оправдание, режимы действия.

¹ По поводу обобщающей характеристики этой новой исследовательской программы для социальных наук см.: *Dodier N. Les appuis conventionnels de l'action. Éléments d'une pragmatique sociologique // Réseaux. 1993. № 62.*

² *Boltanski L. L'Amour et la Justice comme compétences. Trois essais de sociologie de l'action. Paris: Métailié, 1990. P. 47.*

Люк Болтански дает набросок четырех режимов действия на основе двойной оси: эквивалентность (соизмеримость) / вне-эквивалентность (несоизмеримость), а также мир / противостояние:

— *справедливость-оправдание (justice-justification) (противостояние, требующее отсылки к общим принципам соизмеримости);*

— *правильность (justesse) (скрытая соизмеримость между личностями и вещами в рутинном ходе вещей, следовательно, в состоянии мира, критика не осуществляется);*

— *агаре или любовь (безвозмездный дар, не ожидающий ответного дара, разработанный на основе христианской теологической традиции, выход соизмеримости в состояние мира);*

— *насилие (в его предельном значении «высвобождения сил», противостояние, выходящее за границы соизмеримости).*

Покой	
<i>правильность</i>	<i>Агаре (Любовь)</i>
Эквивалентность (соизмеримость)	Вне-эквивалентность (несоизмеримость)
<i>Справедливость- оправдание</i>	<i>Насилие</i>
Диспут	

Люк Болтански предлагает таким образом исследовать превращения одного режима действия в дру-

гой через различные моменты и ситуации повседневной жизни.

Лоран Тевено провел анализ отношений близости между людьми, а также между людьми и вещами, отношений, которые, в отличие от регистра семейного обоснования, остаются локальными и частичными, не обязательно выходя на обобщение и «на публику». Именно это он и называет *режимом близкого знакомства*¹. В своих исследованиях взаимодействия «от тела-к-телу» (между людьми, выносящими экспертные оценки относительно объектов) Кристиан Бесси и Франсис Шаторейно, используя средства, характерные для феноменологии восприятия Мерло-Понти, пытаются установить точки соприкосновения с этим полем исследований².

Были сделаны также наброски других режимов действия. На основе работ современного философа Э. Левинаса можно таким образом смоделировать *режим этического обращения в ситуациях «лицом-к-лицу» или режим сочувствия* (Ф. Коркюф и Н. Депраз). Схематично здесь имеется в виду факт «захваченности» — на практике и не обязательно рефлексивно — чувством ответственности за бедствие другого в ситуации «лицом-к-лицу» и близости тел. Другой режим действия был формализован на основе политического творчества Макиавелли (1469–1527), названный *макиавеллевским или тактико-стратегическим режимом* (Группа макиавеллевских исследований CERIEP в Лионе). В данном случае была

¹ Thévenot L. Le régime de familiarité // Genèses. 1994. № 17.

² Bessy Ch., Chateauraynaud F. Les ressorts de l'expertise. Épreuves d'authenticité et engagement des corps // Conein. B. et al. Les Objets dans l'action. Paris: EHESS, 1993.

предпринята попытка переопределить стратегические типы поведения, которые сегодня в социальных науках получают слишком общее и неопределенное объяснение.

Подобным же образом можно было бы по-новому осветить различные измерения социальной деятельности, как, например, вопросы господства и власти, которые и сегодня все еще «выносятся за скобки». Тем не менее число режимов действия, доступных акторам наших обществ, не является безграничным, поэтому социология режимов действия предстает в качестве операции *по упорядочению разнообразия* ресурсов, используемых акторами, а также характеристик процесса деятельности. Дальнейшее развитие этого исследовательского направления связано, в частности, с более систематическим изучением связей между режимами действия, т. е. с сопоставлением различных аспектов (интериоризированных и экстериоризированных) социальной реальности. Речь идет о том, чтобы, принимая во внимание *внутреннюю гетерогенность действия*, одновременно учитывать все способы его *артикуляции*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение этого обобщенного и уже потому частичного обзора *новых социологий*, явившихся предметом дискуссий во Франции в 1980-е и в первой половине 1990-х годов, мы должны сделать несколько дополнительных уточнений.

Прежде всего, *социальный конструктивизм* в качестве путеводной нити при выборе анализируемых авторов, понятий, результатов исследований или дискуссий вынудил нас оставить в стороне другие работы, характерные для этого периода, которые также более или менее систематически пытались подойти к проблеме преодоления традиционных для социальных наук антиномий. Таким образом, вследствие концептуальных рамок этой небольшой работы мы оставили без внимания целый ряд весьма интересных работ. По этой же причине мы не коснулись и новых отношений, устанавливающихся между социальными науками и философией. Между тем следует указать на дискуссии и развитие определенных философских направлений, в особенности на позднюю философию Людвига Витгенштейна (в частности, его подход к проблемам использования языка), феноменологию тела Мориса Мерло-Понти, оригина-

нальные методы исторического вопрошания, разработанные Мишелем Фуко, на превращение в повествование у Поля Рикера, «деконструкцию» Жака Дерриды, философию наук Мишеля Серра, теорию коммуникационного действия Юргена Хабермаса или американские теории справедливости Джона Ролза и Майкла Уолзера.

Новыми социологиями были разработаны также новые в эпистемологическом отношении элементы, которые со всей очевидностью показывают, что, за некоторыми исключениями, конструктивистскому направлению вовсе не сопутствует ультрарелятивизм. Здесь скорее вырисовывается новое употребление понятий *научной истины* и *реальности*. Научные истины, которые сами по себе охватывают лишь некую часть социальных употреблений понятия истины (этика, любовь или эстетика, являются основой для иных употреблений), предстают в качестве множественных, исторически и социально обусловленных, предварительных. Тем не менее понятие истины продолжает составлять *регулирующий горизонт* научной работы, который опирается на совокупность критериев-правил-методов-понятий-дебатов, унаследованных социологической традицией. В частности, достаточно разнообразные и не вписывающиеся полностью в конструктивистское пространство эпистемологические рефлексии, как, например, исследования А. Сикурела¹, Ж.-К. Пасрона²,

¹ В частности: *Cicourel A. V. Interviews, Surveys an the Problem of Ecological Validity // American Sociologist. 1982. February.*

² См.: *Passeron J.-C. L'inflation des diplômes. Remarques sur l'usage de quelques concepts analogiques en sociologie // Revue française de sociologie. 1982. Vol. 23. № 4; Passeron J.-C. Le Raisonement sociologique. Paris: Nathan, 1991.*

Р. Будона¹, П. Ролля² или Э. Фриберга³, выражают сомнение в *бинарной эпистемологии* (построенной на противопоставлении истина/ложь) в пользу *эпистемологии областей валидности* (области валидности наблюдений и дискурсов, собранных исследователем, используемых им техник, предлагаемых понятий или самих условий проведения исследования). Таким образом, мы имеем дело с социологическими формулировками, о которых нельзя сказать, что они являются «истинными» или «ложными» вообще, они являются «истинными» или «ложными» в *определенной мере, при определенных условиях, в определенных обстоятельствах*, и речь идет именно о том, чтобы попытаться наилучшим образом их эксплицировать, дабы придать этим формулировкам большую научную строгость. В своей критике универсалистских претензий, свойственных многочисленным теориям социального изменения, Раймон Будон подчеркивает «локальную значимость» социологических теорий. Пьер Ролль указывает, что в случае с теоретической моделью мы должны пытаться прояснить «более или менее ограничивающие условия» ее применения; чаще всего в социальных науках «ошибка» состоит в «незнании границ» используемых теоретических средств⁴. Жан-Клод Пасрон и Эрхард Фридберг выступают за расширение значимости всегда локализованных социологических предложений и, следовательно, за контролируемое использование сравнительного рассуждения, но эта значи-

¹ Будон Р. Место беспорядка.

² Rolle P. Travail et salariat. Bilan de la sociologie du travail. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 1988. Tome 1.

³ Freidberg E. Le Pouvoir et la Règle. Paris: Seuil, 1993.

⁴ Rolle P. Travail et salariat. P. 64–65.

мость не может рассматриваться как неограниченная. Аарон В. Сикурел проявляет особое внимание к устойчивости контекстов исследования, к их удаленности, равно как и близости по отношению к повседневным контекстам действия, отсюда то значение, которое он придает *социологической рефлексивности*. В рамках этого направления можно различать научные истины большей или меньшей валидности, построенные с большей или меньшей научной точностью (мы не имеем здесь дела с релятивистским радикальным не-различением типа «годится все»). Признание множественности социологических истин имеет значение также и для осмысления множественных аспектов социальной реальности, которые, в частности, могут различаться в зависимости от их *прочности*. Особенно интересными для идентификации этой прочности представляются критерии, предложенные Лораном Тевено для того, что он называет «вложениями в форму»¹: *область устойчивости* (в пространстве), *временная стабильность* и *степень объективации*.

Конструктивистский анализ исходит прежде всего, из логики научной работы, обладающей своей напряженностью и своими собственными правилами, но он также связан и с этическими и политическими воззрениями. Ни возобновляющиеся попытки встать «над» акторами, ни констатация исторической и социальной переменчивости их идеалов свободы не навязывают социологии тотальный скептицизм по отношению ко всем идеалам. Напротив, как замечает Жан-Луи Фабиани, «именно анализируя повседневную идеологическую работу, которая кое-

¹ *Thévenot L. Les investissements de forme. 1986. № 29.*

как подлывает сталкивающиеся с обстоятельствами идеалы, социолог, отошедший от релятивистской дилеммы, вновь обретает уважение [к ним]»¹. С другой стороны, производя историзацию и *денатурализацию* того, что представляется «естественным», «необходимым», существующим «вечно», социология, по выражению Пьера Бурдьё, *дефатализирует*².

Конечно, социология показывает нам, что не все возможно по причине конфликтов (экстериоризированных и интериоризированных), порожденных предшествующей социально-исторической работой, но «то, что социальный мир произвел, социальный мир, вооружившись этим знанием, может и разрушить»³. Социолог-конструктивист, таким образом, способен усомниться в *черных ящиках* (по выражению Мишеля Каллона и Бруно Латура), закрытых акторами, и особенно во *всемогущих* категориях (таких как, например, «естественные основания неравенства», «женская природа», «законы экономики», «неизбежный характер безработицы», «единственно возможная политика», «технические потребности» и т. д.) и, следовательно, способствовать открытию новых *возможных пространств* для человеческой активности, в частности, активности *наиболее угнетаемых*. В этом смысле разновидности конструктивизма могут выступать в качестве орудия против различных форм социального и политического консерватизма.

¹ Fabiani J.-L. La survie du sociologue // Critique. 1984. № 445–446. P. 459.

² Bourdieu P. Questions de sociologie. Paris: Minuit, 1980. P. 46.

³ Bourdieu P. La Misère du monde. Paris: Seuil, 1993. P. 944.

БИБЛИОГРАФИЯ

ГЛАВА 1

Дополнительная литература

Héran F. L'assise statistique de la sociologie // *Économie et Statistique*. 1984. № 168.

Lacroix B. Durkheim Émile, 1858–1917: Leçons de sociologie, 1950 // *Châtelet F.* et al. Dictionnaire des oeuvres philosophiques. Paris: PUF, 1986. P. 213–219.
Два «конструктивистских» прочтения Дюркгейма.

Rubinstein D. Marx and Wittgenstein. Social Praxis and Social Explanation. London: Routledge and Kegan Paul, 1981.

ГЛАВА 2

Основная литература

Accardo A. Introduction à une sociologie critique. Lire Bourdieu. Bordeaux: Le Mascaret, 1997.

Accardo A., Corcuff P. La Sociologie de Bourdieu. Textes choisis et commentés. Bordeaux: Le Mascaret, 1989.

Bourdieu P. Le Sens pratique. Paris: Minuit, 1980. На русском языке: *Бурдьё П. Практический смысл.* Пер. с фр. / Общая редакция перевода и послесловие Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001.

Bourdieu P. Quelques propriétés des champs // Bourdieu P. Questions de sociologie. Paris: Minuit, 1980.

Bourdieu P. Le mort saisit le vif. Les relations entre l'histoire réifiée et l'histoire incorporée // Actes de la recherche en sciences sociales. 1980. № 32–33. На русском языке: *Бурдьё П. Мертвый хватает живого. Об отношениях между историей овеществленной и историей инкорпорированной // Бурдьё П. Социология политики.* Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993.

Bourdieu P. Espace social et pouvoir symbolique // Bourdieu P. Choses dites. Paris: Minuit, 1987. На русском языке: *Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Бурдьё П. Начала / Пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994.*

Dobry M. Sociologie des crises politiques. Paris: Presse de la FNSP, 1986.

Elias N. Qu'est-ce que la sociologie? Trad. franç. Paris: Pandora, 1981. Первое издание на языке оригинала: *Elias N. Was ist Soziologie, 1970.*

Elias N. La société de cour. Trad. franç. Paris: Flammarion: Coll. Champs, 1985. (Работа была завершена в 1933 году, но опубликована только в 1969 с предисловием *Социология и история.*) Первое издание на языке оригинала: *Elias N. Höfische Gesellschaft, 1969.*

Elias N. La société des individus. Trad. franç. Paris: Fayard, 1991. Первое издание на языке оригинала: *Elias N. Die Gesellschaft der Individuen, 1987.*

Giddens A. La constitution de la société. Trad. franç. Paris: PUF, 1987. На языке оригинала: *Giddens A.* The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration, 1984.

Grignon C., Passeron J.-C. Le savant et le populaire. Paris: EHESS-Gallimard-Seuil, 1989.

Дополнительная литература

Bayart J.-F. L'État en Afrique. Paris: Fayard, 1989. Те же источники, что и у А. Гидденса, общее с К. Гриньоном и Ж.-К. Пасроном мнение о символической автономии африканских обществ, элементы анализа процессов перевода между «внутренними» сценами и интернациональной сценой (по аналогии с анализом М. Каллона и Б. Латура).

Héran F. La seconde nature de l'habitus. Tradition philosophique et sens commune dans le langage sociologique // *Revue française de sociologie*. 1987. Vol. 28. № 3. Философская история одного социологического понятия.

Lacroix B. Ordre politique et ordre social // *Lacroix B.* Traité de science politique / Eds. M. Gravitz, J. Leca. Paris: PUF, 1985. Tome 1.

Lahire B. Pratiques d'écriture et sens pratique // *Identité. Lecture. Ecriture* / Eds. M. Chodron et F. de Singly. Paris: Centre Georges Pompidou — Bibliothèque publique d'information. Coll. Études et Recherche, 1993. Критический анализ теории практики Пьера Бурдьё с позиции прагматической рефлексивности.

ГЛАВА 3

Основная литература

Berger P., Luckmann T. La construction sociale de la réalité. Trad. franç. Paris: Méridiens-Knicksieck, 1986. Первое издание на языке оригинала: *Berger P. and Luckmann T.* The Social Construction of Reality: a Treatise in the Sociology of Knowledge, 1966. На русском языке: *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич / М.: Академия-Центр, 1995.

Bloor D. Sociologie de la logique ou les limites de l'épistémologie / Trad. franç. Paris: Pandore, 1982.

Callon M. Éléments pour une sociologie de la traduction // L'Année sociologique. 1986. № 36.

Cicourel A. V. La sociologie cognitive. Trad. franç. Paris: PUF, 1979. На языке оригинала: *Cicourel A. V.* Cognitive Sociology: Language and meaning in social interaction, 1974.

Cicourel A. V. Notes on the Integration of Micro and Macro-Levels of Analysis // Advances in Social Theory and Methodology. Boston: Routledge and Kegan Paul, 1981.

Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. Englewood Cliffs (N-Y): Prentice-Hall, 1967.

Elster J. The Cement of Society. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

Latour B., Woolgar S. La vie de laboratoire. Trad. franç. Paris: La Découverte, 1988. Первое издание на языке оригинала: *Latour B., Woolgar S.* Laboratory Life: the Construction of Scientific Facts, 1979.

Latour B. La Science en action. Trad. franç. Paris: La Découverte, 1988. Первое издание на языке оригинала

нала: *Latour B. Science in Action : How to Follow Scientists and Engineers through Society*, 1987.

Schütz A. Le chercheur et le quotidien. Trad. franç. Paris: Méridiens-Klincksieck, 1987. По данной теме см. также на русском языке: *Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования*. 1988, № 2.

Дополнительная литература

Callon M., Latour B. Unscrewing the big Leviathan: how actors macrostructure reality and how sociologists help them to do so // Advances in social Theory and Methology / Eds. K. Knorr-Cetina and A.V. Cicourel. Boston: Routledge and Kegan Paul, 1983. (Попытка преодолеть оппозицию микро/макро.)

Conein B. Langage ordinaire et conversation: recherches sociologiques et analyse du discours // Mots. 1983. № 7. (Описание анализа беседы.)

Coulon A. L'Ethnométhodologie. Paris: PUF. Coll. Que sais-je, 1987.

Dubar C. La Socialisation. Construction des identités sociales et professionnelles. Paris: Armand Colin, 1991.

Grannovetter M., Svederberg R. La sociologie économique. Trad. franç. // Revue du MAUSS, 1994, № 3. (О социальном конструировании экономики.) Первое издание на языке оригинала: *Granovetter M., Swedberg R. Sociology of Economic Life*, 1992.

Marie J.-L. Le symbolique du changement // Gouverner les villes moyennes / Eds. A. Mabileau, C. Sorbets. Paris: Pedon, 1989. (Попытка преодолеть оппозицию между символическим и материальным, опираясь на теорию П. Бергера и Т. Лукмана.)

Meha H. Le constructivisme social en psychologie et en sociologie / Trad. franç. // *Sociologie et sociétés*. 1982. Vol. 14. № 2. (Научный обзор литературы, проделанный американским этнометодологом по проблемам американского образования.)

Radicleau J.-G. L'Ordre social. Paris: L'Harmattan, 1986.

Travail et cognition // *Sociologie du Travail*. 1994. № 4. (Статьи А. В. Сикурела, Б. Конейна и Е. Жакопена, американского антрополога в области познания И. Джозефа, Б. Латура и др.)

ГЛАВА 4

Основная литература

Boltanski L. Les Cadres. Paris: Minuit, 1982.

Boltanski L., Darré Y., Schiltz M.-A. La dénonciation // *Actes de la recherche en sciences sociales*, 1984. № 52–53. Повторно работа была опубликована в: *Boltanski L.* L'Amour et la Justice comme compétences. Paris: Métailié, 1990.

Bourdieu P. Espace social et genèse des «classes» // *Actes de la recherche en sciences sociales*. 1984. № 52–53. На русском языке: *Бурдьё П.* Социальное пространство и «генезис» классов // *Бурдьё П.* Социология политики. Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993.

Desrosières A., Thévenot L. Les catégories socio-professionnelles. Paris: La Découverte. Coll. Repères, 1988.

Douglas M. Ainsi pensent les institutions / Trad. franç. Paris: Usher, 1989. Первое издание на языке оригинала: *Douglas M.* How Institutions Think, 1986.

Durkheim E., Mauss M. De quelques formes primitives de classification // Mauss M. Essais de sociologie. Paris: Minuit. Coll. Points, 1968 et 1969. На русском языке: Дюркгейм Э., Мосс М. О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию коллективных представлений // Мосс М. Общества. Обмен. Личность / Пер. с фр., сост., послесл., комментарии А. Б. Гофмана. М.: «Восточная литература» РАН, 1996.

Noiriel G. Les Ouvriers dans la société française, XIX–XX siècles. Paris: Seuil. Coll. Points Histoire, 1986.

Pizzorno A. Sur la rationalité du choix démocratique. Trad. franç. / Eds. P. Birnbaum; J. Leca. Sur l'individualisme. Paris: Presses de la FNSP, 1986.

Thompson E. P. La formation de la classe ouvrière anglaise. Trad. franç. Paris: ENESS-Gallimard-Seuil, 1988. Первое издание на языке оригинала: *Thompson E. P.* Making of the English Working Class, 1963.

Zerubavel E. La standardisation du temps. Une perspective socio-historique. Trad. franç. // Politix. 1990. № 10–11. По близкой теме на языке оригинала см.: *Zerubavel E.* Hidden Rhythms: Schedules and Calendars in Social Life, 1985.

Дополнительная литература

Courouge C., Pialoux M. Chronique Peugeot // Actes de la recherche en sciences sociales. 1984 et 1985. № 52–53, 54, 57–58 et 60. О буднях профсоюзной работы на основе углубленных интервью, проведенных социологом Мишелем Пиалу с рабочим завода Пежо, профсоюзным активистом К. Куружем.

Duriez B., Ion J., Pinçon M. et Pinçon-Charlot M. Institutions statistiques et nomenclature socioprofes-

sionnelle. Essai comparatif. Royaume-Uni, Espagne, France // *Revue française de sociologie*. 1991. Janvier-mars.

Elgey G. De l'histoire sociale au « tournant historique » dans l'historiographie anglo-américaine des années 1980 // *Genèses*. 1992. № 7.

Scott J. *Gender and the Politics of History*. N. Y: Columbia University Press, 1988. Феминистическая версия исторического анализа.

ГЛАВА 5

Основная литература

Bolnanski L., Thévenot L. *De la justification*. Paris: Gallimard, 1987.

Boltanski L. *L'Amour et la Justice comme compétences*. Paris: Métailié, 1990.

Corcuff P. *Théorie de la pratique et sociologies de l'action*. Anciens problèmes et nouveaux horizons à partir de Bourdieu // *Actuel Marx*. 1996. № 20.

Dodier N. *Les appuis conventionnels de l'action*. Éléments d'une pragmatique sociologique // *Réseaux*. 1993. № 62.

Dubet F. *Sociologie de l'expérience*. Paris: Seuil, 1994.

Elster J. (ed.) *The Multiple Self*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

Goffman E. *Les cadres de l'expérience*. Trad. franç. Paris: Minuit, 1991. Первое издание на языке оригинала: *Goffman E.* *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*, 1974.

Lafaye C. *Situations tendues et sens ordinaire de la justice au sein d'une administration municipale* // *Revue française de sociologie*. 1990. № 2.

Mead G. H. Le soi et la société. Trad. franç. Paris: PUF, 1963. Первое издание на языке оригинала: *Mead G. H.* Mind, Self and Society, 1934.

Swidler A. Culture in Action: Symbols and Strategies // American Sociological Review. 1986. № 2.

Дополнительная литература

Camus A., Corcuff P., Lafaye C. Entre local et le national: des cas d'innovation dans les services publics // Revue française des affaires sociales. 1993. Vol. 51. № 2. Дискуссия по поводу теории действия и метода Алена Турена.

Chateauraynaud F. La Faute professionnelle. Paris: Métaillé, 1991. О применении модели оправдания.

Corcuff P. Ordre institutionnel, fluidité situationnelle et compassion. Les interactions au guichet de deux Caisses d'Allocation Familiales // Recherches et Prévisions. 1996. № 45.

Kaufmann J.-C. Rôles et identité: l'exemple de l'entrée en couple // Cahiers internationaux de sociologie. 1994. Juillet-décembre. Новый подход к толкованию понятий ролей и идентичности на основе анализа П. Бергера, Н. Элиаса и Е. Гофмана.

Ogien F. La décomposition du sujet // Joseph I et al. Le Parler frais d'Erving Goffman. Paris: Minuit, 1989.

Pollak M. Une identité blessée. Paris: Métaillé, 1993. Управление идентичностью в экстремальных ситуациях, как, например, ситуация депортированных в нацистские лагеря и больных СПИДом.

Queiriz J.-M., de, Ziotkowski M. L'interactionisme symbolique. Rennes: Presse universitaires de Rennes, 1994.

Singly F., de. L'Homme dual // Le Débat. 1990. № 61. Конфликт между «утилитарным» и «гуманитарным» сознанием «дуального человека».

Журналы

«Новые социологии» находятся в постоянном движении. Мы укажем лишь некоторые научные издания, в которых находят отражение новаторские тенденции в социологии и социальных науках.

Actes de la recherche en sciences sociales (раньше журнал выходил в издательстве Minuit, сегодня — в издательстве Seuil). Создатель и главный редактор журнала (1975–2002) — Пьер Бурдьё. В настоящее время журналом руководит ред. совет: Жером Бурдьё, Патрик Шампань, Оливье Кристэн.

Cahiers du Centre d'études de l'emploi (журнал выпускается издательством Presse Universitaire de France): в журнале в рамках темы труд и занятость публикуются также исследования, близкие по духу направлению, называемому «экономика соглашений».

Critiques sociales: на скрещении социологии и политического действия, особое внимание в журнале уделяется различным формам социального этноцентризма.

Enquête-Anthropologie Histoire Sociologie (Марсель: Editions Parenthèses, распространитель: Presse Universitaire de France): относится к изданиям, которые, концентрируя свое внимание на теме опросов, поощряют междисциплинарные связи в направлении, разрабатываемом в последних работах Жана-Клода Пасрона.

Espaces Temps: первоначально ориентированный на географов и историков, журнал уделяет особое внимание новым парадигмам в социальных науках.

Genèses — Sciences sociales et histoire (издательство Belin): многопрофильный журнал, концентрирующий свое внимание на проблематике генезиса и, следовательно, проявляющий особый интерес к истории.

Hermès — Cognition, Communication, Politique: издание Национального центра научных исследований (CNRS), многопрофильный журнал, в котором публикуются исследования по философии и по социальным наукам на тему коммуникаций (в духе теории Юргена Хабермаса) и когнитивности (например, дискуссии в рамках когнитивных наук)

Politix: журнал первоначально выпускался издательством Presses de la Fondation nationale des sciences politiques, в настоящее время — издательством Harmattan. Журналом руководят молодые университетские преподаватели и исследователи в области политических наук. Первоначально журнал был более ориентирован на исследования, проводимые в духе социологии Пьера Бурдьё, однако со временем он расширил свои интересы до уровня национальных и межнациональных.

Raisons pratiques (Издательство: Editions de l'Ecole des Hautes Études en Sciences Sociales): это не журнал в строгом смысле слова, а скорее книжная серия, которая имеет сходство с журнальным изданием, поскольку речь идет о коллективном издании, каждый номер которого объединен какой-либо одной темой с сильным уклоном в теорию (и даже в философию).

Réseaux — Communication Technologie Société (издается Национальным исследовательским центром дальней связи [CNET]): этнометодологические исследования, новые подходы к действию или теории коммуникационного действия Юргена Хабермаса — эти и многие другие темы были «открыты» именно благодаря этому журналу.

Revue du MAUSS (издательство La Découverte): под руководством главного редактора Алена Кайе в журнале публикуются работы по целому ряду дисциплин, которые объединяет критика утилитаризма и стремление установить новые связи между социологией и экономикой, равно как и между социальными науками и философией.